

ЕРЕТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

**Михаил
Крюков**

К ТОЧКЕ НЕВОЗВРАТА

Михаил Крюков

**Еретическое путешествие
к точке невозврата**

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крюков М. Г.

Еретическое путешествие к точке невозврата / М. Г. Крюков —
«Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-551-1

Осень 1524 года. Священная Римская империя стоит на пороге Великой крестьянской войны. По Саксонии странствует необычный отряд: отставной командир рейтаров барон Вольфгер фон Экк, его слуга и телохранитель оборотень Карл, католический монах, ведьма, гном и эльфийка. Они вышли в путь потому, что в замковой часовне барона заплакала кровью икона, были явлены и другие признаки конца света. Неужели предсказания Апокалипсиса начали сбываться? А может быть, страшный суд можно отсрочить? Прежде чем герои романа узнают правду, они побывают в Дрездене, Виттенберге, Праге и даже на горе Броккен, встретятся с отцом Реформации Мартином Лютером, мятежным священником Томасом Мюнцером, художником Лукасом Кранахом и другими историческими фигурами. Магия, сражения, схватки с шайками разбойников, зарождающаяся любовь немолодого человека... А тут ещё странное существо, которое барон случайно вызвал, изучая купленный у иудея-купца манускрипт.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-551-1

© Крюков М. Г., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	39
Глава 4	50
Глава 5	60
Глава 6	68
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Михаил Крюков

Еретическое путешествие к точке невозврата

Моей жене Светлане

Автор

Как представляем мы порядок древний?

Как рухлядью заваленный чулан,

А некоторые ещё плачевней –

Как кукольника старьёй балаган.

По мнению некоторых, наши предки

Не люди были, а марионетки.

И. Гёте «Фауст»

Маркантонио Раймонди. «Триумф Гекаты». Начало XVI века. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Часть 1

Глава 1

15 октября 1524 г.

День св. Агилия, св. Антиоха, св. Аврелии Страсбургской, св. Ефимии, св. Каллиста, св. Канната, св. Сабина, св. Севера, св. Фёклы Китцингенской, св. Флавии, св. Фортуната.

15 октября 1524 года, ближе к полудню не по-осеннему тёплого, солнечного дня, фрайхерр¹ Вольфгер фон Экк, седьмой и последний барон из древнего и славного рода фон Экков, стоял у окна в верхнем этаже бергфрида² замка Альтенберг. Под стенами замка, сложенными из позеленевших от времени каменных блоков, вздущаяся от дождей в верховьях Рудных гор река несла хлопья грязной пены, сломанные ветки, листву и прочий мусор. А за рекой на фоне выцветшего, будто застиранная ткань, неба, пламенел осенними красками лес.

Вольфгер забавлялся игрой, придуманной ещё в детстве: упёршись лбом в оконный переплёт, он слегка поворачивал голову то вправо, то влево, и наблюдал, как листва в старом, оплывшем книзу стекле, переливалась волшебными красками, а лес казался таинственным и сказочным. Вольфгер прикрыл глаза и представил себе, как он на своём охотничьем жеребце едет по лесной тропинке. Давно изучивший привычки хозяина конь идёт шагом, а барон, бросив поводья ему на шею, с наслаждением вдыхает запах грибной прели, прихваченных ночными заморозками листьев и невесть как долетевшего сюда дымка из печей замковой кухни. А впереди за поворотом лежит озеро, небольшое, но очень глубокое, и настолько холодное, что даже в летнюю жару купаться в нём можно только на отмели. На берегах озера греются на солнце серые туши камней, которые в незапамятные времена приволок сюда ледник. Камни гладкие, и на них хорошо лежать, глядя в небо.

Озеро маленькому Вольфгеру показал дед, Фридрих фон Экк. Старый барон надолго пережил своё поколение – жену, родственников и друзей – и всеми забытый и никому не нужный, доживал свой век в замке. В молодости он, как и все фон Экки, участвовал в войнах, которые постоянно вёл с соседями задиристый курфюрст Саксонский, а то и сам император, и однажды в сражении ему не повезло. Бросаясь в конную сшибку, фрайхерр Фридрих, как обычно, скинул тяжёлый, похожий на железный клёпанный горшок топфхелм³, который мешал смотреть, оставшись в полукруглой железной каске-цервельере, и пропустил удар моргенштерном. Каска не подвела, но шипастый шар соскользнул по гладкому железу на лицо, барон потерял левый глаз и несколько зубов, а также обзавёлся безобразным рваным шрамом через всю щёку.

Тогда он выжил чудом. Раненого нашли на поле боя оруженосцы, заметив коня под знакомой попоной. Конь охранял лежавшего без сознания хозяина – визжал, злобно скалил жёлтые зубы и оттирал крупом чужих людей. Барон две седмицы провалялся в лихорадке, а потом ещё полгода медленно и неуверенно приходил в себя, но воевать, оставшись с одним глазом, конечно, уже не мог. Из-за потери зубов и неудачно сросшегося шрама, который барон пытался скрыть бородой, Фридрих стал сильно шепелявить. Его речь мало кто понимал, а из-за сильного удара по голове барон перед сменой погоды иногда заговаривался. Несмотря на это, Вольфгер любил деда, а старик отвечал ему искренней привязанностью. Именно он позна-

---

¹ **Фрайхерр** (нем. Freiherr) – барон в Священной Римской империи.

² **Бергфрид** (нем. Bergfried) – В средневековой Германии так называлась главная башня замка.

³ **Топфхелм** (нем. Topfhelm) – кавалерийский рыцарский шлем с узкой прорезью впереди.

комил мальчика с окрестностями замка, показал, как правильно управлять лошадьё в конном бою, да не на турнире, а в реальной схватке, когда один конный может оказаться против трёх или даже четырёх пешцев.

Дед и внук любили конные прогулки, и часто, взяв с собой мешок с едой и бурдюк с разбавленным вином, уезжали из дома на целый день. Они забирались в самые глухие уголки замковых владений и однажды выехали к озеру. Безмянное лесное озеро выглядело кристально чистым, прозрачным, но было странно мёртвым – в нём не водилось ни рыбы, ни лягушек или другой водяной живности, даже утки облетали его стороной.

– Дед, скажи, а почему озеро, ну... такое неживое? – с любопытством спросил Вольфгер, вертя головой.

– А это, малыш, потому, что в озере живёт ундины⁴, – пояснил Фридрих. – Она ведь не любит соседей, ну, а звери и птицы, понятное дело, это чувствуют...

– Настоящая ундины?! – ахнул мальчик. – А ты её видел?

– Да так... мельком, – криво усмехнулся дед. Шрам через всю щёку превращал обычную человеческую улыбку в жутковатую гримасу.

– Ундины, понимаешь ли, Вольфгер, любят чистую воду и не выносят, когда на них смотрят люди. Ясное дело, для человека это очень опасно. На ундины невозбранно может смотреть лишь тот, кто в канун Вальпургиевой ночи найдёт цветок папоротника и зашьёт его в свою одежду. У меня такого цветка не было, поэтому я и не рискнул разглядывать её.

– А чем опасно смотреть на ундины? – спросил Вольфгер. Глаза мальчика горели в предвкушении волшебной сказки.

– Разное говорят, – замялся старик, прикидывая, как лучше рассказать ребёнку легенду для взрослых. – Я слышал, что ундины становятся красивые девушки, утопившиеся из-за несчастной любви. И они, понятное дело, мечтают опять стать людьми, в озере-то холодно, сыро и скучно, а у русалки в жилах течёт не горячая человеческая кровь, а озёрная вода. Для того чтобы опять стать человеком, ундины должна заманить в свои объятия юношу. Тогда она, выпив его кровь и завладев душой, сможет выйти на сушу и вернуться в мир людей, а юноша превратится в упыря-утопленника. Берегись, сынок, обнажённых девушек, которые расчёсывают волосы на берегах рек и озёр, потому что Это могут быть вовсе не прачки или замковые кухарки, а ундины. И тогда нет спасенья оплошавшему, его душа будет навеки порабощена и не вкусит райского блаженства!

Вольфгер слушал деда с открытым ртом. Перед его внутренним взором стояла девушка неземного изящества и красоты, с тонкой талией, высокой грудью и роскошными чёрными волосами. Вот она открывает ему объятия, Вольфгер смело обнимает её, целует, но почему-то не превращается в упыря, а девушка с радостным смехом становится земной, живой, ласковой и по-прежнему красивой и манящей...

Фрайхерр Фридрих фон Экк давно упокоился в фамильном склепе, Вольфгер повзрослел, и женское тело больше не было для него тайной, но образ ундины из лесного озера не оставлял его воображения. Все женщины, с которыми он заводил знакомство, казались грубыми, неинтересными и лишёнными обаяния. И хотя барону уже перевалило за сорок, он так и не женился, а свои мужские надобности предпочитал утолять с помощью молоденьких горничных или кухарок, их было полным-полно в замке. По прошествии месяца, а то и двух, очередная баронская подружка покидала его спальный покой, унося мешочек с золотыми гильденами, потом выходила замуж за какого-нибудь ремесленника и жила счастливо. Время от времени Вольфгер получал приглашения на крестины, сделанные с многозначительной улыбкой, и никогда не отказывал. Родители получали богатый подарок, а новорождённый – сереб-

---

⁴ Ундины – в немецкой мифологии то же, что русалка у славян.

ряную ложку с баронским гербом на первый зуб, после чего Вольфгер о младенце забывал, а родители и не напоминали.

Барон фон Экк владел замком один. Его отец, мать и старший брат давно умерли, сёстры были замужем, поэтому найти для него достойную невесту было некому. Только отец Иона, старый монах, который много лет назад учил маленького Вольфгера грамоте по латинской Библии, часто бурчал, что, дескать, негоже молодому хозяину жить в башне старого замка, как лесному сычу. Барон на старика не обращал внимания, он привык к уединению, к браку не стремился, и наследники ему были не нужны. ««Какое мне дело, какая судьба постигнет замок и род фон Экков после моей смерти?»», – посмеиваясь, говорил он монаху. Тот возмущённо махал руками, но что возразить на это, не знал.

Так они и жили, не обращая внимания на течение лет: фрайхерр Вольфгер фон Экк, его слуга и телохранитель Карл, монах, отец Иона, и управляющий замком, итальянец Паоло, который называл себя «мажордомо». Его когда-то пригласил в замок отец Вольфгера, чтобы обученный премудростям бухгалтерии счетовод разобрался в запутанных денежных делах семьи. Как-то так получилось, что Паоло прижился в замке и остался у фон Экков на всю жизнь. Своей семьи у него не было, и все силы души мажордомо тратил на управление имуществом хозяев. Паоло оказался человеком кристальной честности, никогда не воровал и в этом отношении был идеальным управляющим, но, как многие итальянцы, питал пристрастие к кислому красному вину и два-три раза в год впадал в запой. Тогда он запирался в своём домике, и в течение нескольких дней из его окон доносились невнятные вопли, песни на итальянском и звон бьющейся посуды. Когда запой кончался, Паоло выходил на свет божий не угрюмым и опухшим, как большинство пьяниц, а преисполненным христианской доброты и как бы лучащимся изнутри. Он с удвоенной энергией брался за дела, запущенные в дни запоя, и был особенно вежлив и предупредителен даже к самому распоследнему кухонному мальчишке, выносящему кадку с помоями.

Как и полагается истинному итальянцу, Паоло был похотлив, наподобие мартовского кота, но, несмотря на поэтическое имя, был толст, лыс и из-за пристрастия к простонародной итальянской кухне постоянно благоухал перцем и чесноком. Не удивительно, что благосклонностью замковых красоток он не пользовался и часто носил на физиономии недвусмысленные следы отказа. Но Паоло не унывал и, получив очередную затрещину, беззлобно ругался на своём певучем языке, грозил пальцем вслед убегающей девице, вздыхал и шёл по своим делам.

Он неуклонно требовал, чтобы Вольфгер ежемесячно подписывал счётные книги. Барон ничего в денежных делах не понимал, поэтому сначала подписывал книги не глядя, но вскоре заметил, что Паоло это обижает. Мажордомо хотел, чтобы хозяин вникал в его труды и ценил их. Тогда Вольфгер, не желая расстраивать управляющего, стал наугад тыкать пальцем в две-три строчки и спрашивать: «А это что? А это?» Паоло дотошно объяснял, Вольфгер делал вид, что понимает объяснение, важно кивал, подписывал книги, и они расставались, довольные друг другом.

Род фон Экков был одним из богатейших в Саксонии, и вышло это, в общем, случайно. Когда первый барон фон Экк за верную службу получил от императора лен в Саксонии, никто и не предполагал, что вскоре там будут найдены богатейшие залежи серебряной руды. Возникла неловкая ситуация. Император не мог выпустить из рук копи по добыче драгоценного металла, необходимого для чеканки монеты, но и отнимать подаренное своему слуге и соратнику тоже не хотел. Решение нашлось довольно быстро: сообразительный Ганс фон Экк сдал серебряные рудники в бессрочную аренду имперской короне за весьма высокую плату, и все остались довольны. Императорские чиновники не распространялись о том, сколько серебра добывается в рудниках, а фон Экки и не спрашивали. Дважды в год к замку подъезжала крытая повозка под охраной сильного отряда горной стражи во главе с угрюмым десятником, и в подвалы замка переносили очередную партию брусков тусклого металла. Большая часть из

них потом переправлялась в хранилища торговых домов Фуггеров, Вельзеров и Гохштаттеров, чтобы пойти в дело и приумножать богатство дома фон Экк. За этим тоже следил Паоло.

Вольфгер, конечно, слышал, что копи постепенно истощаются, а работающие в них каторжники не живут больше полугода – руда драгоценного металла убивала быстро – но старался об этом не думать. Он знал, что накопленных сокровищ хватит не только ему, но и нескольким поколениям его потомков, буде они всё-таки появятся, и совершенно не заботился о деньгах. Личные потребности барона были довольно скромными, показной роскоши он не признавал, сам в гости не ездил и никого к себе не звал, ценил тишину, уют, хорошее вино и книги.

В отличие от других представителей германской аристократии, фрайхерр Вольфгер получил неплохое образование. Он знал латынь, греческий и французский, а благодаря Паоло, мог объясняться и по-итальянски. Основное развлечение дворянства – войны – его не интересовали, хотя Вольфгер умел обращаться с мечом и копьём, а в соответствии с семейной традицией в молодости командовал отрядом рейтаров⁵, но к военному делу относился как к скучной работе, которую полагается выполнять добросовестно и по-немецки педантично.

Надменные фюрсты⁶ в золочёных латах, командовавшие большими отрядами, снаряжёнными за их собственный счёт, не считали за своего угюмоватого барона. Он не принимал участия в развлечениях знати, не хвастался на пирушках своими воинскими и любовными победами, а при планировании предстоящего боя доводил до иступления соседних командиров согласованием взаимодействия, сигналами, уточнениями разграничительных линий и другой скучной чепухой.

Лейтенантов и сержантов Вольфгер подбирал себе под стать: это были не продажные ландскнехты⁷, перебегающие от хозяина к хозяину, из армии в армию, а ремесленники войны, умелые, опытные и спокойные мужики, которые без приказа своего командира не сделают лишнего шага ни вперёд, ни назад.

Отряд рейтаров фон Экка пользовался своеобразной славой: все знали, что особых трофеев и наград в нём не заработаешь, но зато и шансов остаться в живых заметно больше. Некоторые солдаты в поисках богатой добычи уходили от фон Экка, а некоторые, наоборот, просились в его отряд. Так Вольфгер познакомился с Карлом. Тот сначала был простым рейтаром, а потом стал слугой, телохранителем и даже другом.

Молчаливый светловолосый гигант, по виду опытный воин, сразу понравился Вольфгеру, и он взял его в отряд. Карл одинаково хорошо владел любым оружием, но предпочитал редко используемую в империи секиру с укороченным древком. Он обладал огромной физической силой, был холоден и бесстрашен, а на поле боя вытворял секирой такое, что свои кнехты невольно старались оказаться под его защитой, а враги в ужасе расступались. В конном строю Карл с одного удара разрубал кованый наплечник, а если приходилось спешиться, в ход шли не только отточенное до бритвенной остроты лезвие, но также верхний и нижний шипы секиры. Нередко после боя его оружие бывало в крови по самый рондель⁸.

Однажды Вольфгеру понадобилось съездить из расположения отряда в соседний город в двух днях пути. В окрестностях было спокойно, а поскольку тяжеловесные рейтары спешить не любили, он решил ехать без охраны, взяв с собой только Карла.

Первый день в пути прошёл спокойно. Однако ближе к вечеру, на поляне в глухом лесу, в беспокойный час сумерек, когда тени от деревьев темнеют и чернильными кляксами ложатся на траву, на них напали. Это был отряд беглых кнехтов, которые предпочли разбой на дорогах

---

⁵ **Рейтары** (нем. Reiter) – бронированная кавалерия, вооружённая крупнокалиберными пистолетами и мечами.

⁶ **Фюрст** (нем. Fürst) – аристократический титул в Священной Римской империи, примерно соответствующий русскому князю.

⁷ **Ландскнехт** (нем. Landsknecht) – в Средневековой Германии наёмный пехотинец.

⁸ **Рондель** (фр. Rondelle – круглый) – диск на холодном оружии, защищающий кисть руки воина.

опасностям военной службы. Подобно бродячим псам, они крутились вокруг воюющих армий и устраивали на дорогах засады, выбирая лёгкую и беззащитную добычу.

Разбойников было человек десять, и Вольфгер сразу понял, что они с Карлом попали в скверную историю, из которой им вряд ли удастся выпутаться – нападающих было слишком много. На узкой тропе сражаться верхом было неудобно, поэтому Вольфгер и Карл спешили. Три разбойника напали на Вольфгера, как на более опасного воина в доспехах и с мечом, двое занялись Карлом, легкомысленно посчитав увальня лёгкой добычей, а остальные бросились потрошить седельные сумки их коней.

Тихая поляна наполнилась лязгом железа и хриплой бранью, которой подбадривали себя разбойники. Вольфгер сражался молча. Прислонившись спиной к дереву, он с трудом отбивался от нападающих. Те, правда, пока больше мешали друг другу, чем помогали. Разбойники не имели ни малейшего представления о правильном фехтовании и, как дровосеки, с хаканьем, дыша Вольфгеру в лицо чесноком и прокисшим вином, наносили сильные, но бестолковые удары. Барон парировал их, но понимал, что долго так продолжаться не может. Скоро кнехты сообразят, что нападать нужно одновременно с трёх сторон, один удачный выпад – и он будет убит. Нужно было вывести из строя хотя бы одного, тогда у Вольфгера появлялся шанс отбиться. И тут представился благоприятный случай: один из кнехтов раскрылся, опустив тяжёлый меч слишком низко. Барон немедленно воспользовался оплошностью разбойника и ткнул остриём меча ему под подбородок. Кнехт выронил меч, схватился руками за пробитое горло и упал.

«Один есть! – радостно подумал Вольфгер, – уже лучше!» Боковым зрением он заметил, что Карл успешно отбивается от своих противников. Один уже валяется на земле, истекая кровью, но на помощь к уцелевшему бегут ещё трое. Вольфгер только собрался атаковать правого из двоих оставшихся против него разбойников, толстого и неповоротливого, который размахивал мечом, хрипло дыша и обливаясь потом, как вдруг получил от левого неопасный, но болезненный удар в лицо. По щеке хлынула кровь, Вольфгер непроизвольно вскрикнул, Карл оглянулся на крик и тут... время замерло.

Неожиданно Карл отшвырнул секиру, задрал голову к небу и издал жуткий рёв, который, казалось, не мог вырваться из человеческой глотки. Разбойники от неожиданности отшатнулись.

Кровь из пореза затекла Вольфгеру в глаз, он невольно зажмурился, а когда проморгался, то с изумлением увидел, что на поляне на месте Карла на задних лапах стоит медведь совершенно невообразимых размеров, и не обычный, бурый, а грязно-чёрный и клочкастый. Медведь помотал башкой и оглядел поляну крохотными налитыми кровью глазками. Потом ещё раз взревел, разинув пасть, из которой клочьями летела пена, и начал убивать. Огромные кривые когти и клыки рвали человеческую и лошадиную плоть, как пергамент. Разбойники, в смертельном ужасе побросав бесполезное оружие, попытались сбежать, но успели сделать всего пару шагов. Через несколько ударов сердца поляна была похожа на лавку сумасшедшего мясника – всё было залито кровью, на земле валялись бесформенные куски мяса с торчащими из них обломками костей, а посередине поляны лежал Карл без признаков жизни. Чудовищный медведь исчез, противники барона разделили печальную судьбу остальных разбойников.

Вольфгер пришёл в себя не сразу. Дождавшись, когда противная дрожь в ногах исчезнет, он сделал шаг от дерева, вытянул из-под нагрудника шарф, стёр с лица кровь, кое-как перевязал щёку и побрёл к Карлу.

Карл был без памяти, дышал хрипло и с трудом, глаза закатились. По счастью, конь Вольфгера, единственный из всех, уцелел. Барон поймал его, с третьей или четвертой попытки смог взвалить тяжеленное тело Карла поперёк седла и увёз с поляны. Остаться на ней было совершенно невозможно.

Отъехав подальше, Вольфгер привязал коня, стащил Карла на землю и перекатил на попону. Потом развёл костёр и, найдя ручей, отмыл своего телохранителя от засохшей крови и отмылся сам. Карл в себя не приходил. Три дня и три ночи он находился между жизнью и смертью, метался в бреду, заходился сухим, доходящим до рвоты кашлем, и всё это время Вольфгер дежурил возле него, стараясь с помощью своих невеликих познаний в лекарском искусстве облегчить страдания больного.

На четвёртый день Карл пришёл в себя. Открыв глаза, он дрожащими руками ощупал себя, и с недоумением глядя на Вольфгера, прохрипел:

– Во... господин барон, что... Что это было? Где я? Что со мной?

– Наверняка сказать не могу, Карл, – улыбнулся Вольфгер. – Но сдаётся мне, что ты каким-то чудом превратился в медведя и перебил напавших на нас разбойников. И их лошадей – тоже.

– Ах, вот оно что... Тогда всё понятно... – пробормотал Карл.

Он не сказал больше ни слова, закрыл глаза и задремал. Но это уже было не болезненное забытьё, а сон.

Убедившись, что Карлу ничего не угрожает, Вольфгер заставил себя вернуться на ту поляну, где на них напали. Преодолевая брезгливость и долго выбирая, куда поставить ногу, он, завязав шарфом лицо, медленно ходил по бурой от крови траве, вспугивая сыто ковьяляющих ворон и разгоняя рои жужжащих мух. Среди вещей разбойников ему удалось найти небольшой охотничий лук, колчан со стрелами и котелок. Котелок он потом долго оттирал песком в ручье, а из лука сумел подстрелить фазана, ошипал его и, как умел, сварил на костре похлёбку.

Запах варева разбудил Карла. Вольфгер, придерживая голову больного, стал осторожно поить его. Оборотень с трудом глотал. Выпив немного, он показал глазами, что пока достаточно, и откинулся на седло, служившее ему подушкой.

– Ну, как ты? – спросил Вольфгер.

– Спасибо, уже лучше... – ответил Карл, облизывая пересохшие и растрескавшиеся от жара губы. – Сколько... сколько я был без памяти?

– Три дня и три ночи.

– Я обязан вам жизнью, фрайхерр Вольфгер, – пробормотал Карл. – Примите мою нижайшую благодарность...

– А по-моему, это я тебе обязан жизнью! – мягко улыбнулся Вольфгер. – Ведь если бы не ты, разбойники разделали меня, как свинью на бойне. Но объясни мне, ради Христа, как это ты сумел превратиться в медведя? Да ещё в такого огромного, чёрного, я и не знал, что в Саксонии такие водятся!

– Такие точно не водятся... – криво усмехнулся Карл. – Мой господин, я должен кое в чём признаться. Я не человек. Я – вербёр, медведь-оборотень. Теперь вы можете меня убить, я не буду сопротивляться...

– Что-о?! – Вольфгер чуть не свалился с пня. – Ты – оборотень?! Но ведь их же не бывает! Хотя, хм... Я своими глазами... Мда... Ну, ладно, пусть оборотень. Хотя, знаешь, всё-таки трудно вот так сразу в это поверить. Но скажи-ка мне, с какой стати я должен тебя убить?

– А разве ваша вера не считает оборотней исчадьями ада? Каждый христианин должен истреблять нечисть, это богоугодное дело. Ну так вот, я – эта самая нечисть и есть.

– Постой-постой, ты сказал «ваша вера», значит, ты не христианин?

– Конечно, нет, – хмуро ответил Карл, – да я и не могу быть христианином, я даже не крещён. Какой священник возьмётся совершить таинство крещения над оборотнем?

– Невозможно во всё это поверить, – ошеломлённо сказал Вольфгер. – Если бы я не видел своими глазами... Послушай, может, будет лучше, если ты мне расскажешь всё с самого начала? – спросил он, и тут же спохватившись, добавил:

– Если ты, конечно, хорошо себя чувствуешь.

– Я расскажу, – кивнул Карл, – встать я ещё пока не могу, а говорить в силах. И, господин барон, могу я вас попросить ещё немного похлёбки и кусочек мяса?

* * *

Карл родился и вырос в деревушке, лежавшей в предгорьях Альп. Обычная деревушка – два десятка крытых соломой низеньких домов, сараи, огородики, колодец у околицы. Только вот церкви в деревне не было, потому что жили в ней не люди. Деревня была населена оборотнями-вербэрами, а они не поклонялись никаким богам. Почитали духов предков и медведя-прародителя, приносили ему в жертву мёд, ягоды и лепёшки, вот и вся вера. И отец, и мать Карла, его старшие братья и сёстры, словом, все жители деревушки были полулюдьми-полумедведями. И все состояли в родстве друг с другом. Откуда в эти места пришло племя вербэров, не знал никто. В других деревнях жили обычные люди. Они не любили и боялись оборотней, но трогать их не рисковали – вербэры могли постоять за себя.

Густой лес начинался сразу за околицей, и дети пропадали там с утра до вечера, зимой и летом. Лес был их другом, они знали лес и не боялись его. Сбор грибов и ягод для младших и охота для старших детей были обычной помощью семье.

В то утро Карл поднялся на рассвете, взял приготовленный с вечера мешочек с едой и ушёл далеко в лес, где, как он знал, должна была созреть малина. Без отвара малины зимой старым и малым совсем плохо – кровоточат дёсны и выпадают зубы.

Карл мог бы найти дорогу к малиннику с закрытыми глазами. Погода выдалась хорошей. Утренний туман быстро рассеялся, в лесу было тепло и сухо, пахло разогретой хвоей, мох пружинил под ногами, иногда виднелись шляпки грибов, в кронах деревьев возились и безмятежно чирикали птицы, но что-то было не так. На полпути Карл с удивлением почувствовал, что ему мучительно не хочется идти дальше. Никогда раньше с ним не случалось ничего подобного. Мальчик попытался пересилить себя, но скоро сдался и повернул обратно. Ему становилось всё хуже и хуже, и вскоре он уже не шёл, а бежал.

Когда до деревни было уже недалеко, Карл острым звериным чутьём ощутил запах дыма, но это не был обычный дым из печей, это был дым пожарища. Мальчик побежал со всех ног, и когда он очутился на околице, то увидел, что деревни больше нет. Она сгорела дотла, уцелели один или два дома. Не понимая, что могло случиться, Карл пошёл по единственной улице, и когда прошёл её до конца, понял всё. На запятнанной кровью траве лежали страшно изуродованные, изрубленные тела жителей деревни – мужчин, женщин, стариков и детей. Тело каждого было пригвождено к земле грубо обтёсаным осиновым колом. Очевидно, люди напали на деревню рано утром, когда все ещё спали, и поэтому застали оборотней врасплох. По следам и брошенному, изломанному оружию Карл понял, что вербэры отчаянно сопротивлялись. Сколько нападавших было убито, Карл не знал, потому что трупы своих люди унесли, но силы были очень уж неравны.

Почти не соображая, что делает, Карл отыскал тела своих родных и выдернул из них колья. Потом, напрягая все силы, оттащил мертвецов в сторону и до вечера бесцельно просидел возле них, раскачиваясь и завывая от горя. Ему не пришло в голову, что оставаясь в деревне, он смертельно рискует, ведь люди могли вернуться, чтобы довершить начатое – добить раненых и сжечь оставшиеся дома. Но убийцы не пришли. Мёртвых оборотней они боялись не меньше, чем живых.

Так судьба спасла Карла в первый раз.

До самого утра он таскал тела сородичей в один из уцелевших домов и готовил убитых к погребальному обряду, который придумал сам. Он запалил дом с четырёх углов, дождался, пока пламя, обрушив крышу, с гулом рванулось к светлеющему небу, и ушёл из деревни, не оборачиваясь.

Больше он туда не возвращался никогда, да и зачем?

Еда, найденная в деревне, закончилась быстро, а грибами и ягодами насытиться было невозможно. Чтобы как-то прожить, Карл пошёл по деревням в поисках работы. Нанимали его неохотно: рабочих рук везде было больше чем надо, а вот лишние голодные рты никому были не нужны. Один раз удалось устроиться в пастухи, но овцы чувствовали его звериную ипостась, пугались и норовили разбежаться. Да и не умел Карл обходиться со скотиной, в его деревне держали только кур. Промучившись несколько дней, Карл бросил ремесло пастуха.

Наступили дни голода. От отчаянья Карл попытался воровать, но дважды попался и был жестоко, до полусмерти избит. Только двужильный организм оборотня спас его от смерти.

А потом Карл пришёл в Цвиккау, где связался с шайкой разбойников. Голодного, затравленного, но гордого и не по годам сильного мальчишку заприметил главарь шайки, накормил, дал кров и одежду. Старый, жестокий и опытный убийца, беглый каторжник, намётанным глазом оценил таланты будущего вора и принял Карла в банду, «честь», о которой мечтали многие, ведь разбойники жили на широкую ногу и никого особенно не боялись. Одни купцы предпочитали от них просто откупаться, а другие собирали крупные обозы и перебирались из города в город под сильной охраной.

В Цвиккау Карл прожил три года. Главарь шайки, чувствуя, что стареет, искал себе замену, и в молодом человеке увидел то, что ему требовалось: силу, ловкость, бесстрашие и равнодушие к деньгам. У разбойников Карл научился владеть любым оружием, даже новомодным огнестрельным, и использовать в схватке любой предмет, который попал под руку. Умения его быстро росли, главарь радостно потирал руки и поручал Карлу дела всё труднее и опаснее.

Однажды Карл отправился в городок Эльсниц выслеживать обоз молодого, богатого и глупого купца, который решил сэкономить на охране и поехать на Лейпцигскую ярмарку в сопровождении одних слуг. Пока Карл бродил вокруг постоялого двора, прислушиваясь к пьяным разговорам купеческих возчиков, чтобы выяснить маршрут обоза и время отъезда, в Цвиккау нагрянул отряд кнехтов герцога Саксонского. Ему надоели бесконечные жалобы дворян и купцов на бесчинства разбойников.

Вернувшись обратно, осторожный Карл решил сначала зайти в свой любимый трактир «Под зелёным драконом», чтобы узнать последние новости. На рыночной площади он увидел воткнутые в землю кавалерийские пики, на которые были насажены отрубленные головы. Подойдя ближе, Карл узнал казнённых и понял всё. Судьба спасла его во второй раз. Не заходя в трактир, он забрал из потайного места мешочек с золотом и покинул Цвиккау. Закончился ещё один этап его жизни.

Карл постарался уйти подальше, туда, где его никто не знает. Он пришёл в Лейпциг и снял комнату над грязным и вонючим трактиром, но чем себя занять, решительно не знал. Воровать ему претило, а больше он ничего делать не умел. Деньги пока были, и каждый вечер Карл проводил в трактире, слушая пьяные разговоры посетителей и надеясь найти хоть какую-то работу. Там он и встретился с вербовщиком курфюрста. Долго не раздумывая, Карл поставил крест в вербовочном листе, получил два серебряных талера задатка и стал солдатом.

– Вот так два раза меня уберегла от смерти судьба, – закончил свой рассказ Карл, – а в третий раз спасли вы, ваша милость. Я уже сказал, что обязан вам жизнью, повторю эти слова вновь, я ваш должник. Позвольте мне поступить к вам в услужение, это единственное, чем я могу вам отплатить. Приношу вам клятву верности. Не отвергайте её, прошу.

– Хорошо, – серьёзно сказал Вольфгер, – я принимаю твою клятву. Но поскольку я обязан тебе жизнью так же, как ты мне, я тоже клянусь, что мы будем неразлучны. Знаешь, Карл, не обижайся, но вообще-то я раньше думал, что всё это сказки...

– Какие сказки? – не понял Карл.

– Ну, как какие? Про оборотней и вообще... Помню, в детстве меня нянька пугала по вечерам оборотнями, потом я про вервольфов в книгах читал, но мало ли что там пишут...

– Да уж, сказка, – невесело усмехнулся Карл. – Ну вот она, сказка, перед вами лежит, ни рукой, ни ногой пошевелить не может...

– Не бойся, слабость скоро пройдёт, – уверенно сказал Вольфгер. – Самое главное, ты в себя пришёл, теперь отлежишься, спешить нам некуда. Лишь бы дождь не пошёл, промокнем ведь до нитки, укрыться нам с тобой негде.

Карл повёл носом:

– Сегодня дождя не будет, я умею чутя погоду, а завтра к утру я уже буду на ногах. Господин барон, а где моя лошадь?

– Ну... Ты её... В общем, нет лошади, – уклонился от прямого ответа Вольфгер. – Зато моя уцелела, на ней ты и поедешь, когда придёшь в себя.

– Нет, ваша милость, лучше я пойду пешком, – возразил Карл. – Ваша лошадь меня всё равно далеко не увезёт, я для неё слишком тяжёлый. Лучше в ближайшей деревне купим мне коня посильнее. Седельные сумки моей лошади должны были уцелеть, там есть деньги.

– Деньги и у меня есть, – отмахнулся Вольфгер, – не в них дело. Беда в том, что в деревне нормальную лошадь не купишь. Ну какие у крестьян кони, сам посудите? Тягловые клячи, для седла они непригодны. Ладно, придумаем что-нибудь. А скажи, Карл, ты в любое время можешь в медведя перекинуться?

– Нет... – покачал головой Карл, – раньше-то я думал, что вообще не могу... Понимаете, ваша милость, позвать свою вторую, медвежью половину очень трудно. У нас этому учили старики, учили молодёжь долго, годами. Для этого были особые ритуалы, пили отвары, подростков окуривали сборами трав, состав которых знали только старейшие, и только на пятый год происходил обряд ини... ини... как это?

– Инициации, – подсказал Вольфгер.

– Вот-вот, это самое слово, – подтвердил Карл, не пытаясь его повторить, – а я по малолетству даже учиться не начал. Осенью должен был начать, но не успел... С тех пор, как я из своей деревни ушёл, я ни разу не смог перекинуться, хотя пробовал много раз. Я даже не знаю, как это делается. А тут всё получилось само собой. Я услышал ваш крик, оглянулся, увидел кровь у вас на лице и понял, что сейчас вас убьют. И тут у меня в голове помутилось... Что дальше было, не помню. Очнулся я уже здесь, на этой поляне.

– Вот как... – хмыкнул Вольфгер, – интересно. Во всяком случае, теперь мы знаем, что способность превращаться в медведя ты не потерял, это очень важно. Пока нам с тобой этого достаточно. Я вижу, тебе уже лучше, поэтому не боюсь оставить одного. Вот, возьми на всякий случай, это мой рейтарский пистолет, осторожно, он заряжен. А я пойду, поброжу по лесу, попробую подстрелить что-нибудь на ужин, фазана-то мы с тобой уже прикончили.

* * *

Вольфгер с трудом открыл разбухшую дубовую дверь и вышел на балкон, опоясывающий верхние этажи бергфрида. Замок был построен по всем правилам старинного искусства крепостной фортификации и рассчитан как на отражение штурма, так и на длительную осаду, однако, за всю его историю по прямому назначению не использовался ни разу. Места здесь были глухие – леса, горы, озёра, дорог мало – поэтому армии врага внешнего и внутреннего в лице жадных курфюрстов-соседей обходили владения фон Экков стороной. А замок так и остался стоять бесполезной каменной машиной, вросшей в речной берег и окружённой заплывшим рвом с водой. Со временем население замка уменьшалось, во дворце запирали одну комнату за другой, а когда во владение Альтенбергом вступил барон Вольфгер, он и вовсе перенёс жить в башню, а дворец зимой даже не отапливали. Мебель, картины и люстры годами пылились под чехлами, а на пыльных полах виднелись только цепочки мышиных следов.

Вольфгер опёрся на мощные каменные перила. От времени камень поседел, но гранит оставался прочным, нигде не крошился и не скалывался. Ничего не скажешь, стародавние каменотёсы поработали на славу. Под ногами лежали дубовые щиты. Вольфгер знал, что если приподнять щит, под ним окажутся бойницы, прорезанные в каменном полу балкона. Через них предполагалось стрелять из луков по врагам, подступившим под стены башни, и лить на них кипяток или расплавленную смолу.

Барон сделал несколько шагов, привычно ведя рукой по перилам, и остановился, нащупав пальцами руну Эйваз, которую он вырезал в детстве. Почему и зачем он вырезал эту руну, Вольфгер уже совершенно не помнил, помнил только, что в детстве это казалось ему очень важным, и он пролил немало пота, втайне от взрослых вырезая на нижней стороне неподатливого каменного блока свою собственную потайную руну.

Вольфгер грустно улыбнулся. Вот уже и три десятилетия промелькнули. Ушла матушка, за ней отец и старший брат, он остался один, жизнь, считай, прожита, впереди – болезни и старость. А потом и он займёт своё, заранее выбранное место в фамильном склепе. Склеп просторный, но кроме него хоронить там больше некого. Он – воистину последний. Пройдёт не так уж много времени, и уйдёт последний из рода фон Экк, а замок останется, останется и вырезанная на перилах руна. Может быть, её найдёт новый хозяин замка, но уж конечно не станет раздумывать, зачем она здесь и кто её вырезал. Он просто прикажет отполировать камень заново. И исчезнет ещё одна ниточка, связывающая этот мир с памятью о человеке.

Отгоняя неприятные, тягучие мысли, Вольфгер передёрнул плечами. Становилось холодно, плащ, отороченный волчьим мехом, не спасал от резкого осеннего ветра с гор. Барон уже собрался вернуться в башню, как вдруг деревянный настил закрипел и на балкон вышел Карл.

– Ваша милость, в замок прибыл обоз иудея-купца. Купец говорит, что привёз то, что вы заказывали. Прикажете привести его к вам?

– Конечно, веди! – обрадовался Вольфгер. – Веди прямо сюда, в башню!

Карл поклонился, с неожиданной для такого массивного человека лёгкостью и почти звериной грацией, развернулся и вернулся в комнату, придерживая дверь. Когда барон вслед за ним вошёл в башню, Карл без малейших усилий закрыл дверь и спустился вниз.

Бергфрид, главная башня замка Альтенберг, была четырёхэтажной. Как и полагалось, каждый этаж делился пополам каменной стеной, а с этажа на этаж вела винтовая лестница. Полы были каменные, застеленные плетёными соломенными циновками. Стены до середины закрывали дубовые панели, а выше них виднелась каменная кладка. На стенах висели потемневшие от времени, ржавые и кое-где пробитые шлемы, щиты, старые мечи, копья и кинжалы. Некоторые доспехи и оружие выглядели довольно непривычно, поскольку предки Вольфгера привезли их с Востока, из Крестовых походов. Барон как-то попробовал фехтовать сарацинским мечом, имеющим странное волнистое лезвие и непривычный баланс, но не преуспел: меч требовал особой техники, которой Вольфгер не владел. Меч вернулся на стену, а барон окончательно потерял интерес к коллекции. Настоящий арсенал был на первом этаже башни, там хранилось тщательно смазанное и упакованное оружие, предназначенное для небольшого гарнизона замка. Замковые стены защищали три бомбарды, порох и ядра хранили в особом каменном погребе. На памяти Вольфгера из этих бомбард не стреляли ни разу, и следовало крепко подумать, прежде чем решиться забивать заряды в их старые, изъеденные временем стволы.

Ещё ниже, у самого основания бергфрида был пробит шурф. Из него защитники замка должны были черпать воду в случае осады. Чтобы вода не гнила, шурф периодически чистили от тины и водорослей, а воду вычерпывали до дна. Здесь всегда было холодно, поэтому на этом этаже хранили съестные припасы.

Самый верхний этаж башни под конической крышей Вольфгер приспособил под алхимическую лабораторию. Там стоял атанор⁹, его труба уходила под стропила. Длинный сосновый стол с пятнами от химических ожогов был заставлен причудливой стеклянной и металлической посудой, а также банками с реактивами. На стенах в образцовом порядке висели щипцы, молоточки и другие алхимические инструменты. В углу нелепо расставила суставчатые деревянные ноги тренога зрительной трубы, а рядом с лабораторным столом помещался стеллаж с книгами. На этот этаж Вольфгер не пускал никого, а за порядком следил собственноручно.

Жилой этаж башни делился на «гостиную» и «спальню». В стене между ними был выложен очаг. В нём сейчас горели ароматные вишнёвые дрова, разгоняя осенний холод и сырость.

Вольфгер сел за стол и стал ждать.

Купца, о прибытии которого доложил Карл, Вольфгер знал давно. Уже много лет, дважды в год, весной и осенью, в замок приходил обоз из четырёх-пяти повозок, нагруженных самым разнообразным товаром, от предметов роскоши: изящной, хрупкой посуды и кружев, до дешёвых тканей, украшений и кухонной утвари для крестьян. За свои товары купец брал дороговато, но чувства меры всё-таки не терял, да и конкурентов у него не было, других торговцев в округе не водилось, а поездка в ближайший город была событием, к которому готовились несколько месяцев и о котором говорили ещё полгода по возвращении. Купец принимал заказы, не отказывая никому, и в следующий приезд к его повозкам выстраивалась очередь хозяек, зажимавших в кулачках заранее накопленные монеты.

* * *

Лестница жалобно закрипела, словно протестуя против чрезмерного груза, и в замковый покой шагнул купец. За ним следовал Карл.

Купец был на голову ниже Карла, но шириной плеч не уступал ему, отчего казался квадратным. Чёрная с проседью борода обрамляла загорелое лицо, а голова была туго повязана платком. Оттого что купец постоянно щурился, из уголков глаз разбегались светлые морщинки. Он был одет в пропылённый и вытертый длиннополый кафтан, кожаные штаны и сапоги. На поясе висел нож с широким лезвием и костяной рукоятью. В одной руке купец держал шляпу, а в другой – тщательно завязанный сафьяновый мешок.

– Почтительно приветствую вашу милость, – сдержанно поклонился купец.

– Рад тебя видеть в Альтенберге, уважаемый Иегуда бен Цви, – ответил Вольфгер. – Садись к столу, выпей бокал вина с дороги. Карл, налей вина гостю!

На столе морёного дуба с полированной столешницей красовался причудливый серебряный сосуд для вина мавританской работы: узкогорлый кувшин с длинным изогнутым носиком, подвешенный в рамке так, что вино можно было наливать, просто наклонив кувшин. Под кувшином источала тепло небольшая жаровня, наполненная тлеющими углями.

Карл снял с подноса кубок, наполнил его и поставил перед бароном, после чего налил второй кубок для купца и, поставив его на стол перед гостем, вопросительно посмотрел на барона.

– Иди, Карл, если будет нужно, я позову, – кивнул ему Вольфгер, и Карл спустился вниз.

Купец выглядел смертельно усталым, казалось, ему трудно сделать даже простейшее движение. С видимым усилием он потянулся за кубком, поднёс его к лицу и долго держал в ладонях, наслаждаясь ароматом горячего вина. Потом сделал маленький вежливый глоток, поставил кубок на стол и сказал:

– У вас превосходное вино, господин барон. Это, кажется, мадьярское?

---

⁹ Атанор – алхимическая печь.

– Да, это вино привезли мне из Альба Регии¹⁰, – подтвердил Вольфгер, отхлебнув из своего кубка. – Но в нём столько пряностей, что угадать происхождение не так-то просто. Выходит, ты разбираешься и винах?

– Я обязан разбираться во всём, чем я торгую, – пожал плечами купец.

– А чем ты торгуешь?

– С вашего позволения, всем.

Вольфгер рассмеялся:

– Стало быть, ты знаешь всё обо всём? Смело, смело, купец. Кстати, этой осенью ты приехал позднее, чем обычно. Почему?

– Возникли некоторые обстоятельства... – замялся Иегуда.

– Но ты привёз то, что обещал?

– Разумеется, в противном случае я не посмел бы отнимать у вас время, – опять поклонился купец. – К сожалению, мне удалось достать только пять книг, вот они.

Он положил на стол мешок, сильными пальцами распустил узел верёвки, стягивающей его горловину, и вытащил несколько томов разного формата. Вольфгер сразу же непроизвольно потянулся к ним. Купец откинулся на спинку кресла, пряча улыбку и наблюдая, как благородный господин радуется пыльным книгам, как ребёнок новой игрушке.

Первая книга в стопке оказалось Евангелием, отпечатанным с досок и раскрашенным от руки. Вольфгера оно не привлекло: во-первых, несколько экземпляров Евангелия у него уже было, а этот был изрядно потрёпан и не отличался аккуратностью печати: текст и рисунки кое-где были смазаны.

Вольфгер отложил эту книгу в сторону и потянул к себе следующую. И опять его постигло разочарование. Книга была написана на неизвестном ему языке, Вольфгер даже не смог разобрать название. Знакомые буквы латиницы складывались в непонятные слова. «Наверное, это мадьярский язык, – решил он. – На английский, французский и итальянский не похоже».

Третья книга была написана на латыни и представляла собой многоречивые комментарии учёного монаха к «Summa Theologica» Фомы Аквинского¹¹. Вольфгер не особенно интересовался богословием, но книгу решил купить, чтобы сравнить выводы исследователя со своими собственными – «Summa Theologica» он читал.

Четвёртая книга была чем-то вроде пособия для костоправов, она была написана по-гречески и снабжена большим количеством рисунков. «Ага, а вот это полезно, – подумал Вольфгер, – надо будет на досуге проштудировать её как следует, а то мало ли...»

Уже ни на что особенно не надеясь, Вольфгер потянул к себе пятую книгу, открыл её, и у него захватило дух.

Пятая книга в грубой деревянной обложке, собственно, не была книгой, это была пачка неровных листов пергамента, сшитых суровой нитью, нечто вроде лабораторного журнала безымянного мага, судя по неаппетитным рисункам и описаниям опытов – некроманта. Страницы были покрыты неровными строчками и прописями декоктов¹², причём некоторые записи были зашифрованы, стёрты или замазаны. Вольфгер мысленно потёр руки в предвкушении множества интересных вечеров и ночей, посвящённых разбору этой книги, посмотрел на купца, который молча ждал, пока барон разглядит всё, и сказал:

– Я покупаю эти три. Сколько ты хочешь за них?

– С вашего позволения, двадцать пять гульденов за все.

---

¹⁰ **Alba Regia** (лат. Белый город) – так в Средние века называли Секешфехервар в современной Венгрии.

¹¹ «**Summa Theologica**» (лат. «Сумма теологии») – один из важнейших трудов доминиканского монаха Фомы Аквинского. Католики причисляют его к «учителям церкви».

¹² **Декок** (лат. Decoctum) – отвар.

Вольфгер удивился: купец назвал сумму, в несколько раз меньшую той, которую он рассчитывал заплатить.

– Почему так дешево? – поднял он брови. – Ты боишься меня разорить? Не бойся. Эти книги стоят гораздо больше, называй настоящую цену. А вот за это, – Вольфгер указал на последнюю книгу в стопке, – если бы у тебя её нашли отцы-инквизиторы, ты угодил бы прямиком на костёр.

– Господин барон, – спокойно ответил купец, поглаживая бороду, – если бы вы не выбрали ни одной книги, я отдал бы в дар вам все пять, но поскольку вы решили купить некоторые из них, я считаю неправильным брать полную цену. Я купец, а купец держит данное слово, прежде всего, данное себе.

– Подарить?! – удивился Вольфгер, – но почему? Что это с тобой, почтенный Иегуда? Я не замечал за людьми твоего племени склонности к расточительству!

– Ваш замок, господин барон, – конечный пункт моей поездки по Саксонии. Здесь я должен распродать остатки товаров. Если повезёт, продам и повозки, нет – брошу их, а дальше со своими приказчиками поеду верхом. Я не могу взять с собой книги – они слишком тяжёлые и громоздкие. Поэтому заплатите столько, сколько сочтёте нужным, фрайхерр Вольфгер, и возьмите себе все. У вас книгам будет хорошо, я знаю...

– Но всё-таки, что случилось? – настойчиво переспросил Вольфгер. – Должна же быть какая-то причина, заставляющего купца-иудея бросить свой обоз и спасаться бегством? Ведь я правильно понял смысл твоих слов?

– Как нельзя более, – вздохнул купец, – причина, конечно, есть. И заключается она в том, ваша милость, что в воздухе прекрасной Саксонии появились знакомые каждому иудею запахи. Пахнет дымом, кровью и смертью. Мы от века научены чувствовать эти запахи острее, чем вы, христиане, потому что первыми жертвами войн и смут всегда оказываются сыны Израилевы. Мы знаем, когда следует спасаться, бросив всё или почти всё, иначе мы не смогли бы выжить в чуждом для нас мире. К тому времени, когда зима вступит в свои права и перевалы через Рудные горы закроются, мы должны пересечь Богемию и добраться до Праги. Только за толстыми каменными стенами Жидовского квартала¹³ я и мои люди окажемся в безопасности. Но до Праги ещё ехать и ехать.

– Значит, война... – задумчиво сказал Вольфгер, поднявшись со своего кресла и расхаживая по залу. – Но с кем? С турками? Да нет, чепуха...

– Прошу меня простить, фрайхерр Вольфгер, – сказал купец, – я выбрал неудачное слово. Саксонию ждёт не война в обычном понимании этого слова, внешнего врага у неё, слава премудрому Соломону, нет. Саксония стоит на пороге бунта.

– Ещё того не легче! Какой бунт? Чей, почему? – растерялся Вольфгер.

Купец вздохнул и отпил из кубка.

– Ваша милость, вы слышали про Ганса Дударя? – неожиданно спросил он.

– Это ещё кто такой?!

– Мужик... Ганс Дударь был простым пастухом и вы, господин барон, конечно, ничего о нём и не должны были знать. Но, видите ли, какая штука... Этот самый Дударь, неграмотный и невежественный пастух, внезапно ощутил в себе дар проповедника. Он собирал вокруг себя крестьян и клялся, что ему являлась во сне Богородица и обещала, что для тех, кто уверует, отныне всё пойдёт по-другому: не будет ни церковной десятины, ни князей, ни налогов в казну, а пашни, леса и реки станут общими.

Такие люди время от времени появляются в любых странах во все времена, но обычно их полагают блаженными и либо убивают, либо просто не обращают на них внимания. А тут

---

¹³ В чешском и немецком языках в Средние века не было слова «еврей», а слово «жид» не имело оскорбительной коннотации. По-чешски «Еврейский квартал» – Židovské město. Автор пользуется этим названием.

вышло наоборот. Дударь говорил так, что послушать его проповеди приходили со всей Франкони. Вюрцбургский епископ спохватился, но слишком поздно, проповеди Ганса Дударя слышали многие, недопустимо многие, я бы сказал. Конечно, пастуха схватили, пытали и сожгли на костре как еретика, но вот с его проповедями уже ничего нельзя было сделать, их шёпотом пересказывали и даже печатали тайком, печатают и до сих пор. А про «Заговор Башмака», осмелюсь спросить, господин барон тоже не слышал?

– Скажи-ка мне, любезный Иегуда, – прищурился Вольфгер, – а может, ты никакой не купец, а хитрый прознатчик? Уж больно много ты знаешь.

– Ой-ой-ой! – закатил глаза купец и рассмеялся. – Ну какой из бедного купца прознатчик? Ваша милость мне льстит. Впрочем, вы правы. Старый Иегуда – прознатчик, только совсем чуть-чуть. Я ведь купец, а не приказчик. Чем рискует приказчик? Да ничем. А я, отправляясь в очередную поездку, рискую не только деньгами и товаром, но и своей головой. Так что...

– Ты говорил о каком-то «Башмаке», – напомнил Вольфгер.

– Воистину удивительно, что вы не слышали о нём, потому что «Заговор Башмака», как блуждающий нарыв, уже давно набухает то в одном курфюршестве, то в другом. Стоптаный крестьянский башмак – символ тайного общества, готовящего бунт против господ. Правда, ещё ни разу бунт не удался – иногда заговорщиков выдавали предатели, а иногда крестьяне не могли сойтись друг с другом и кто-то переходил на сторону властей. Каждый раз дело кончалось пытками, кострами и казнями, и господа думали, что с «Башмаком» покончено навсегда, но он возникал снова и снова. Во многих вещах ваши князья наивны, как дети, простите меня, господин барон, за дерзкие слова.

– Не извиняйся, – поморщился Вольфгер, – здесь нет посторонних ушей, говори, как привык. А то, что наш император не блещет умом, я знаю и без тебя, чего ещё ждать от сына Хуаны Безумной¹⁴?

– Благодарю вас, господин барон, – кивнул Иегуда бен Цви, – в таком случае, я продолжу. – Он заглянул на дно бокала и Вольфгер указал на кувшин:

– Наливай себе сам.

– Спасибо... Итак, на чем мы остановились? А, ну да. Восстаний черни становилось всё больше, но кнехты курфюрстов и монахи быстро наводили порядок, рубить головы они умели хорошо. Впрочем, этой нехитрой наукой владеют все владыки. Да только в последнее время кое-что изменилось. И вот это «кое-что» стало последней каплей, размывшей дамбу. Дамба рухнула, и теперь ревущий поток несётся по Саксонии, сметая всё на своём пути – поля, дома, людей, деревья...

– Что же стало это последней каплей? – спросил Вольфгер.

– Правильнее было бы сказать не что, а кто, – ответил купец. – Имя этой «капли» – Мартин Лютер.

– Кто-кто?

– Доктор Мартинус Лютер, бывший монах-августинец, создатель новой религии. Он учит верить в Иисуса Христа по-новому, без пышных церковных обрядов, икон, священников и монахов, без индульгенций и церковной десятины. Странно, что вы не слышали его имя, в Саксонии он сейчас популярнее папы. Кстати, папа отлучил Лютера от церкви, и знаете, что сделал доктор Мартин? Он собрал на скотобойне Виттенберга своих друзей, сторонников и простой народ и на глазах у всех сжёг папскую буллу об отречении, а потом сам отлучил папу от церкви!

---

¹⁴ Т.е. от Карла V Габсбурга, императора Священной Римской империи. Его мать, Хуана Безумная, после смерти мужа потеряла рассудок и несколько лет не позволяла захоронить его тело, кладя труп в супружескую постель.

Он учит, что в Евангелии ничего не говорится о папской курии¹⁵, о священниках и монастырях, а значит, индульгенции – обман, церковную десятину платить незачем, а монахи – толстопузы бездельники.

Лютера слушают не только крестьяне. Говорят, в городах, отложившихся от Рима, священники, разочарованные в старой вере, ходят по домам простецов и смиренно просят разъяснить им Святое писание, потому что правда открыта только тем, кто зарабатывает на хлеб насущный простым трудом. Некоторые монастыри уже разграблены, их братия разбежалась, священники, поддерживающие Лютера, отказываются от обета безбрачия, женятся на бывших монахинях или мирянках.

Появились секты перекрещенцев, иначе, анабаптистов. Они учат, что страшный суд вот-вот произойдёт, нужно отринуть всё мирское и не работать на господ. Словом, в империи нарастает хаос, и бунт вот-вот разразится, я чувствую это.

– Н-да-а... – некуртуазно поскрёб в затылке Вольфгер, – озадачил ты меня. Но... вот у нас в округе всё тихо.

– Не обольщайтесь, господин барон, – тихо ответил Иегуда. – Я знаю, что вы добрый господин и обращаетесь с крестьянами совсем не так, как другие князья, но толпа есть толпа. Поодиночке они ещё люди, но стоит им сбиться в стаю и выбрать себе вожака, они превратятся в хищников. И эти хищники готовы растерзать даже тех, кто их кормил, лечил и оберегал. Поэтому мой вам совет: готовьте замок к осаде. Как – вам лучше знать, вы воин, а я всего лишь странствующий купец, и мой удел, вечный удел моего народа – спасаться бегством.

– Как же ты поедешь с деньгами? – удивился Вольфгер. – А если разбойники? Хочешь, дам тебе охрану до границ Богемии?

– Вы странный человек, ваша милость, – задумчиво ответил купец. – Вы покупаете и читаете книги, знаете иностранные языки, а теперь вот предлагаете охрану богопротивному иудею, виновному в распятии вашего Спасителя.

Вольфгер досадливо отмахнулся:

– Я – это я, не будем об этом. Так возьмёшь охрану?

– Спасибо, господин барон, не возьму. Со мной четверо приказчиков, это сильные, умелые и опытные люди, да и сам я ещё неплохо владею оружием. От обычных разбойников мы отобьёмся, а от судьбы всё равно не уйдёшь. Будь что будет, ваши кнехты понадобятся вам здесь. Кроме того, большую часть денег я оставлю вашему управляющему, так что ничем, кроме своей шкуры, я и не рискую.

– Оставишь? Зачем?

– Да, господин барон, оставлю у вашего управляющего, у Паоло, а он уже переправит эти деньги на мой счёт у Фуггеров. Это гораздо удобнее и безопаснее, чем тащить мешок золота через две страны, я всегда так поступаю.

– Ловко, – признал Вольфгер, – ничего не скажешь. А я и не знал.

– А зачем господину барону знать эти незначительные подробности? – удивился купец. – Знает Паоло, и этого достаточно, он – честный человек.

– Ну хорошо, – сказал Вольфгер, – я понял, ты спешишь. Может, хотя бы переночуешь в замке?

– Прошу меня извинить, ваша милость, нет. Нам дорог каждый час. Заночуем по дороге в одной хорошей таверне, я её давно знаю.

---

¹⁵ Папская (римская) курия – двор папы римского и подчинённые ему административные и судебные учреждения.

* * *

Проводив купца, Вольфгер поднялся из-за стола и в глубокой задумчивости, заложив руки за спину, стал мерять башню шагами.

– Крестьянский бунт... Хм... А ведь сдаётся мне, купец-то прав. Он ездит по всей стране и должен почуять нечто такое, опасное, что растворено в воздухе и исподволь зреет. Это так, всё логично. Крестьян злит торговля индульгенциями, причём их заставляют покупать индульгенции и на умерших, чтобы, дескать, сократить срок их пребывания в чистилище. Понятно, что простецы чувствуют обман, тем более что в последнее время сборщики индульгенции стали действовать особенно нагло. В Альтенберг тоже приезжал монах-доминиканец, этот, как его, Тецель что ли, но я тогда приказал Карлу не пускать его в замок. Наверное, зря. Попа можно было, по крайней мере, расспросить, купив его разговорчивость за талеры. С другой стороны, крестьяне всегда бунтуют, их всегда усмиряют. Они вечно чем-то недовольны. Вот дьявольщина! Я никогда не думал об этом! Ну, крестьяне и крестьяне, вроде домашней скотины, только говорящей. Да они и говорить-то толком не умеют... Нет, чепуха! Хотя, с другой стороны...

Вольфгер вдруг вспомнил, как его отряд рейтаров однажды участвовал в усмирении крестьянского бунта. Тогда толпа крестьян, вооружённых косами, вилами и рогатинами выкатилась из деревни и, вздымая клубы пыли, молча направилась в сторону войск. Запела труба, под ударами десятков кованых копыт дрогнула земля, и рейтары пошли в атаку, быстро перейдя в галоп. Вольфгер надеялся просто напугать крестьян, расталкивая их тяжёлыми конями, но не тут-то было. Восставшие не отступили, а стали втыкать пики в землю вокруг маленького пригорка, чтобы защититься от наступающей конницы. Это уже становилось опасным. Отряд перешёл на медленную рысь, и первый ряд конников дал залп.

Грохот выстрелов, храп коней, вой раненых...

Когда пороховой дым отнесло ветром, Вольфгер с изумлением увидел, что крестьяне остались на месте, бросив убитых и затащив внутрь импровизированного палисада раненых. Почти все были окровавлены. Люди потрясали доморощенным оружием и кричали. Лица их были страшно искажены. Тогда рейтары, сменив пистолеты, дали второй залп, а потом, выхватив тяжёлые клинки, направили коней на кучку оставшихся на пригорке людей, срубая мечами наконечники пик. Сдавшихся на милость победителей осталось совсем немного. Вольфгеру стоило огромного труда остановить бойню и защитить крестьян от разъярённых солдат. Впрочем, сдавшихся крестьян потом, кажется, всё равно повесили.

«Да, – подумал Вольфгер, – а вот если сила будет на *их* стороне, *они* никого щадить не будут. Купец совершенно прав, надо готовить замок к осаде. Вряд ли она будет длительной, ведь крестьяне есть крестьяне и воевать толком не умеют. Постой-постой, а если среди них найдётся человек, сведущий в военном деле, что тогда? А вот тогда будет действительно худо. Пожалуй, разговор с десятником стражи оттягивать не следует».

Вольфгер только собрался кликнуть Карла, как он сам поднялся по лестнице:

– Господин барон, к вам монах. Прикажете впустить?

– погоди, Карл, – досадливо отмахнулся Вольфгер. – Не до него сейчас, скажи, пусть завтра придёт!

– Ваша милость, – неожиданно возразил Карл, – осмелюсь заметить, что старик очень взволнован, его аж колотит. Вдруг он хочет сообщить нечто важное? Может, вы всё-таки уделите ему несколько минут?

Вольфгер удивился. Карл никогда не позволял себе давать советы господину, и, раз он изменил своему правилу, это неспроста.

– Ну, хорошо... – нехотя сказал он, – приведи его. Что за день такой сегодня...

Оказалось, впрочем, что за монахом идти не нужно, он уже стоял на лестнице за спиной Карла и колотил в его широченную спину кулаком, требуя дать дорогу:

– А ну, пропусти меня, сатанинский оборотень!

– Не толкайся, святой отец, а то загрызу, – беззлобно отругивался Карл.

– Здравствуй, сын мой, спасибо, что не отказался выслушать старика! – слегка задыхаясь, сказал монах.

– Садись, отец Иона, отдышись, – сказал Вольфгер. – Выпей вот подогретого вина, хочешь?

– Вина? – оживился монах, – с удовольствием. Хотя, нет, спасибо... Пожалуй, я лучше воды...

Брови Вольфгера полезли на лоб – старый монах на его памяти ещё ни разу не отказывался от вина. «Заболел он, что ли?» – подумал барон.

Вольфгер помнил отца Иону с детства. Откуда пришёл в замок тогда ещё молодой монах, он не знал, но с тёплым чувством вспоминал, что именно отец Иона заменял ему отсутствующего отца и вечно больную мать. Монах учил маленького Вольфгера чтению, письму и счёту, рассказывал о зверях, птицах, деревьях и травах, утешал, когда болели разбитые коленки, рассказывал на ночь вместо сказок истории из Ветхого Завета, выбирая сюжеты, понятные ребёнку.

Сейчас Вольфгеру было уже за сорок, а отец Иона разменял седьмой десяток. Высокий, сухощавый, всегда чисто выбритый (в отличие от Вольфгера, который нередко забывал побриться), казалось, монах не менялся с годами, только венчик волос вокруг тонзуры стал совсем седым. Он был одет в поношенную бурую рясу, подпоясанную вместо положенной монаху верёвки кожаным ремешком. Вольфгер не знал, к какому ордену принадлежит отец Иона, а сам монах, наверное, уже и забыл, где много лет назад он принял постриг.

Отослав Карла, Вольфгер уселся за стол напротив монаха, наполнил два кубка вином, один взял себе, а другой пододвинул ему, положил подбородок на кулак и вопросительно посмотрел на собеседника.

Отец Иона молчал, нервно потирая руки. Он явно не знал, с чего начать. Вольфгер решил ему помочь.

– Послушай, отец мой, я вижу, что тебя что-то гнетёт. Откройся мне, облегчи душу, хоть я и не священник и не имею права исповедовать. Но ведь я вырос у тебя на руках, ты меня воспитал, и я считаю тебя вторым отцом. Клянусь, ничего из сказанного тобой за пределы этой башни не выйдет. Рассказывай.

Отец Иона вздохнул.

– Понимаешь, Вольфгер, есть вещи, о которых очень трудно говорить, как будто выворачиваешь душу наизнанку. Это только моё... Рассказать – как пройти по улице в исподнем... Но ты прав, рассказать надо, ведь я за этим и пришёл, правда?

Монах схватил кубок и в несколько глотков опорожнил его, потом побледнел, закрыл рот ладонями и пробормотал:

– Ну вот, опять грех... А ведь я дал зарок не прикасаться к вину! Конченный я человек... Вольфгер, сын мой, ты знаешь, что я – неважный слуга божий. Не спорь, не спорь, это так и есть. Я, конечно, пытаюсь преодолеть себя, но мирское во мне слишком сильно. И всё же, некий малый дар, отпущенной по благости Создателя, у меня есть. То есть, что я говорю... Был... В этом-то всё дело! Был!

– Отец мой, – терпеливо сказал Вольфгер, – прости, но пока я ничего не понимаю. Как же я смогу помочь тебе, если никак не возьму в толк, о чём идёт речь?

– Сейчас... – хмуро ответил монах. – Давай, я попробую начать с самого начала. Ты, конечно, знаешь, что не по силам мне творить святые чудеса, и никогда не было по силам. Я что? Мог, помолившись, зубную боль снять, мог роженице помочь, ну, мог помочь умираю-

щему легко отойти... Но мог! Мог! А теперь ничего этого не могу. Правда, Он иногда отказывал мне в даре и раньше, если я особенно ну... грешил. Вот и в этот раз я подумал, что, может, выпил лишнего, да и вдова шорника, Марта, гм... Ну, ты понимаешь. Да... Сначала-то я особенно не волновался, наложил на себя епитимью, утром и вечером бил поклоны, молился, но... ничего не изменилось. А самое главное, знаешь, Вольфгер, теперь, когда я вхожу в храм, я не чувствую в нем ну... божественности, что ли, намоленности, святости. Не знаю, как объяснить. Я не привык об этом говорить, это всегда было только между мной и Им, а теперь... Слова приходится из себя тащить клещами, с кровью, с мясом.

– Постой-постой, – осторожно перебил его Вольфгер, – значит, раньше, когда ты входил в храм, ты всегда чувствовал в нём присутствие, скажем так, некоего божественного начала?

– Ну... да, можно сказать и так, – нехотя ответил отец Иона.

– А почему я не чувствовал?

– Мне не удалось привить тебе истинной веры, – вздохнул монах. – Я каждый вечер молюсь за спасение твоей души. Твоё неверие – мой тяжкий грех, возможно, если бы в детстве я мог собственным примером показать тебе...

– Оставим это, – отмахнулся Вольфгер, – значит, суть твоего беспокойства в том, что ты потерял связь с богом?

– Не только, – тяжело вздохнул монах, – есть кое-что ещё. Но ты мне, пожалуй, не поверишь, пока не увидишь собственными глазами. Прошу тебя, давай спустимся в часовую и посмотрим. Если мои опасения не сбудутся, тогда можешь с полным правом называть меня старым идиотом, и я с тобой буду совершенно согласен.

– Что за опасения?

– Прошу тебя, давай спустимся в часовую. Если мои страхи напрасны, и говорить не о чем, а если не напрасны, ты сам всё увидишь.

– Ну, хорошо, пойдём, – пожал плечами Вольфгер. – Только я возьму подсвечник, там, наверное, темно.

Они спустились по лестнице и вышли из башни. Чтобы попасть в часовую, нужно было перейти через замковый двор, вымощенный камнем. Пока ждали старика-дворецкого со связкой ключей, Вольфгер, прислонившись к нагретой осенним солнцем стене часовни, разглядывал двор.

Замок жил обыденной, мирной жизнью. Кухарка пронесла лукошко яиц, дворовый мальчишка, давясь от смеха, гнал хворостиной козу, выскочившую под ноги хозяину и со страху насыпавшую на камни шариков, стучал топор – на заднем дворе рубили дрова. Вольфгер попытался представить себе мирный, сонный замок в осаде крестьянского войска – и не смог.

Наконец, появился дворецкий. Он долго возился с заржавевшими ключами, подбирая нужный, замок лязгнул и дверь отворилась. Вольфгер зажёл свечи, передал подсвечник отцу Ионе, а сам остался у входа.

Монах, как видно, точно зная цель посещения часовни, направился к алтарю и поднял подсвечник, освещая центральную икону.

– Вольфгер, иди сюда, – позвал монах таким странным голосом, что барон вздрогнул. – Взгляни.

Вольфгер подошёл к алтарю, взял подсвечник из дрожащей руки монаха и принялся рассматривать икону с привычным каноническим сюжетом: Святое семейство, Бог Отец, Богородица, Святой младенец у неё на руках. Сначала всё казалось обыденным и привычным, но что-то царапало глаз.

– Младенец... – подсказал монах. – Посмотри на лик Святого младенца.

Вольфгер взгляделся и увидел, что из уголков глаз божественного ребёнка тянутся две красные дорожки.

Святой младенец плакал кровью.

– Какой негодяй испортил икону? – рявкнул Вольфгер.

– Тише, тише, не привлекай внимания черни. Пока... – шепнул монах. – Посмотри внимательнее на икону.

Вольфгер поднёс подсвечник к самим ликам, рискуя закоптить их свечной сажей, и вгляделся. Кровавые дорожки тянулись по лику младенца под старым и пыльным слоем лака. Пририсовать их было совершенно невозможно.

– Что же это?! – ошеломлённо спросил барон.

– То, чего я и боялся, – подавленно ответил монах. – В моей церкви то же самое... Кровавые слёзы. Давай вернёмся в башню. Разговор у нас будет не для чужих ушей.

* * *

Они вернулись в башню и уселись за стол. Теперь нервничал Вольфгер, а монах был каменно спокоен.

– Ну, что скажешь? – спросил барон.

Отец Иона долго молчал, потом спросил:

– Мальчик мой, скажи, ты читал Откровение Иоанна Богослова?

– Наверное, читал, если ты меня в детстве заставлял, – пожал плечами Вольфгер. – А с тех пор у меня как-то не находилось повода, знаешь ли...

– Чему удивляться, если даже аристократия, и та не читает Писание? – вздохнул монах.

– А церковь в этом сама виновата! – жёстко отпарировал Вольфгер. – Мой покойный отец с великим трудом мог нацарапать свою подпись под документом, а ты хотел, чтобы он читал Библию на латыни! Да большая часть наших дворян вообще неграмотна! Считается, что чтение книг – удел священников и монахов, о чём ты говоришь?! Да если бы римская курия желала, чтобы аристократия читала Писание, она позаботилась бы перевести на немецкий язык хотя бы Евангелие!

– Доктор Мартинус Лютер перевёл Евангелие на немецкий язык, – тихо ответил монах. – Вот только ничего хорошего из этого не вышло...

– Ты знаешь имя Лютера? – удивился барон.

– Конечно, кто же в Саксонии его не знает? – в свою очередь удивился отец Иона.

– Ну вот я, например, услышал его имя впервые только сегодня.

– В некоторых вопросах, прости меня, сын мой, ты осведомлён не больше ребёнка, – сказал монах и поднял руки, останавливая грозивший разгореться спор. – О Лютере мы ещё поговорим, сейчас не о нём.

Как я понял, Откровение Иоанна Богослова, сиречь Апокалипсис, ты не читал, а если и читал, то не помнишь. А я вот последние три дня только и делаю, что вчитываюсь в каждую фразу этой святой книги, и с каждым разом мне становится всё хуже и хуже.

– Почему? Что ты нашёл в ней такого?

– «Откровение» – совсем небольшой текст, в нём всего двадцать две главки, каждая размером в полстраницы, книга написана очень мрачным и тёмным языком, понять её сложно, а местами и вовсе невозможно, во всяком случае, многое в ней недоступно моему скромному разумению. Но, понимаешь Вольфгер, из того, что я сумел понять, явственно следует, что наступают последние дни.

Монах замолчал и посмотрел в лицо Вольфгера, желая уяснить, понял ли он сказанное.

Барон вскочил, отшвырнув кресло:

– Ты сошёл с ума, монах! По-твоему что, приближается конец света, страшный суд и прочая библейская чепуха, которой полусумасшедшие монахи от века пугали школяров и деревенских дур?

– Воистину приближается, – кивнул головой Иона.

– Да с чего ты это взял?!!

– Смотри сам: Господь перестал отвечать на мои молитвы...

– Да мало ли!!!

– Ты прав, – кротко ответил отец Иона, – кто я, и кто он. Но иконы!

– Что иконы?..

– Ты же видел сам: лик Святого младенца заплакал кровью. И не только в моей часовне, но и в замковой тоже. Это не может быть совпадением. И ещё вспомни: в феврале в твоём саду зацвели розы, а на Пасху выпал снег. Когда такое было? И это – тоже Его знак.

Вольфгер медленно поднял кресло, поставил на место и рухнул в него. Он огляделся. Прочные замковые стены, дубовый стол, мавританский кувшин с вином, лес за окном... Весь мир казался как никогда ярким, прочным и материально весомым. В памяти всплыла детская картинка: золотоволосые ангелы с торжественными лицами дуют в длинные трубы, другие ангелы, как холстину на заднике театра, сворачивают в рулон небо с солнцем и звёздами, а из разверстых могил в истлевших саванах тянутся на суд мириады умерших. Барон с трудом поборол ледяной озноб.

– И... и что же делать? Что ты предлагаешь? Ты, монах, учёный человек, скажи?!!

– Прежде всего, сынок, – мягко ответил тот, – надо смириться с судьбой и...

– Нет!!!

– Ты собираешься противоречить Ему?! – удивился отец Иона.

– Нет! Но я не хочу умирать! И не хочу, чтобы умерли все! Это несправедливо!

– Пока ещё никто не умер. Он явил только смутные знамения... А вот нам следует разобраться в том, правильно ли мы их поняли.

– Каким образом? Молиться? Но ты же говоришь, что Святое семейство не отвечает!

– Да, мне не отвечает, и, лишний раз напоминая об этом, ты делаешь мне больно. Но, может быть, Оно ответит тому, чья молитва имеет больший вес, кто верит чисто, сильно и глубоко...

– Кого ты имеешь в виду? – не понял барон.

– Скажи, Вольфгер, кто в Саксонии является наместником папы?

– Кардинал Альбрехт, маркграф Бранденбургский архиепископ Магдебургский и Майнцский, курфюрст и эрцканцлер¹⁶ империи, – отчеканил Вольфгер.

– Правильно, он, – покивал монах. – Вот к нему нам и предстоит отправиться.

– Нам? – удивился Вольфгер. – А я-то тут причём?!

– Ну подумай сам, – ответил монах. – Я стар, могу умереть по дороге, меня могут убить разбойники, я могу заблудиться в лесу, стать жертвой диких зверей, да мало ли что? Ты – другое дело. Ты – воин, под твоей охраной я в безопасности. И потом, кто я, и кто он? Кардинал ни за что не примет простого монаха, а твоего отца он помнит, знает и тебя. Тебе он не сможет отказать в аудиенции, а ты возьмёшь меня с собой. Убедил?

– Убедил... – скривился барон. – Но что мы скажем архиепископу, о чём спросим его? Ты не боишься, что мы будем выглядеть полными дураками?

– Нет, этого я как раз не боюсь, – вздохнул монах. – Лишь бы вышло так, что мои опасения лишены оснований.

– А если это окажется правдой, что тогда?

– Тогда мы станем глашатаями, провозвестниками грядущего, мир должен подготовиться к достойному уходу! И ещё одно, Вольфгер, сынок, у меня есть надежда. Маленькая такая надежда, совсем крохотная. Она едва теплится под тяжким грузом грехов и сомнений, но она не умерла. А вдруг Он даёт нам ещё один шанс? А? А мы его не используем... Этого никак

---

¹⁶ Эрцканцлер (нем. Erzkanzler) – одна из высших государственных должностей Священной Римской империи, глава имперской канцелярии и второе лицо в государстве после императора.

нельзя допустить. Поверишь ли, я уже третий день не могу ничего есть, и сплю я тоже урывками, меня постоянно мучают кошмары. Мальчик мой, не тяни с решением, скажи: «да»! Ибо если ты скажешь «нет», я уйду один, и тогда – будь что будет! Я не могу больше ждать, ожидание иссушило мою душу до капли!

– Ехать будет небезопасно, – задумчиво сказал Вольфгер. – Купец-иудей предупредил меня сегодня, что в стране зреют крестьянские бунты.

– Ещё одно подтверждение! – уронил голову на грудь монах. – Вот и ещё одно! Боже! За что ты так сильно караешь рабов своих?

– Хорошо, – невесело сказал Вольфгер, – будь по-твоему, мы поедем. Ты, я и Карл. Но, конечно, не сегодня, а завтра с рассветом. Успеешь собраться?

– Я давно собрался! – воскликнул монах. – А почему не сегодня? Зачем терять целый день?

– Затем, что я должен поговорить с Паоло и с начальником замковой стражи. Альтенберг надо готовить к осаде, завозить продукты, дрова, запастись водой, ты же видишь, что творится! Раз я уезжаю, нельзя оставлять замок на произвол судьбы. Потерпи уж до завтра, прошу...

* * *

После ужина Вольфгер с бокалом вина и заинтересовавшей его книгой устроился у камина. К вечеру погода окончательно испортилась, с гор подул сильный ветер, принёсший с собой дождь. Толстые стены бергфрида стояли незыблемо, но Вольфгер слышал, как ветер с размаху швыряет дождевые капли в окно, посвистывает в щелях, завывает в печной трубе. В башне было уютно, тихо и тепло, только щёлкали прогорающие дрова да потрескивали фитили свечей.

Вольфгер раскрыл на коленях журнал некроманта и стал рассматривать его, бережно перелистывая страницы.

«Чтобы приготовить эликсир мудрецов или философский камень, возьми, сын мой, философской ртути и накаливай, пока она не превратится в зелёного льва. После этого прокаливай сильнее, и она превратится в красного льва. Дигерируй¹⁷ этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное¹⁸ вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмазанную глиной реторту и не спеша дистиллируй. Собери отдельно жидкости различной природы, которые появятся при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим тёмным покрывалом, и ты найдёшь внутри неё истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост. Возьми этого чёрного дракона, разотри на камне и прикоснись к нему раскалённым углём. Он загорится и, приняв вскоре великолепный лимонный цвет, вновь воспроизведёт зелёного льва. Сделай так, чтобы он пожрал свой хвост, и снова дистиллируй продукт. Наконец, мой сын, тщательно ректифицируй, и ты увидишь появление горючей воды и человеческой крови».

– Хм... «Зелёный лев», «красный лев», что это такое? Как всегда в алхимических книгах, прописи были страшно запутаны и допускали множество разных толкований, отчего у Вольфгера ещё ни разу не получилось ничего похожего даже на промежуточный продукт.

---

¹⁷ Дигерирование – у алхимиков нагревание твёрдого тела с жидкостью без доведения её до кипения.

¹⁸ Камедь – древесная смола, выделяемая некоторыми породами растений при повреждении коры.

– Так... «*Киммерийские тени покроют реторту своим тёмным покрывалом*»... Ну, хоть это понятно, это просто сажа изнутри реторты. Её, стало быть, надо соскоблить. А это что такое? «*Чёрный дракон, пожирающий свой хвост*»? Если автор хотел, чтобы никто не узнал его секреты, зачем было доверять их бумаге? Ладно, это потом, а тут у нас что? Вольфгер перевернул несколько страниц.

«Чтобы вызвать некоего духа преисподней, сын мой, с великим тщанием и бережением сделай следующее: начерти на ровном, чисто выметенном полу заклинательного покоя пентакль, в вершинах коего утверди чёрные свечи, а в точках пересечения линий...»

Вольфгер неожиданно заинтересовался записью, а выпитое вино рождало весёлый азарт. «Попробовать, что ли?». Изломанные тени на стенах кривлялись и дразнили: «Попробуй, попробуй, ну, а вдруг?!»

Барон встал, с подсвечником в руке и с книгой под мышкой, заложенной кинжалом, поднялся по массивной лестнице, ведущей в алхимическую лабораторию, поставил подсвечник на ступеньку, отпер хитрый нюрнбергский замок и вошёл в лабораторию. Отодвинув стул к стене, он взял линейку, циркуль и транспортир и, опустившись на колени, принялся чертить мелом правильный пятиугольник, на каждой стороне которого построены равнобедренные треугольники, равные по высоте. Чертить на неровном полу было неудобно, поэтому работа оказалась труднее, чем он думал. Вдобавок выпитое вино отнюдь не способствовало ползанию на четвереньках.

Когда всё было сделано в соответствии с указаниями книги, хмель с Вольфгера уже окончательно сошёл, и затея с вызыванием духа преисподней казалась ему глупой, ненужной и даже опасной. Но отступать было поздно.

«А, да всё равно ничего не получится!» – подумал барон и стал по очереди зажигать чёрные свечи, которые трещали и изрядно воняли. Дождавшись, когда свечи разгорятся, он стал читать заклинание в книге. Пару раз Вольфгер сбился, и уже совсем было решил махнуть на магию рукой, как вдруг в лаборатории что-то изменилось. Барон поднял глаза от книги и окаменел. В центре пентакля стояло некое существо. Приглядевшись, волшебник-любитель обнаружил, что оно выглядит как обычный человек средних лет, одетый в чёрный дублет, коричневые кожаные шнурованные штаны и высокие сапоги. Человек носил изрядно поседевшую бородку клинышком. «Некий дух преисподней» с удивлением осматривал лабораторию Вольфгера, пентакль и самого барона. Только он раскрыл рот, собираясь что-то сказать, как особенно сильный порыв ветра проник в лабораторию, огоньки свечей закачались, одна из них мигнула и погасла, и тотчас видение распалось – человек бесследно исчез.

«Вразуми меня господи, это кого ж такого я сдуру вызвал, а?» – подумал барон. Он стёр со лба холодный пот, поспешно погасил остальные свечи и мокрой тряпкой затёр пентакль. Затем закрыл опасную книгу, осторожно завернул её в кусок хорошо выделанной телячьей кожи, поколебался – оставить ли книгу здесь или взять с собой – всё-таки взял, спустился вниз и залпом допил оставшееся вино. Шаловливые тени испуганно попрятались по углам. Вольфгер покачал головой, вздохнул и ушёл в спальню.

Глава 2

16 октября 1524 г.

День св. Амброуза, св. Анастасия, св. Балдерика, св. Балдуина, св. Берчариуса, св. Бертрана Комингского, св. Виталиса, св. Дульчидия, св. Кольмана из Килрута, св. Коногона, св. Киары, св. Луллия, св. Магнобода, св. Максимы, св. Муммолина, св. Сатурна и 365 мучеников, св. Флорентина Трирского, св. Хедвиги, св. Элипия, св. Эремберты, св. Юниана.

Выехать из замка на рассвете, как собирались сделать вчера, не удалось. Неожиданно нашлось множество дел, которые непременно нужно было завершить до начала путешествия. Обычно спокойный и сонный замок в предотъездной суете перевернули вверх дном. Давно обленившаяся прислуга бестолково металась по лестницам с выпученными глазами и растрёпанными волосами, на кухне что-то скворчало, мальчишки ловили в птичнике заполошно кудахчущих кур. Больше всех бегал, кричал и размахивал руками так и не протрезвевший со вчерашнего вечера Паоло. В конце концов, он окончательно выбился из сил и вынужден был поправить пошатнувшееся здоровье с помощью кувшинчика любимого красного, после чего забегал в два раза быстрее, но как-то неуверенно, пошатываясь и задевая углы. Кричать он стал в три раза громче, но почему-то по-итальянски, так что его никто не понимал.

Отец Иона тоже внёс посильный вклад в общий сумбур, поминутно бегая в свой домик за забытыми вещами. Старик добегался до того, что у него прихватило сердце, и его уложили в сторонке на кучу соломы, покрытую тёплым плащом.

Увидев неожиданно побледневшее лицо монаха, Вольфгер встревожился и предложил ему отложить отъезд на два-три дня до полного выздоровления, на что отец Иона слабым, но бодрым голосом сообщил, что на самом деле он отлично себя чувствует и к путешествию готов, только немного переволновался. Вот он ещё самую чуточку полежит, и можно будет выступать. Вольфгер пожал плечами и отошёл.

Островком ледяного спокойствия посреди всей раздражающей педантичного барона суеты был Карл. Оборотень в точно назначенное время вывел из конюшни своего громадного жеребца, уже осёдланного, с собранными седельными сумками и притороченной секирой. Её отполированное древко потемнело от времени и частого использования. За жеребцом Карла на чумбуре шли две тяжело нагруженные вьючные лошади. Увидев, что сборы ещё не закончены, Карл, не торопясь, поставил лошадей у коновязи, уселся у тёплой каменной стены и закрыл глаза.

Вольфгер злился – он терпеть не мог сборов и предотъездной суеты. С каждой минутой ему всё сильнее хотелось плюнуть на задуманное путешествие. Теперь оно представлялось глупой и никчёмной затеей, и барон хотел остаться дома. Замковый двор, ещё недавно казавшийся скучным и надоевшим, теперь выглядел родным и уютным.

Барон посмотрел на два миндальных дерева, посаженных отцом у входа в часовню. Видно, у него была счастливая рука, потому что саженцы прижились, быстро пошли в рост, весной окутывались розовым цветочным дымом, а по вечерам пахли тонко и нежно. Матушка, которая часто прихварывала, любила сидеть на стульчике у открытых дверей часовни под миндалём и, закрыв глаза, слушать, как отец Иона репетирует с детским хором – у монаха был несильный, но приятный баритон. Торжественная церковная латынь плыла по мощённому двору, смешиваясь с запахом миндаля и светом угасающего дня...

Теперь деревья сбросили листья и торчали мёртвыми и корявыми скелетами.

Вольфгер знал, что близится момент, когда ему нужно будет принимать решение: или, бросив незаконченные сборы, уезжать, или, прекратив подготовку к отъезду, оставаться. Не

желая нагрубить кому-нибудь или, храни господь, ударить под горячую руку невинного, барон решил выехать из замка и подождать отстающих на дороге.

И вдруг, как по волшебству, все приготовления разом закончились, Карл легко бросил привычное тело в седло, а отец Иона взгромоздился на специально подобранного для него старого мерина, который из всех аллюров признавал только шаг.

– Ну, благослови господь, – сказал монах и перекрестился на часовню.

Высыпавшая проводить хозяина челядь дружно закрестилась, кто-то из женщин громко шмыгнул носом.

Вольфгер толкнул каблуками своего боевого вороного, кованые копыта прогрохотали по доскам подвесного моста, и они выехали из замка. На барбакане¹⁹ хрипло взвыла труба. Вольфгер оглянулся и увидел, как полотнище флага с его родовым гербом ползёт по башенному флагштоку вниз. Хозяин покинул свой замок.

Поначалу дорога казалась лёгкой. Промозглый утренний туман рассеялся, выглянуло солнце и поползло по бледно-голубому небу. Заметно потеплело, лошадиные копыта глухо стучали по утопанной земле, по сторонам дороги тянулись с детства знакомые места. Поворот, ещё поворот, и вот уже замковые стены скрылись за верхушками деревьев. Вольфгер в последний раз оглянулся и увидел серый контур бергфрида на фоне неба, коническую крышу и балкон, напоминающий кольцо на толстом каменном пальце. Больше он не смотрел назад.

Сначала Вольфгер опасался, что старый монах будет быстро уставать и окажется обузой в отряде, но отец Иона держался в седле на удивление хорошо, выглядел бодрым и с интересом обозревал окрестности, вполголоса бормоча латинские молитвы и перебирая чётки.

Вольфгер ехал первым, привычным цепким взглядом обшаривая дорогу на предмет возможных опасностей, за ним ехал монах, а замыкал маленький отряд Карл, ведя в поводу выючных лошадей.

По правую руку в осенней дымке за пологими холмами, поросшими ельником, виднелись отроги Рудных гор, а слева тянулись бесконечные поля и перелески. Кое-где лес был сведён, и на вырубках виднелись крестьянские полянки, огороженные кривыми плетнями. Урожай был уже убран. На маленьких, неровных полях оставались только стожки подгнившего сена да качалось под ветром тряпье на пугалах.

Пару раз, не останавливаясь, они проезжали через деревеньки, состоявшие из двух рядов хижин-развалюх вдоль дороги, колодца и огородиков с осевшими от дождей грядками. По бедности населения в деревнях не было даже часовен, только на околицах стояли деревянные распятия. Крестьяне выглядели испуганными и забитыми, увидев вооружённых всадников, женщины хватали детей и убегали, а мужчины до земли кланялись богатому господину в латах с золотой баронской цепью, позвякивающей о стальной нагрудник.

Вольфгер разглядывал крестьян, пытаясь заметить у них признаки бунтарских настроений, о которых говорил Иегуда бен Цви, но деревни и их обитатели выглядели на редкость мирно и обыденно. «Посмотрим, что будет дальше, – подумал барон. – Может, у страха глаза воистину велики, и купец увидел то, чего на самом деле нет и в помине?» Ему стало спокойнее.

Поскольку провизии в дорогу взяли предостаточно, в деревнях решили не задерживаться, а ехать до сумерек и заночевать в лесу. Сберегая лошадей, ехали шагом.

Во второй половине дня погода начала портиться. Небо затянуло серой хмарью, солнце спряталось за невесть откуда набежавшими тучами, сразу стало холодно, сумрачно и промозгло. В воздухе повисла сырость, время от времени отжимавшаяся мелким, противным и очень холодным дождём, забирающимся под одежду. Вольфгер накинул поверх кольчуги тяжёлый грубый плащ и укутался в него, накинув полы на круп коня. Несмотря на это, его поддошпешник вскоре отсырел и казался страшно тяжёлым.

---

¹⁹ **Барбакан** (лат. *Barbescana*) – в средневековом замке башня, охраняющая подступы к мосту и воротам.

Мысль о том, что ночевать придётся в насквозь промокшем лесу, настроения не улучшала, о плохой погоде барон как-то не подумал, хотя дожди в это время года в Саксонии были делом обычным.

Вольфгер придержал коня и, поравнявшись с Карлом, спросил:

– Может, заночуем на постоялом дворе? Есть тут какой-нибудь по дороге?

– Нет, – помотал головой Карл, размазывая дождевые капли пятернёй по лицу. – До темноты будет ещё одна деревня, но там никакого постоянного двора нет – беднота... Можно, конечно, переночевать и в крестьянской хижине, но тогда придётся выгнать хозяев на улицу. Да и блох наберёмся, потом не избавишься от них, загрызут до смерти, а до хорошей бочки с горячей водой ещё ехать и ехать.

– Ну, значит, ночуем в лесу, как и решили, – вздохнул Вольфгер и опять занял своё место в голове отряда.

Прошло ещё два колокола.

Вольфгер вдруг ощутил, что его беспокоит нечто неуловимое, как будто по нему скользит недобрый взгляд. Это было знакомое чувство, барон всегда испытывал его, когда опасался засады – арбалетного болта, пущенного в спину из кустов или выстрела из аркебузы. Он стал осторожно осматриваться, бросая взгляды из-под глубоко надвинутого капюшона.

Слева от дороги тянулись унылые, мокрые и совершенно пустые поля. В них спрятаться было невозможно, а вот справа на расстоянии двадцати локтей начинался подлесок, постепенно переходящий в густые заросли. Вот там-то Вольфгер пару раз боковым зрением и замечал серую размытую тень, мелькающую в придорожных кустах. Таинственное существо ухитрялось не задеть ни одной ветки. Стоило повернуть голову, и тень незнакомца исчезала.

Вольфгер знаком подозвал Карла.

– По-моему, за нами следят, ты ничего не чувствуешь? – спросил он.

– Уже давно, – спокойно ответил Карл. – Оно справа от дороги, бежит в подлеске.

– «Оно»? Что ты хочешь этим сказать?

– Это не человек.

– Как не человек?! – изумился Вольфгер. – А кто же?

– Не человек, – повторил Карл. – Человек так двигаться не может, по-моему, это лесной гоблин.

– Лесной гоблин... Надо же... А я думал, они бывают только в сказках, – удивился Вольфгер.

– В глухих лесах живёт много такого, о чём людям знать и не нужно, – ответил Карл. – Лесные твари не покидают своих убежищ, а людям обычно нечего делать в чащах: там нет ни дичи, ни лещины, ни ягод. Да и дрова удобнее рубить на опушке.

– А ты когда-нибудь видел гоблинов? – с интересом спросил Вольфгер. – Какие они?

– Видел в детстве, пару раз, мельком, но не разглядел, – нехотя ответил Карл. – Гоблины, да и вообще вся лесная нечисть, не любит, когда на неё глазеют, могут в отместку и пакость учинить.

Лошади Вольфгера и Карла шли рядом. Отец Иона соскучился, и, увидев, что его спутники разговаривают, решил подъехать к ним. Узкая дорожка не позволяла ехать трём лошадям в ряд, поэтому монах вынужден был плестись сзади и прислушиваться, ловя обрывки фраз.

– Скажи, Карл, а гоблины опасны? – продолжал расспросы Вольфгер.

– Ну... – оборотень поскрёб начинающий зарастать щетиной подбородок, – вообще-то гоблины владеют своей, гоблинской магией, зубы и когти у них тоже имеются, так что гоблин, защищающий свою жизнь, наверное, будет нелёгкой добычей. Но я никогда не слышал, чтобы они нападали на людей.

– Гоблины?! Где? Здесь?! Не может быть! – воскликнул отец Иона, до которого донеслись последние слова Карла.

Вольфгер обернулся и досадливо шикнул на монаха:

– Да тихо ты, святой отец, не спугни его! Полагаю, он здесь не случайно! – и, повернувшись к Карлу, предложил:

– Может, попробуем его поймать?

– Хотите поймать лесного гоблина в лесу? Что вы, господин барон, – усмехнулся Карл. – Это будет потруднее, чем поймать белку на ёлке, только штаны обдерём. Они невероятно юркие создания, а лес – их родной дом. Мы только разозлим его.

– Ну тогда, может, подстрелить? – Вольфгер положил руку на сумку с седельными пистолетами.

– Я бы не стал убивать его, господин барон, – ответил Карл, – хотя гoblin, как и я, не божья тварь. Зачем напрасно проливать кровь?

– Прости, я сказал не подумав, – положил оборотню руку на плечо Вольфгер. – Но меня всё-таки беспокоит, что он следит за нами. А вдруг эта bestия приведёт целую шайку?

– Вряд ли. Гоблины сторонятся людей, да и осталось их совсем мало, – пожал плечами Карл. – Я не стал бы этого опасаться.

– А что ему тогда нужно?

– Он сам скажет, если захочет. Кстати говоря, смеркается, нам пора искать место для ночлега. Пока разведём костёр, пока приготовим ужин, совсем стемнеет.

– Вроде бы где-то здесь была хорошая поляна, – сказал Вольфгер. – Карл, ты не помнишь, где нужно свернуть с дороги?

– Точно не помню. Разрешите, ваша милость, я поеду первым, – попросил тот.

Вольфгер придержал коня и Карл выехал вперёд.

Примерно через полколокола оборотень уверенно свернул с дороги вправо на заросшую пожухлой травой тропинку, которая, попетляв между кустами, вывела их на маленькую уютную поляну. Похоже, поляной часто пользовались проезжающие – кострище было обложено закопчёнными камнями, вокруг него лежали брёвнышки для сидения, а рядом была сложена маленькая поленница дров. За кустами журчала вода то ли ручья, то ли маленькой речки.

Путешественники спешили и стали готовиться к ночлегу. Вольфгер расседлал коней и, стреножив их, отпустил пастись. Отец Иона, кощунственно ругаясь, пытался выпутаться из полотнища шатра, который он пытался поставить. Карл сложил дрова шалашиком, подsunул снизу пук бересты, осторожно насыпал из рога немного пороха и попросил:

– Господин барон...

Вольфгер подошёл, протянул руку над костром, зажмурился и произнёс заклятие огня, одно из немногих, которое ему удалось выучить. Как обычно, руку болезненно кольнуло. Барон открыл глаза и увидел, что огонь внутри шалашика ожил, береста корёжится в пламени, а разрастающиеся язычки начинают лизать более крупные сучья и ветки.

– Побудьте у костра, – попросил Карл, – а я схожу за водой.

Отец Иона присел на бревно, закутавшись в плащ. Он был похож на старую, облезлую ворону. От одежды монаха начинал подниматься пар.

– Смотри, святой отец, штаны прожжёшь, если заснёшь у огня, – улыбнулся Вольфгер.

Монах, не отвечая на шутку, подвинулся так, чтобы видеть лицо Вольфгера, и негромко спросил:

– Про какого это гоблина вы говорили на дороге?

– Да следил тут за нами кто-то, – ответил барон. – Карл считает, что это был лесной гoblin, ты же знаешь его чутьё.

– А где он сейчас? – спросил монах.

– За водой пошёл, сейчас вернётся, наверное, – ответил Вольфгер.

– Да не Карл, а гoblin! – досадливо перебил отец Иона.

– Откуда я знаю? Пропал куда-то. Карл говорит, что если гоблину нужно, он сам подойдёт. Ты его только не пугай, пожалуйста, и распятием у него перед носом не размахивай, хорошо? Кто его знает, как он к святому кресту относится.

– Ладно-ладно, не учи, – беззлобно пробормотал монах. – Вот я его экзорцизмом!

– Даже и не думай, всё дело мне сорвёшь! – нахмурился Вольфгер и тут же засмеялся, сообразив, что монах шутит и никакими экзорцизмами воспользоваться не может, поскольку не знает ни одного.

Из кустов выбрался Карл, неся котелок с водой. Он осторожно повесил его над огнём и стал резать солонину для похлёбки.

Вольфгер порылся в своём мешке, достал бурдючок с вином, развязал и протянул монаху:

– Хлебни, святой отец!

Отец Иона протянул руку и сразу же отдернул её:

– Н-нет... Мне нельзя.

– Это ещё почему?

– Ну, мы вроде как бы находимся в Крестовом походе за веру и должны пребывать в чистоте... – загнул он.

– Э, э, э! – воскликнул Вольфгер, – так дело не пойдёт! Ты меня не предупреждал, что пить будет нельзя! Знал бы, ни за что не согласился бы ехать! Как это – путешествовать трезвым?! Ты что, отче? И потом, воинам в походе положено послабление обетов! Пей, говорю! Если сейчас не выпьешь, простудишься в этакой сырости и завтра будешь чихать на весь лес!

Монах обречённо вздохнул, взял бурдюк и умело приложился к нему. Дождавшись, пока бульканье стихнет, Вольфгер забрал бурдюк, как следует хлебнул сам и передал его Карлу. Пустой бурдюк убрали в мешок. Вскоре похлёбка в котелке стало уютно булькать и источать такой запах, что отец Иона беспокойно завозился на брёвнышке. Хорошее вино, горячая еда и дневная усталость сделали своё дело. После ужина Вольфгер почувствовал, что к нему подкрадывается сон.

– Карл, – сказал он, – моё дежурство первое, ты спи, а в полночь я тебя разбужу, от святого отца всё равно толку нет.

– Не надо караулить, господин барон, – сказал Карл, – вы что, забыли? Пока я здесь, к поляне не подойдёт ни один хищный зверь, а сплю я очень чутко, так что шаги человека услышу гораздо раньше вас, спите спокойно.

Вдруг он схватил Вольфгера за руку и прошептал:

– Он здесь!

– Кто?!

– Гоблин!

– Где?

– А вон, за теми кустами, видите?

– Нет, не вижу, – досадливо сказал Вольфгер. – Темень кругом, костёр мешает...

– А я вижу, – напряжённо сказал Карл.

– Что он делает?

– Ничего... Стоит, смотрит на нас.

Вольфгер мгновение раздумывал, потом решил. Не вставая, он повернул голову по направлению к кустам и отчётливо произнёс:

– Кто бы ты ни был, не бойся, тебе ничто не угрожает, слово фрайхерра Вольфгера фон Экк! Подойди без страха и исполни своё поручение!

От кустов отделилась невысокая тень и вошла в круг, освещённый костром. Вольфгер взглянул на него и еле сдержал возглас удивления. Перед ним стояло странное, невиданное существо. В целом оно напоминало человеческого подростка, мальчишку лет двенадцати, но пропорции тела были неувловимо нечеловеческими, а лицо... Светлокориичневая, как молодая

древесная кора, кожа, круглые жёлтые глаза с вертикальным звериным зрачком, длинный нос, совершенно безгубый жабий рот и полное отсутствие мимики. Не лицо, а страшноватая маска. Существо было покрыто не то мехом, не то листьями, не то перьями – в мерцающем свете костра было плохо видно.

– Проходи, садись, – спокойно сказал Вольфгер, подвинувшись на бревне и освобождая место для странного гостя. Гоблин обошёл костёр, тщательно следя, чтобы ни дым, ни искры не коснулись его, и сел, прямой и корявый, как высокий пенёк.

– Кушать хочешь? – спросил Вольфгер, указывая на котелок. – Есть похлёбка и немного вина.

– Нет, – резким и скрипучим голосом ответил гоблин, – ваша еда и питьё мне не подходят. Не считите за... – он на миг задумался, подбирая слова чужого языка – ...за обиду. Я не... способен это есть.

– Тогда, может быть, ты будешь есть своё? – мягко спросил отец Иона.

– Нет, я пришёл говорить, а не есть, – ответил гоблин.

– Хорошо, тогда давай говорить, – сказал Вольфгер, – мы слушаем тебя. Что ты хотел сказать?

– Ты есть человек по имени Вольфгер фон Экк?

– Да, это я, – кивнул Вольфгер.

– Хорошо. Тогда я скажу. – Гоблин смотрел только на Вольфгера и совершенно не обращал внимания ни на монаха, ни на Карла. – Слушай и запоминай. Тот, кто послал меня, велел передать: «Вольфгер фон Экк, ни в коем случае не прекращай начатое тобой дело, оно гораздо важнее, чем ты думаешь».

– Это всё? – удивлённо спросил Вольфгер.

– Нет, не всё, – ответил гоблин. – Ещё приказано передать, что Он будет следить за тобой, и будет помогать там и тогда, где будет в силах. Теперь я сказал всё и могу уйти.

– Постой! – воскликнул Вольфгер. – Сначала скажи, кто тебя послал?

– Тот, кто имеет на это право.

– А что дало ему такое право?

– Сила.

– А имя, имя у пославшего тебя есть?

– Я его не знаю, – равнодушно ответил гоблин. За время разговора он ни разу не пошевелился и сидел неподвижно, как истукан.

– Как же так? Ты получаешь приказ неизвестно от кого и отправляешься его выполнять, даже не узнав, кто тебе приказал? Это странно... – сказал монах.

– Зачем имя? Я ощутил силу, которой нельзя противиться. Вот приказ выполнен, и теперь я свободен, теперь я могу уйти.

Гоблин говорил по-немецки с чёткой правильностью иностранца, хорошо выучившего чужой язык.

– Конечно, ты свободен, – мягко сказал Вольфгер, – и можешь уйти в любую минуту, спасибо тебе за то, что согласился донести важные для нас слова. Но я никогда в жизни не видел лесного гоблина, и я хотел бы поболтать с тобой немножко... Ты согласен?

– Поболтать? – переспросил гоблин. – То есть, поговорить? Хорошо. Спрашивай. Я отвечу.

Вольфгер растерялся. Он думал, что ему придётся вытягивать из гоблина сведения обманом и хитростью, как это бывает в сказках, но странное существо не пыталось хитрить, оно спокойно сидело рядом на бревне и ждало вопросов. От гоблина исходил лёгкий запах еловой смолы и разрытой земли, что неприятно напоминало кладбище. Теперь Вольфгер даже и не знал, что спросить. Вопросы теснились у него в голове, но никак не хотели выстраиваться в логическую цепочку. Наконец, он решился и задал первый вопрос:

- Скажи, к какому народу ты принадлежишь?
- Люди зовут нас гоблинами леса, – ответило существо.
- Вас много в лесах?
- Нет, теперь мало. В здешних лесах я последний, скоро уйду и я.
- Куда ты уйдёшь, гоблин леса?

Гоблин задумался и долго молчал. Запах смолы усилился. Вольфгер на миг ощутил дурноту.

- Уйду, – повторил гоблин. – В иной план бытия.
- Что такое «иной план бытия»? – вмешался в разговор отец Иона.
- В вашем языке нет слов, чтобы объяснить, – ответил гоблин, – а моего языка не знаете вы.

– То есть ты умрёшь? – не отставал монах.

– А что такое смерть? – повернулся к нему всем телом гоблин. – Ты можешь сказать? Я исчезну здесь, моё тело и моя внутренняя сущность исчезнут в этом мире, значит, можно сказать, что я умру, но они появятся в другом мире, значит, я буду продолжать жить. Что первично, жизнь или смерть? Я не знаю.

– Ты уйдёшь в мир гоблинов? – спросил Вольфгер.

– Я уйду в мир, населённый существами, которые пришли в этот план бытия раньше человека и уходят под вашим натиском. Скоро этот мир будет принадлежать только людям. Так предначертано. Потом уйдут и люди.

– Куда? – вскинулся отец Иона.

– И опять скажу: не знаю. Спросите у того, кто послал меня, возможно, он обладает этим знанием и поделится им с вами. Его мощь безмерно велика.

– Как его зо... впрочем, это я уже спрашивал, – оборвал себя Вольфгер, – и, как я понял, ответа не будет. Тогда скажи лучше вот что: чувствуешь ли ты, что в этом мире происходят некие изменения?

– В мире постоянно происходят изменения, – ответил гоблин. – Основа устойчивости мира – его изменчивость, ты не знал? Впрочем, не будем играть словами. Ты прав. Сейчас в мир пришло нечто новое, и это новое враждебно старому. Между ними идёт борьба. Вы не можете видеть и ощутить это, а я могу.

– Что будет, если победит новое? – дрожащим голосом спросил монах.

– Оно воцарится в этом слое реальности, – ответил гоблин.

– А старое?

– Старое уйдёт.

– Куда?

– Я не знаю.

– А если победит старое?

– Оно не победит. Грядут новые времена. Вы, люди, прикованы к этому плану бытия, вы не можете покинуть его, поэтому готовьтесь. Прощайте.

Гоблин встал и, не оглядываясь, скрылся среди ночных теней.

Все долго молчали. Поляну заполнил шорох ночного дождя. Тихонько шипел угасающий костёр.

– Всё сбывается, всё... – с безутешной тоской сказал отец Иона.

– Ты о чём? – спросил Вольфгер.

– Об Апокалипсисе, – ответил монах. – Подожди, сейчас ты всё сам поймёшь...

Он встал и, оскальзываясь на сырой траве, побрёл к сваленным под деревом седельным сумкам, порылся там и вернулся, держа в руках книгу.

– Это Библия, – сказал он, аккуратно разматывая кусок шёлка, в который была завернута книга, «Откровение Иоанна Богослова», вот...

Он стал читать, сразу же переводя для Карла с латыни на немецкий:

«И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные.

Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть.

И даны ему были уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца.

И дано ему было вести войну со святыми и победить их; и дана ему была власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем.

И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира.

Кто имеет ухо, да услышит.²⁰

– Ничего не понял, прости... – тихо сказал Вольфгер, потрясённый мрачной красотой древнего текста, особенно торжественно прозвучавшего в ночном лесу над мерцающим костром. Видно было совсем плохо, но монах, видимо, помнил Писание наизусть, поскольку переводил по памяти, почти не заглядывая в книгу.

– Что же тут непонятного? – удивился он. – Грядёт пришествие антихриста, знаки уже явлены, ты их тоже видел. То новое, о чём говорил гоблин, и есть зверь из моря. Обрати внимание, его послом выступил не человек, божья тварь, а гоблин, некая бледная тень антихриста, один из мелких слуг и подручных его. И это – не случайно. Он тща-а-ательно выбирает себе слуг.

– Постой, постой, – попробовал спорить Вольфгер. – У тебя получается, что все нелюди – прислужники дьявола? Вот Карл – вербэр, так, по-твоему, он что, тоже не божья тварь? Прости Карл, я не хочу тебя обидеть.

– А я не знаю! – запальчиво воскликнул монах. – В Писании ничего не сказано про оборотней!

– Тут-то ты и попался, – ухмыльнулся Вольфгер. – В Писании много про что не сказано, например, нет ни слова о папской курии в Риме. Значит, она тоже...?

– Не смей так говорить! – взвизгнул монах, – не богохульствуй! Тем более, в такое время, когда, может, решаются судьбы мира!

– Успокойся, ты вопишь на весь лес, – оборвал его Вольфгер. – Тебе незачем так нервничать, я и в мыслях не имел хулить твоего бога.

– Твоего? – потрясённо переспросил отец Иона. – Значит, ты...

– Разумеется. А ты не знал? Я давно уже не верю в поповские сказки и в то, что отпущение грехов или кусочек святости можно купить за деньги. Я, как учили греческие философы, агностик. Я верую, но по-своему. Верую в некую надмировую сущность, которая управляет нашим бытием, но не понимаю, зачем ей, всеведущей, мудрой и равнодушной, жалкие молитвы, жертвоприношения и разукрашенные молитвенные дома.

– Это ересь! Ты раскаешься в ней, и очень скоро!

– Возможно, но пока ты не убедил меня. Оставим на время теологию. Давайте лучше обсудим слова нашего гостя. Например, как вы думаете, кто всё-таки послал его?

– И думать нечего, – буркнул монах. – Он от врага рода человеческого.

– То есть от дьявола? – переспросил Вольфгер, задумчиво шевеля веткой угли в костре. – А почему ты так решил?

---

²⁰ Откровение Иоанна Богослова, глава 13, стихи 1–9.

- Чем ты слушал? – раздражённо сказал монах. – Я же читал тебе Писание. Зверь из моря!
- А почему из моря? – удивился Вольфгер. – Где у нас тут море?
- Ну, просто так говорится... – смутился отец Иона. – В конце концов, это неважно, из моря или не из моря! Главное, что сорваны печати, Он сошёл на землю, и предстоит воистину последняя битва! Даже гоблин почувствовал Его силу, а эти твари умеют различать зло. Заметь, они уже покинули наш мир, этот был последним!
- Ты сказал, что *«дана ему власть действовать сорок два месяца»*, это без малого четыре года, значит, у нас ещё уйма времени!
- Но мы же не знаем, когда произошло сошествие, – возразил монах. – Судя по тому, как нарастают злые приметы, времени у нас гораздо меньше, чем ты думаешь, надо спешить!
- Господин барон, позвольте спросить, а то я кое-чего не понял, – внезапно подал голос промолчавший почти весь вечер Карл.
- Да? – обернулся к нему Вольфгер.
- Гоблин передал слова своего временного хозяина: «Вольфгер фон Экк, ни в коем случае не прекращай начатое тобой дело, оно гораздо важнее, чем ты думаешь», так?
- Так... – кивнул Вольфгер.
- Отец Иона утверждает, что гоблин – мелкий прислужник сатаны, стало быть, он говорил от его имени, так?
- Говори дальше, – пробормотал Вольфгер, холодея.
- А раз так, выходит, что он считает вас, господин барон, тоже своим подручным. Иначе говоря, вам, а значит, и нам предстоит действовать в интересах сатаны. Я правильно понял?
- П-получается – правильно... – пробормотал Вольфгер. – Что скажешь, святой отец?
- Спаси и сохрани нас от этого господь! – перекрестился дрожащими пальцами монах.
- Что будем делать?
- Как решили, надо идти к архиепископу! – не подумав, бухнул монах.
- Ага, придём, всё расскажем, и тут же окажемся на дыбе. Карла сожгут сразу, мне, как благородному, отрубят голову на рыночной площади церемониальным мечом, ну, а тебя, не знаю, наверное, сошлют в какой-нибудь монастырь, запрут в каменном мешке до самой смерти.
- Если надо, мы должны принять и эту муку! – осенил себя крестным знаменем монах.
- Принять муку мы всегда успеем, – пробурчал Карл. – А по-моему, сначала нужно сделать то дело, которое собирались, надо всё-таки постараться понять, что происходит в нашей богоспасаемой Саксонии.
- Молодец, Карл, – хлопнул его по плечу Вольфгер. – В самую точку. Давайте всё-таки постараемся сначала сами разобраться, что происходит. Начинай, отец Иона.
- Н-ну... Понимаете... Я и сам-то не очень... – забормотал монах и опять открыл Библию. Вот, слушайте:

Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии своём»²¹.

И дальше:

О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один»²².

Понятно, что люди ждали второго пришествия, как и было сказано в Евангелии, ещё при жизни Его учеников, однако... Потом стало ясно, что эти фразы понимали буквально, а надо иносказательно. Толкований было множество, однако, большинство склонялось к тому, что нужно ждать тысячного года. Тысячный год прошёл в страшном ожидании. Летописи гласят,

---

²¹ Евангелие от Матфея, глава 16, стих 28.

²² Там же, глава 24, стих 36.

что люди бросали свои мирские дела, возводили храмы и гробницы, раздавали своё имущество, страх и уныние воцарились на земле. Но второго пришествия не случилось и тогда. – Отец Иона вздохнул, – сын мой, у нас совсем не осталось вина? Ага, спасибо. Так, о чём я? А, ну да... Прошёл тысячный год, наступил тысяча первый, и кому-то пришло в голову, что, наверное, даты посчитали неправильно, ведь Его распяли в возрасте тридцати трёх лет, значит, тысяча лет истечёт в тысяча тридцать третьем году... Люди получили ещё одну передышку. И вот пришёл тысяча тридцать третий год, и опять были явлены зловещие знамения, опять начались приготовления к концу света, и опять церковь, чего уж там греха таить, получила изрядную толику золота и отписанных на неё земель. Но род людской опять выжил. Церковь тогда утверждала, что ей удалось отомолить у Спасителя ещё немного лет земной жизни, теперь до тысяча шестьдесят шестого года, ибо шестьдесят шесть – число антихриста...

В общем, постепенно, второе пришествие позабылось. Войны, болезни, рождения, смерти – всё это заслонило опасность конца света, которая казалась всё более и более призрачной. Над священниками, угрожающими скорой божественной карой, стали посмеиваться. Потянулись годы, они складывались в века...

Я думал, что следующим годом, в котором люди вспомнят о пророчествах откровения Иоанна Богослова, будет 1666-ой, и я до него не доживу, но вышло по-другому. Светопреставление оказалось гораздо ближе, чем мы думали. И нам остаётся только молиться, чтобы Он смилостивился над нами. Людям явлены грозные знаки, но мало кто различает их. Купец говорил, что крестьяне по всей стране склоняются к бунту, они неосознанно чувствуют приближение антихриста, это он смущает их души. А церковь слаба как никогда. Богомерзкий Лютер нанёс ей удар в спину, и теперь священники сражаются друг с другом вместо того, чтобы взявшись за руки, своей верой и своими телами защитить пасомых от дьявола... Воистину, пришли последние времена! – монах закрыл лицо руками.

– Постой, отец Иона, ну подожди, – положил ему руку на плечо Вольфгер. – Не надо отчаиваться раньше времени. Ну да, знаки явлены, но ведь ничего ещё не свершилось. Возможно, ты толкуешь их неправильно, в конце концов, что мы можем знать о промысле божьем? Я читал, что земли людей неоднократно поражали моровые поветрия, землетрясения, наводнения, войны, нашествия варваров, и каждый раз летописцы говорили о последних днях мира. Но ведь ни разу не сбылось, а? Не убивайся ты так, мой старый учитель, вот, выпей ещё вина и ложись спать. Утром под ясным солнышком всё будет выглядеть не таким мрачным, правда, Карл?

– Да, господин барон, вы совершенно правы. Позвольте, святой отец, я помогу устроить вам постель. К счастью, дождь перестал, и спать будет не так сыро. Шатёр промок, поэтому лучше ложитесь поближе к костю, вот ваш плащ, ваш мешок. Спите и ничего не бойтесь. До завтра светопреставление уж точно не наступит, я обещаю.

Монах всхлипнул, ладонью стёр слезы с лица, улёгся на ложе из веток, заботливо нарезанных для него Карлом, завернулся в плащ и через несколько минут засопел.

Вольфгер и Карл остались сидеть у костра. Карл подбрасывал в огонь веточки, не давая костру ни погаснуть, ни разгореться. Господин и слуга тихо разговаривали.

– Трудно будет со стариком, – вздохнул Вольфгер. – Боюсь, если надо будет ехать дальше Дрездена, придётся оставить его в хорошей гостинице. Дам хозяину денег, пусть ухаживает за ним, а мы поедem дальше.

– Он не останется, – тихо возразил Карл. – Ведь это его путешествие, он сойдёт с ума от тоски и ожидания. Будь что будет, пусть едет с нами и встретит свою судьбу. Он уже в таком возрасте, когда смерть может прийти в любую минуту, а где она настигнет человека – какая разница? Во всяком случае, он не умрёт в одиночестве, в чужом доме, в чужой постели.

Вольфгер задумчиво посмотрел на Карла. В словах оборотня ощущалась такая спокойная и выстраданная мудрость, что барон не стал возражать. Он припомнил кое-что из биографии Карла и понял, почему он так сказал.

– Скажи, Карл, а что ты думаешь обо всём этом, о знамениях, втором пришествии, и вообще?

– С вашего позволения, ничего, – ответил Карл. – Думать и предугадывать – это ваше дело. А моё – выполнять ваши приказы. Я ведь не христианин и даже не знаю, есть ли у меня душа? В той игре, которую мы с вами затеяли, господин барон, у нас очень разные ставки. Я не знаю, что меня ждёт в посмертии, и есть ли у меня вообще посмертие.

– Так и я не знаю... Никто не знает! – возразил Вольфгер.

– У вас хотя бы есть религия, есть святыне книги, есть бог и дьявол. А у меня – нет.

– Но ты же наполовину человек!

– А наполовину – нет. И кто знает, какая половина окажется важнее? Но оставим это. Господин барон, позвольте спросить?

– Конечно, спрашивай, что за церемонии...

– Гоблин сказал, что то существо, ну, от имени которого он говорил, обещало вам свою помощь...

– Да, говорил, и что? – насторожился Вольфгер.

– Вы собираетесь её в случае чего принимать?

Вольфгер крикнул:

– Да-а, вот это вопрос... Не знаю! И ты прав, лучше бы решить его заранее, потому что принимать помощь от того, кто в худшем случае может оказаться дьяволом, это, знаешь ли... Может статься, нам будет лучше расстаться с жизнью, чем воспользоваться услугами врага рода человеческого...

– Дьявол есть дьявол, – задумчиво сказал Карл. – Скорее всего, он обставит дело так, что отказаться от его помощи мы всё равно не сможем.

– Гадать бессмысленно, похоже, нас втянули в игру, в которой мы будем даже не пешками... – сказал Вольфгер. – Пусть так. Будем делать ход за ходом и смотреть как ходит противник, другого выхода у нас нет. Что у нас на пути завтра? Ты хорошо помнишь эту местность, Карл? Карта у меня в сумке, неохота её искать в потёмках.

– Помню, когда-то мы здесь гм... работали, – ответил Карл. – Завтра к полудню доберёмся до деревни. Хорошая деревня, большая, с рыночной площадью и церковью. Продукты у нас пока есть, можем, конечно, объехать её стороной, а можем и заехать, пополнить припасы. Дальше пойдут бедные поселения, там, кроме чёрствого хлеба да овечьего сыра, мы ничего купить не сможем.

– Значит, будем охотиться! – решил Вольфгер. – Не успели выехать из замка, а уже съестное покупаем, это не дело, так мы до Дрездена и до весны не доедем!

– Как прикажете, господин барон, – кивнул Карл. – Не заезжать, так не заезжать.

Глава 3

17 октября 1524 г.

День св. Анструдиса, св. Берария, св. Виктора, св. Джона Карлика, св. Иродиона, св. Лутиема, св. Мамилта, св. Нотслема, св. Регула, св. Рудольфа из Габбио, св. Флорентия, св. Этельберта.

Вольфгера разбудил стук топора. Он открыл глаза и увидел, что Карл уже нарубил дрова для утреннего костра и теперь заканчивает выводить маленькую поленницу для путешественников, которые заночуют на этой поляне после них. Монах тоже проснулся и, отойдя в сторонку, молится.

Утро выдалось весёлым и ярким, хотя и холодноватым. Из рта у Карла, азартно орудующего секирой, вылетали клубы пара. Вольфгер заметил, что кое-где на травинках переливаются алмазные иголки предутреннего инея, ещё не съеденные солнцем.

Жареный на прутиках бекон, подогретый хлеб и вино, разбавленное горячей водой, прогнали остатки сна и улучшили настроение. Даже отец Иона, уплетая скворчащее мясо, больше не выглядел сосудом мировой скорби. О вчерашнем странном госте и неприятных разговорах по молчаливому уговору не вспоминали. После завтрака быстро свернули лагерь и двинулись в путь.

Лошади бодро бежали по лесной дороге. Вольфгер, насвистывая неприличную солдатскую песенку, ехал первым, иногда придерживая нависающие ветки, чтобы они не хлестали по лицу монаха. Пару особенно капризных ветвей он лихо срубил мечом, радуясь превосходной заточке клинка. Карл молча ехал сзади.

В полдень Вольфгер остановил коня, достал из сумки карту, долго вертел её туда-сюда, пытаясь сориентироваться, наконец, догадался и, придерживая пальцем найденное место, обернулся к Карлу:

– Скоро должна быть развилка, нам надо будет свернуть направо, правильно?

– Да, господин барон, – ответил Карл. Он легко ориентировался и без карты. – Налево будет деревня, а дорога на Дрезден – направо.

Вольфгер кивнул, убрал карту и тронул каблуками бока жеребца. Вскоре появилась и развилка, отмеченная огромным дубом, росшим между двумя дорогами. Такие дубы в народе называли «королевскими», поскольку в старину царственные особы часто вершили под ними суд, а королевские палачи использовали крепкие сучья для скорого исполнения приговоров. К счастью, этот дуб не был осквернён ни одним трупом. Вольфгер облегчённо вздохнул, тронул поводья, чтобы свернуть направо, и вдруг остановился:

– Эт-то ещё что такое?!!

На дороге, ведущей в Дрезден, сидел кот. Кот был здоровенный, угольно-чёрный, без единой белой отметины на шубке, с пронзительно зелёными глазами. Кот бесстрашно и внимательно смотрел на Вольфгера, не собираясь уступать дорогу.

К барону подъехали отец Иона и Карл.

– Откуда в лесу кошка? – удивился Вольфгер.

– Может, дикая? – спросил отец Иона.

– Дикие – они пятнистые, а эта чёрная, как сажа. Нет, она домашняя, глянь, вон какая гладкая, шкурка аж блестит, наверное, хозяйева кормят от пуза. Только почему так далеко от дома? И ведь не боится ничего.

– Значит, деревня рядом, – пожал плечами Карл. – Наверное, дети с собой притащили и бросили. И потом, ваша милость, это не кошка, а кот, морда самая разбойничья.

Разбойничий кот встал, потянулся, подрагивая толстым, пушистым хвостом, ещё раз взглянул прямо в глаза Вольфгеру, развернулся и поскакал в сторону деревни. Добравшись до поворота, он опять сел и стал смотреть на Вольфгера.

– Будь я проклят, по-моему, он зовёт нас за собой! – воскликнул барон.

– Не богохульствуй, сын мой! – опять загнул монах, разом вспомнивший свои вечерние страхи. – Ну его! Пусть идёт своей дорогой, а мы пойдём своей! Какой-то он неприятный, чёрный весь... Ишь, бесовское отродье, глазищами как стреляет!

Кот громко мяукнул.

– Та-ак, – пробормотал Вольфгер, – вот и начинается... Даже раньше, чем мы думали, и вот – уже надо принимать решение. Отец Иона уже высказался, а ты что скажешь, Карл?

– Как прикажете, господин барон, – невозмутимо ответил слуга.

– Значит, решать мне... – вздохнул Вольфгер.

– Давай не поедem туда, мальчик мой, – сказал отец Иона. – Давай не поедem, прошу тебя, что-то там впереди нехорошее, я чувствую...

– Послушай, монах, – терпеливо ответил Вольфгер, – ведь мы отправились в поход как раз для того, чтобы разобраться в происходящих событиях, так? Ну так вот тебе событие. Как же мы узнаем правду, если будем объезжать любые опасности стороной? Решено, я еду. Ты можешь подождать меня здесь, потом я пришлю за тобой кого-нибудь. Карл, ты со мной, я правильно тебя понял?

– Зачем вы спрашиваете? – пожал плечами оборотень. – Я всегда с вами.

– Ну и славно, тогда поехали! Эй, киса, как тебя там? Ты не утонишься за нашими конями, иди ко мне, – и Вольфгер похлопал по шее лошади.

Барон вздрогнул, когда кот, словно поняв его слова, одним изящным прыжком взлетел на жеребца. Повозившись, он устроился перед Вольфгером, прижался к нему и заурчал. Вольфгер почувствовал тепло кошачьего бока, он стянул боевую перчатку из грубой кожи с нашитыми стальными пластинками и почесал кота за ухом. Кот замурлыкал ещё громче и снова заглянул Вольфгеру в лицо, словно говоря: «Ну, что же ты тянешь время? Поехали скорее!» Выбор был сделан, и маленький отряд свернул налево.

Деревня оказалась, действительно, очень близко, и в ней происходило нечто странное. Вольфгер придержал коня и огляделся.

Локтях в двухстах от крайнего дома, рядом со зловонными кучами мусора, в землю был врыт столб с прикованными к нему цепями. Столб был обложен связками хвороста и пучками соломы. По единственной улице деревни навстречу Вольфгеру двигалась процессия, во главе которой два здоровенных, нечёсанных мужика волокли связанную растрёпанную девушку в сильно измятом и запылённом платье с разорванным корсажем. У одного мужика на щеке алели глубокие царапины, явно от ногтей, а у другого запух глаз. За мужиками с важным видом шествовал священник с большим распятием в руках, а рядом с ним шёл осанистый пожилой крестьянин с медной бляхой старосты на толстенной цепи. За ними валом валили сельчане – мужчины, женщины, старики, дети. Видно, здесь собралось всё население деревни.

Увидев приближающуюся толпу, кот бесшумно спрыгнул с седла и исчез в кустах.

Происходящее решительно не нравилось Вольфгеру. «Похоже, предсказания купца начинают сбываться с пугающей скоростью, – подумал он. – Вот мирные землепашцы уже и до самосуда добрались. Ни тебе церковного, ни светского суда. Быстро, однако, они осмелели. Ну, это мы ещё посмотрим...» Он обернулся к слуге и шепнул:

– Карл, ну-ка, пугни их!

Оборотню, привычному ко всяким передрягам, ничего объяснять было не нужно. Он привстал на стременах и заревел так, что у Вольфгера зачесалось в ушах, а его жеребец фыркнул и шархнулся:

– А ну, стоять, скоты!!! Стоять, я сказал!!!

Толпа отшатнулась. Повисла напряжённая тишина.

Вольфгер выехал вперёд и подчёркнуто негромко, холодным, равнодушным голосом спросил:

– Кто мне объяснит, что здесь происходит?

Священник и староста, явные зачинщики и организаторы предстоящей казни, растерянно молчали, остальные, как видно, и вовсе не были приучены к разговорам с благородными господами.

– Отвечать владетельному барону Вольфгеру фон Экк, ну, вы, мужичьё!!! – опять гаркнул Карл. – Не смей молчать!

– Ты! – ткнул рукоятью хлыста Вольфгер в одного из мужиков, держащих женщину. – Говори.

– Дык, эта, а чего говорить-то? – ответил мужик. – Ща ведьму в распыл пускать будем, значить, – осклабился он, обнаружив отсутствие передних зубов.

– Та-а-к... В распыл, значит. А за что?

– Дык как за что? За это самое. Она же, курва богомерзкая, жену мою своей ворожкой в могилу свела! И ребяточка ейного, значить! – деловито пояснил мужик. – Вчерась обоих и схоронили.

– А я сколько раз тебе, придурок несчастный, говорила: побереги жену перед родами! – взвизгнула девушка, пытаясь вырваться из рук удерживающих её мужиков. – А ты что сделал?!!

– Заткни пасть, стервь! – тряхнул её второй мужик так, что у связанной лязгнули зубы. – Все знают, что гансова жена здоровая была, как кобыла мекленбургская, ей родить – что посрать сходить! Трех-то выродила, и ничего, а четвёртого ты и уморила!

– Так я же её детей и принимала! – вновь крикнула девушка. – Ты что, не помнишь?

– Почему не помню? Помню. И заплатили тебе тогда, как следует, а в этот раз ты, вишь, её уморить решила, поди от зависти. Сама-то пустая ходишь, как тыква сушёная! Вот и сглазила. Опять же, овцы у меня кашлять стали. Почему, спрашивается? Не-е-ет, дело верное, ведьма – она и есть ведьма, ей самое место на костре, правильно я говорю, отче? – обратился крестьянин к священнику.

– Верно! – истерично взвыл тот. – В огонь еретичку, в огонь!!!

– Пре-кра-тить! – повысил голос Вольфгер. – Казнь запрещаю!

– А не пошёл бы ты в жопу, барончик хренов! – зло крикнул тот, кого звали Гансом, и кто был вдовцом. – Как мы опчеством порешили, так, значить, и сделаем, а ты лучше отвали, пока по шее не наклали и железки твои сраные не отняли!

Толпа загудела. Воспользовавшись заминкой, мужики дёрнули ведьму и потащили её к костру. Вольфгер понял, что сейчас всё решится. Ещё миг, и ничего исправить будет уже нельзя, озверевшая толпа станет неуправляемой и снесёт на своём пути и палачей, и жертву. Выбора не оставалось.

Барон послал жеребца вперёд, привстал на стремянах, выхватил меч и заученно, сверху вниз, с потягом, как много раз делал на учебном поле и в бою, нанёс удар. Свистнула отточенная сталь, взлетел фонтан крови, тело Ганса, конвульсивно дрыгая руками и ногами, рухнуло на землю. Запачканная окровавленной пылью голова с глухим стуком откатилась под ноги священнику. Тот взвизгнул и отскочил назад. Девушка дёрнулась – кровь Ганса попала ей на лицо и одежду.

Держа на отлёте меч, с которого ещё капала кровь, Вольфгер левой рукой бросил забрало на смотровую щель шлема и развернул коня к крестьянам. Краем глаза он увидел, как сзади слева заезжает Карл, держа в руках секиру.

– Ну? – зло спросил он. – Кто следующий?

И вдруг завыл во всю силу лёгких:

– Во-о-он!!! Бы-ыдло!!! Зарублю-ю!!!

Выдрессированный боевой жеребец сделал всего только один шаг в сторону крестьян, и этого шага оказалось достаточно. Толпа шарахнулась назад, возникла мгновенная давка и люди бросились наутёк, спотыкаясь и отпихивая друг друга локтями. Маленькая девочка упала и осталась лежать в пыли, оглашая улицу истошными рыданиями. Её мать, молодая крестьянка, оглянулась на барона и, всё-таки набравшись храбрости, отчаянно метнулась назад, подхватила ребёнка и убежала. Миг – и улица опустела. У околицы остались только путешественники, ведьма, священник со старостой и труп палача, неожиданно ставшего жертвой. У связанной девушки подогнулись ноги, и она стала заваливаться на бок. Карл соскочил с коня и едва успел подхватить её.

– Отец Иона, Карл, помогите фройляйн, снимите верёвки, – приказал Вольфгер, а сам повернулся к старосте и священнику.

– Я буду в доме этой госпожи, – зло сказал он. – Вы оба придёте туда на закате, тогда я решу, как поступить с вами и с деревней. Труп убрать. За спокойствие в деревне отвечаете оба. Головой. А сейчас пошли вон! Ну!

Он повернулся к девушке, с которой отец Иона уже успел срезать верёвки и теперь осторожно растирал ей руки. Когда кровообращение в руках, жестоко стянутых за спиной, стало восстанавливаться, она закричала от боли.

– Потерпи немного, госпожа, сейчас станет легче, – приговаривал отец Иона, разминая затёкшие мышцы. По лицу девушки катились крупные слёзы, она кусала губы от боли. Вольфгер прыгнул с коня и подошёл к ней. Девушка вздрогнула и отшатнулась.

Снимать боль у раненых Вольфгера много лет назад научил грек, служивший лекарем в его отряде. Барон размял пальцы, положил их особым образом на шею девушки, зажмурился и сосредоточился. Контакт удалось установить быстро, в его сознание хлынула волна боли, и барон, вспоминая давно забытые уроки, стал отводить её и рассеивать.

Через некоторое время он ощутил, что его пациентке заметно полегчало, но руки с тёплой и нежной кожи под завитками мягких волос убирать не хотелось. Вольфгер вздохнул и открыл глаза. Девушка смотрела на него с нескрываемым изумлением.

– Мой господин, вы чародей?

– Я? – удивился Вольфгер. – С чего ты взяла? Конечно, нет.

– Но ведь вы в одно мгновение избавили меня от нестерпимой боли! Ни одному лекарю не по силам такое!

– А вот меня этому научил как раз военный лекарь, – мягко улыбнулся Вольфгер. – Наверное, всё-таки лекари бывают разные, в этом всё дело. А так, должен тебя разочаровать, я не чародей. Я – барон Вольфгер фон Экк, мой замок в двух дня пути отсюда, монах, его зовут отец Иона – мой капеллан²³, а это мой друг и слуга Карл.

– Друг и одновременно слуга – разве такое бывает? – спросила девушка.

– Чего только не бывает в нашем мире, – пожал плечами Вольфгер. – Прости нас, госпожа, что мы напросились к тебе в гости, но в тот момент раздумывать было некогда. Ты позволишь нам побыть у тебя до вечера?

– О чём вы говорите, ваша милость, ведь я обязана вам жизнью! – ответила девушка. – Опоздай вы хоть ненадолго, и... – её лицо исказилось.

– Давайте-ка уйдём с улицы, – предложил Вольфгер. – Незачем оставаться в этом неприятном месте. Мой конь, госпожа, пожалуй, для тебя великоват, поэтому мы попросим святого отца одолжить своего мерина.

---

²³ **Капеллан** (лат. Capellanus) – в Средневековой Европе «домашний» священник в богатых домах. Позднее капелланами называли военных священников.

Карл легко подхватил девушку за талию и усадил на лошадь. Садясь в мужское седло, она вынуждена была высоко поддёрнуть юбку, и Вольфгер с удовольствием успел разглядеть её стройные ноги.

– Куда нам ехать? Показывай, госпожа, – сказал Карл, держа под уздцы свою лошадь и лошадь монаха.

– Да какая я госпожа? Зовите меня просто Ута, – отмахнулась девушка. – А ехать нам недалеко. Прямо и налево, четвёртый дом.

Большой, добротный двухэтажный дом на каменном основании был окружён забором, ворота были заперты изнутри. Карл громко постучал, но на стук никто не вышел.

– Служанки, наверное, попрятались, а может, сбежали через огород, – извиняющимся тоном сказала Ута. – Не будем их винить, они всего лишь женщины и насмерть перепугались, меня ведь выволокли из дома... Но как же мы попадём во двор?

– Да очень просто, – пожал широченными плечами Карл. – Вот так.

Он легко перемахнул через угрожающе качнувшийся забор, повозился внутри, откинул засов и распахнул ворота. Вольфгер ввёл во двор своего коня и мерина, на котором сидела Ута, а монах ввёл вьючных лошадей.

Вольфгер огляделся. Дом выглядел зажиточным и уютным, перед окнами была разбита цветочная клумба. Хозяйственные постройки, вероятно, размещались с другой стороны, с фасада их было не видно.

– Вилда, Зельма, где вы? Идите сюда! Это я, Ута! – крикнула хозяйка.

Через несколько минут из-за угла дома боязливо выглянула бедно одетая пожилая женщина. Увидев хозяйку, она охнула, бросилась к ней, упала на колени, обняла её ноги и расплакалась.

– Госпожа моя Ута, слава Спасителю, ты жива! А мы уж и не надеялись...

– Жива, жива, – ответила Ута, – благодари за это рыцаря фон Экк и его спутников, Зельма. Это они в последний момент спасли меня от костра!

Служанка на коленях подползла к Вольфгеру, схватила его руку и стала покрывать поцелуями:

– Спасибо, спасибо, благородный господин, да возблагодарит вас Спаситель за это доброе дело!

– А где Вилда? – спросила Ута. В её голосе появились хозяйские нотки.

– Сидит в погребе, боится выйти... Я сейчас её приведу.

– Не надо, идите сразу на кухню, мужчины, наверное, проголодались.

Женщина мелко закивала, поднялась с колен и, подобрав юбки, убежала.

– Я отведу коней, – сказал Карл, – госпожа, где у вас конюшня? Найдётся в ней место для пяти лошадей?

– Для пяти, наверное, нет, – ответила Ута, – но вьючных лошадей можно привязать снаружи, а вот овса хватит на всех. Правда, конюха у меня нет, придётся уж тебе всё сделать самому. Конюшня вон там, за углом, увидишь.

Карл взял под уздцы своего коня и коня Вольфгера и повёл за дом, остальные лошади потянулись за ними.

– Прошу в дом, господа, – сказала Ута, открывая дверь. – Оружие и доспехи можно оставить в прихожей, но если хотите, можете взять их с собой.

– Мы оставим их в прихожей, фройляйн Ута, – улыбнулся Вольфгер. – Отец Иона, помоги мне снять кирасу.

Стены гостиной в доме Уты были чисто выбелены, дощатый пол отмыт до блеска и натёрт воском, вдоль стен стояли лавки, застеленные холстами, в буфете поблёскивала дорогая стеклянная и серебряная посуда, в углах комнаты висели пучки ароматных трав, посередине стоял большой стол.

Распятия в комнате не было.

– Располагайтесь, господа, усаживайтесь, где хотите, – сказала Ута и вышла из комнаты. Скоро она вернулась, неся в руках тяжёлый поднос, на котором стоял серебряный кувшин и тарелка с яблоками. Вольфгер вскочил, чтобы принять поднос, и его руки коснулись пальцев Уты. Девушка лукаво улыбнулась и передала поднос барону. Она достала из буфета три бокала тёмно-зелёного гранёного стекла и налила в них вино. Первый бокал она с поклоном подала Вольфгеру, второй вручила монаху, а третий взяла себе.

– Благородные господа, – сказала она, – позвольте мне выпить за ваше здоровье и ещё раз поблагодарить за моё чудесное спасение. Я у вас в неоплатном долгу.

Она легонько коснулась своим бокалом бокалов гостей, отпила немного и поставила его на стол.

– Прошу меня извинить, – сказала Ута. – Но я должна ненадолго оставить вас. Мне нужно переодеться и смыть с себя кровь и следы рук моих... добрых односельчан.

Она присела в церемонном поклоне и вышла.

– Девица что надо... – тоном ценителя пробормотал монах и причмокнул. – Видел, какая ножка?

– Ну иди, потри ей спинку, старый греховодник, – засмеялся Вольфгер. – Заодно и гм... утешить её, для женщины нет лучшего утешения, чем это.

– Что ты говоришь, сын мой?! – испугался монах. – Она же ведьма!

– Ну и что? – продолжал дразнить монаха Вольфгер. – Я нигде не читал, что женские части ведьмы чем-то отличаются от тех же частей доброй католички. Вот заодно и проверишь!

Отец Иона перекрестился с постным лицом:

– Из-за твоего нечестивого языка, сын мой, нам придётся гореть в чистилище лишнюю тысячу лет!

– Подумаешь, – усмехнулся Вольфгер, – из-за такой девушки мужчина может принять на себя и некоторые неудобства. А как ты хотел? Всё и всегда чего-то стоит!

Вольфгер нарочно подначивал монаха, чтобы хоть как-то развеселить его. Смеющийся старик ему нравился куда больше, чем унылый. Отец Иона, наконец, сообразил, что барон над ним смеётся, обозвал его охальником и погрузился в изучение содержимого своего бокала.

– А неплохое винцо у ведьмы, а, сын мой, – причмокнул отец Иона. Он уже забыл, что находится в Крестовом походе и должен воздерживаться от вина.

– Неплохое, – подтвердил Вольфгер, – вот, держи яблочко, закуси, а то когда ещё обед? Слышишь, на заднем дворе куры квохчут? Наверное, на обед будет куриная лапша.

– Да её служанки и курицу-то поймать не смогут, – отмахнулся отец Иона, – разве что Карл поможет. – Ой, а что это в вазочке? Кажется, домашнее печенье? М-м-м, сто лет не пробовал домашнего печенья! Скажи, Вольфгер, почему у тебя в замке не пекут такого печенья?

– Не знаю, – растерялся барон, – наверное, слуги совсем разбаловались. Вот вернёмся, будет тебе печенье. О, смотри-ка, а этого зверя мы сегодня уже видели! Кис-кис-кис!

В комнату вошёл знакомый чёрный кот, внимательно осмотрел гостей, дёрнул хвостом и ушёл вглубь дома.

– Так значит, это котик Уты, – пробормотал Вольфгер, – интересное совпадение, надо же...

– Что ты говоришь, сын мой? – переспросил отец Иона.

– Ничего, – отмахнулся Вольфгер. – Это я так, сам с собой.

Наконец появилась Ута, она успела причесаться и переодеться. Только тут Вольфгер смог оценить, насколько спасённая ими девушка красива. Высокая, статная, голубоглазая, с прекрасной фигурой. Густые волосы цвета спелой пшеницы она заплела в косы. Ей было не более двадцати лет. Она выбрала длинное платье с глубоким вырезом, отороченным голландским

шитьём, и белый накрахмаленный передник. Взгляды мужчин непроизвольно упёрлись в её грудь. Ута заметила это и, довольная произведённым впечатлением, мило улыбнулась.

– Господа мои, пока обед готовится, не желаете ли помыться? На кухне вы найдёте две кадки с горячей водой, мыло и чистое бельё, своё бельё оставьте там же, Вилда стирает.

Отмывшись от дорожной пыли, распаренные и умиротворённые, Вольфгер и монах уселись за стол. Карл сесть за общий стол, как обычно, отказался и ушёл на кухню. Несмотря на то, что обед готовили в спешке, он вышел отменным, очень сытным и вкусным. Отвыкшие от еды, приготовленной женскими руками, мужчины даже слегка объелись. Когда обед закончился, начало смеркаться. Отец Иона задремал, сидя на лавке. Увидев это, Вольфгер осторожно, чтобы не разбудить, поднял старика на руки, перенёс в соседнюю комнату и уложил. Ута с удивлением следила за ним.

– Прости, мой господин, этот монах, наверное, брат твоего отца? – несмело спросила она.

– Почему ты так решила? – засмеялся Вольфгер.

– Но... ты так нежен с ним, так заботишься о нём, я и подумала...

– Нет, мои родители давно умерли, – ответил Вольфгер. – Отец Иона – мой старый учитель и друг. На самом-то деле, он для меня как второй отец, ведь он научил меня большей части того, что я знаю о мире.

– И колдовать тоже? – с улыбкой спросила Ута.

– Колдовать? Что ты имеешь в виду, госпожа? Я не умею колдовать, – удивился барон.

– От слова «госпожа» за версту разит чопорной старой девой, – поморщилась девушка. – Я же просила, зови меня просто Утой.

– Ну, тогда я – Вольфгер, – улыбнулся барон, и они чокнулись бокалами с вином, которое в сумерках казалось чёрным.

– Так что ты говорила насчёт колдовства? – спросил Вольфгер, с удовольствием отпив из бокала и поставив его на стол.

– Когда твой слуга разрезал верёвки, я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, а ты подошёл и произнёс заклятие, снимающее боль. И оно подействовало!

– А, вот ты про что. Только никакого заклятия не было. Это просто... Не знаю, как это называется. Ты должен суметь, ну, слиться с душой человека, страдания которого хочешь облегчить, понимаешь? Только надо очень захотеть, и тогда всё получится. А заклинаний я никаких не знаю, разве что огонь могу словом разжечь.

– Если бы у тебя не было дара к магии, ты не смог бы мне помочь. Кроме желания, требуется ещё *нечто*. И это *нечто* у тебя есть! Тебе обязательно нужно учиться у опытного чародея, это очень редкий дар, нельзя им пренебрегать!

– Откуда ты всё это знаешь?

– Кому же, как не мне, знать такие вещи? – усмехнулась Ута. – Ведь я ведьма!

– К-как ведьма? – чуть не поперхнулся Вольфгер. – Значит то, что орали мужики... Я думал, это они так, просто по злобе, а ты обычная повитуха.

– Конечно, я повитуха, – сказала Ута, – но и ведьма тоже. Без ведьмовского дара многого в целительстве не достигнешь. Только я не убивала жену и ребёнка Ганса. Зачем бы мне это было нужно? Ты мне веришь?

Вольфгер кивнул. Ута подошла к буфету и достала из него кованую железную шкатулку, запертую на замок, отпёрла, достала свёрнутый в рулон пергамент и передала Вольфгеру.

– Вот, это мой патент.

Вольфгер развернул его и просмотрел. Патент был выдан канцелярией архиепископа и гильдией медиков Саксонии, снабжён всеми положенными подписями и печатями.

– Но... это патент повитухи!

– Конечно, а ты думал, что мать наша, святая римско-католическая церковь, выдаст мне патент ведьмы? Так всегда и делается, патент дают повитухе, но на самом деле, все понимают,

что это за повитуха. Церковь знает, что в мире существует кое-что, неподвластное её молитвам и экзорцизмам, и с этим «кое-чем» надо управляться. Вот, нашими руками она и управляется. Конечно, быть ведьмой – дело опасное, ходишь по лезвию ножа, ведь в любое время её могут обвинить в сношениях с дьяволом, наведении порчи, осквернении христианских святынь и прочей ереси. А за это костёр, и никто за неё не вступится, да ты и сам всё видел. Мне просто повезло, необыкновенно, небывало повезло, что вы оказались в нужном месте и в нужное время... Ты читай, читай.

«...обязуется не отказывать ни бедному, ни богатому в исцелении от всякоразных хворей, подвластных её мастерству, а также и вспомошествовать в разрешении от бремени женщин и домашней скотины, находящейся в тягости...»

«...женщин и домашней скотины...» – повторил Вольфгер. – Какой дурак придумал такую формулировку?

– А чему ты удивляешься? – пожала плечами Ута. – Написана чистая правда, в деревнях женщины живут не намного лучше домашней скотины. Только женщину ещё можно и... Впрочем, и скотину тоже можно. Иногда находятся, знаешь ли, любители... Но не будем об этих мерзостях.

– Прости, Ута, но как же получилось, что...

– Что меня чуть не сожгли? Да проще простого. В последнее время Ганс повадился совать свои грязные лапы мне под юбку, жену-то свою он уже давно не хотел, довёл её до скотского состояния. Шутка ли, рожать каждый год, она в тридцать лет выглядела старухой... Ну я и пригрозила ему, что если ещё раз полезет, у него там всё отсохнет. А тут ещё роды неудачные. Я знала, что будет трудно, ребёночек лежал неправильно, поэтому и посоветовала Гансу дать Эльзе отлежаться, но он не послушался. Я ничего не смогла сделать. Мальчик родился мёртвым, а Эльза истекла кровью. Такое иногда случается, я же не всемогущая! Раньше крестьяне это понимали, они видели, что я всегда бьюсь за жизнь матери и ребёнка до последнего, но тут как с цепи сорвались. Ну и, конечно, Ганс и его брат воду мутили. Вот так оно и вышло...

– А знаешь, ведь ты обязана жизнью не только мне, но и своему коту, – шутиливо сказал Вольфгер. – Ведь мы не собирались заезжать в вашу деревню, хотели проехать мимо, а твой кот не пустил нас, заставил свернуть.

– Вот оно что... – протянула Ута. – То-то я смотрю, он пропал, когда меня схватили. Думала, отступился от меня, и совсем отчаялась, а он за помощью побежал...

– Никогда таких котов не видел, – сказал Вольфгер. – Слишком уж он сообразителен для домашнего зверька.

– А он и не кот, – объяснила Ута, – только похож.

– Как это не кот? А кто?!

– Веришь ли, сама не знаю. У каждой ведьмы обязательно есть своё волшебное существо, ну, пусть будет наставник. У кого-то жаба, у кого-то филин или змея, а я всегда кошек любила, наверное, поэтому мне и достался кот. У любого доброго христианина есть свой ангел-хранитель, а вот у меня, ведьмы, – кот.

– А как его зовут? – спросил Вольфгер.

– Никак. Я зову его Кот, он откликается.

– Получается, что это демон?

– Может, и демон. Какая разница, кто? Он не вредит людям. А я бы без него не смогла жить, он мне помогает во всём.

– Прости за нескромность... Если не хочешь, не отвечай. А муж или парень у тебя есть?

– Нет, – ответила Ута, – ведьмам мужья не полагаются.

– А... а дети?

– Дети, конечно, могут быть, ведьмы всё-таки женщины. Только лучше, чтобы их не было. Давай сейчас не будем об этом, хорошо?

– Извини, если обидел, – Вольфгер накрыл рукой ладошку Уты.

Ута ласково сжала его пальцы и убрала свою руку со стола. Наступило неловкое молчание.

– Послушай, а ведь тебе нельзя оставаться в деревне, – сказал Вольфгер. – Пока мы здесь, тебе ничего не угрожает, но вот когда мы уедем...

Ута встала и прошла по комнате, в задумчивости покусывая губу.

– Пожалуй, ты прав, они не отстанут. Но куда же мне уехать?

– У тебя есть родственники или друзья где-нибудь подальше?

– Родителей нет, я сирота, а вот родственники есть, в Тюрингии. Но они знают, что я ведьма, и предпочитают со мной не связываться. Они меня и на порог не пустят.

– Плохо дело... – покачал головой Вольфгер. – А что, если тебе поехать с нами?

– А куда вы едете? – расстроено спросила Ута. До неё вдруг дошло, что завтра её спасители, сильные, добрые и уверенные люди, с которыми спокойно и ничего не страшно, уедут по своим делам, и она опять останется наедине со священником, старостой и озлобленными крестьянами.

– Мы едем в Дрезден, к архиепископу Майнцскому. Ты можешь поехать с нами. Из Дрездена мы будем возвращаться той же дорогой и завезём тебя домой. Старосту деревни я как следует припугну, чтобы в твоё отсутствие не обижали служанок и не разорили дом.

– Знаешь, Вольфгер, – задумчиво сказала Ута, – мне кажется, я никогда больше не смогу жить в этой деревне. Не смогу я забыть то, что они хотели со мной сделать, а родственники Ганса всегда будут винить в его смерти меня. Добром это всё равно не кончится.

– Н-ну... Тогда поедem ко мне, будешь жить в моём замке или, если захочешь, построим тебе дом, такой же, как этот. Служанок своих перевезёшь.

– В качестве кого я буду жить в твоём замке? – прищурилась Ута.

– Да хоть в качестве повитухи! У меня в замке нет ни лекаря, ни цирюльника, ни костоправа. Будешь меня лечить!

– Ты собираешься рожать? – рассмеялась Ута.

– Будешь насмеяться над моей баронской милостью, заточу в темницу! – пригрозил Вольфгер.

В комнату вошёл Карл:

– Мой господин, пришли священник и староста. Прикажете впустить?

– Впусти, – нахмурился барон. – Ута, будь добра, выйди на минутку, разговор у нас будет короткий, но неприятный.

Ута отрицательно покачала головой, из комнаты не ушла, но отодвинулась в тень так, что её почти не было видно.

Вольфгер сел в кресло у стола, повернутое к двери. Он был в расшнурованном дублете²⁴, надетом поверх белой крахмальной рубахи. На шее висела золотая баронская цепь с гербовым медальоном. Невзирая на дворянскую моду, Вольфгер не носил ни бороды, ни усов, а волосы стриг очень коротко. Гости вошли и остановились у двери, подталкивая друг друга вперёд.

На оробевших священника и старосту смотрел человек лет сорока, с уже начинающими седеть висками, скуластым лицом, глубоко сидящими серыми глазами и тонкогубым ртом. Лицо владетельного барона было замкнуто и холодно.

---

²⁴ Дублет (фр. Doublet) – короткая закрытая куртка на пуговицах или шнуровке, подбитая ватой. Часто надевалась под доспехи.

– Так, – сказал он. – Во-первых, на мне кровь. Вот вира²⁵ за убитого, – барон бросил на стол звякнувший металлом замшевый мешочек. – Здесь деньги на погребение и на опеку детей, оставшихся сиротами. Староста, надеюсь, ты понимаешь, что присваивать эти деньги тебе не стоит? Ну-ка, посмотри на меня.

Староста заглянул в глаза барону и вдруг почувствовал, как кожу на его шее обдирает грубая висельная верёвка, а по ногам бежит тёплая струйка предсмертной мочи. Он судорожно сглотнул.

– Ваша милость, не извольте беспокоиться, всё будет сделано по совести...

– Смотри, я проверю. Если что, повешу первым тебя. И не пытайся сбежать, в Саксонии я тебя найду везде. Надо будет – повешу и тебя, поп, не посмотрю на сан. Так что предупреждаю обоих. Во-вторых, завтра я уезжаю в Дрезден. Фройляйн Ута едет со мной. Она вернётся также вместе со мной с новой грамотой от архиепископа, подтверждающей её разрешение на занятия целительством. Но если за время её отсутствия с этим домом и служанками случится что-то нехорошее... Староста, надеюсь, ты понял меня?

– Я понял вас, ваша милость, – униженно поклонился крестьянин.

– Поп, не слышу тебя. Ты понял меня?

Священник молчал, его лицо стремительно наливалось краской.

– Значит, не слышим... – с угрозой в голосе произнёс барон. – Стало быть, придётся и мне заняться целительством, хоть разрешающей грамоты у меня и нет. Карл, верёвку, живо!

В комнату шагнул Карл, его гигантская тень метнулась по стенам. В руках он держал грубую верёвку, завязывая на ней петлю. Лицо священника из красного мгновенно стало белым и рыхлым, как творог. «Не хватало ещё, чтобы его тут удар хватил», – с неудовольствием подумал Вольфгер.

– Я понял, господин... – пробормотал священник.

– Не слышу, – резко сказал Вольфгер, – громче!

– Я понял вас, господин барон! – с отчаянием в голосе повторил священник.

– Теперь слышу. Хорошо. Берите деньги и уходите. Ну?!

Священник и староста топтались у двери, боясь подойти к столу, где сидел страшный барон с лицом равнодушного убийцы. Из тени выступила Ута и попыталась вручить кошель священнику, но тот в ужасе отшатнулся от ведьмы. Ута усмехнулась и всунула мешочек за отворот кафтана старосты. Гости, толкаясь, выскочили за дверь.

– Ну что же, – сказал Вольфгер, подавив зевок. – День начался не сказать чтобы хорошо, а вот закончился неплохо. Отец Иона, наверное, уже третий сон досматривает, пора и мне.

– Пойдём, я покажу спальню, – сказала Ута, поднимаясь.

Спальня на втором этаже оказалась маленькой и очень уютной, кровать стояла в алькове, закрытом занавесками.

Распятия не было и в спальне.

Пожелав Вольфгеру спокойной ночи, Ута ушла. Барон задвинул засов, разделся, и, укладываясь в узковатую постель, обнаружил у изголовья кувшин с клюквенным настоем. Улыбнувшись женской заботе, Вольфгер отхлебнул прямо через край терпкой прохладной жидкости, забрался под одеяло и быстро задремал. Разбудил его несмелый стук в дверь. Вольфгер вскочил, взял в руку кинжал, встал сбоку дверного проёма и откинул засов.

В дверях стояла заплаканная Ута в одной рубашке и босиком. Волосы её были распущены. В руке она держала свечу в оловянном подсвечнике.

– Прости, Вольфгер, – не поднимая глаз, пробормотала она. – Я понимаю, это неприлично, но... Я не могу заснуть! Мне страшно! Я боюсь спать одна! Я хотела позвать в спальню кого-нибудь из служанок, но... Позволь мне переночевать в твоей комнате! Я лягу на полу.

²⁵ **Вира** – денежное возмещение за убийство.

– Не извиняйся, – вздохнул Вольфгер. – Ты сегодня перенесла то, что бывает не по плечу многим мужчинам. Иди, ложись в кровать, а я посижу рядом, пока ты не уснёшь.

Ута юркнула под одеяло, повернулась на бок и закрыла глаза. Прошло несколько минут, и она с жалобным криком откинулась на подушке.

– Опять то же самое! Столб, огонь, цепи... Стоит только закрыть глаза, как они появляются снова и снова! Я не могу спать! Что мне делать? Вольфгер, может, я схожу с ума?

– Нет, ты не сходишь с ума, – тихо и ласково ответил ей барон. – Просто ты – маленькая и очень испуганная девочка. Давай-ка мы сделаем вот что. Посмотри сюда.

Вольфгер взял свой кинжал за лезвие и поднёс рукоять к лицу Уты.

– Этот кинжал – наше родовое оружие, оно переходит от отца к старшему сыну, это очень старая сталь, на ней заговор от злых чар. Я воткну этот кинжал в изголовье кровати, вот так, и он будет отгонять ночные кошмары, а я буду держать тебя за руку.

Вольфгер знал, что прояви он сейчас хоть немного настойчивости, и он получит всё, что мужчина может получить от женщины, но это казалось ему недостойным, всё равно как отнять монету из рождественского пирога у ребёнка. Поэтому он осторожно взял Уту за руку и поцеловал в запястье, где билась синяя жилка. Девушка подсунула его руку себе под щеку, сонно улыбнулась и сразу же задышала глубоко и ровно.

Глава 4

18 октября 1524 г.

День св. Аббана Мурневинского, св. Абрахама Бедного, св. Винсента, Сабины и Христиана, св. Гаудиосуса Африканского, св. Десидерия Ауксерского, св. Капитолины, св. Наматия, св. Одрана из Лона, св. Флорентия, св. Фрумента, св. Элисабана.

На следующий день уехать не удалось. Ута заявила, что ей необходимо время для сборов. Карл, похоже, поразил в самое сердце Вилду. Молоденькая служанка не отходила от него ни на шаг, и как только заходил разговор об отъезде, у неё на глаза наворачивались слёзы. Вольфгер тоже не хотелось покидать уютный дом, поэтому под тем предлогом, что лошадям нужно дать как следует отдохнуть, решили задержаться ещё на день. Только отец Иона горел желанием выехать как можно скорее, но его удалось уговорить, соблазнив пивом, которое в доме Уты было превосходным.

Отец Иона посетил сельский храм и, не обнаружив на иконе Святого семейства кровавых слёз, немного успокоился. Вольфгер наслаждался тишиной и домашним уютом, священник и староста не появлялись. Иногда в его комнату заходил Кот, долго и внимательно рассматривал барона, но погладить себя не давал и вообще вольностей со стороны человека, всяких там «кис-кис», не признавал – фыркал и начинал демонстративно вылизываться, усевшись посреди комнаты. Вольфгер тайком перекрестил кота, надеясь, что он во что-нибудь превратится, но ничего не произошло. Тайный помощник Уты на крестное знамение не обратил никакого внимания.

Всё хорошее когда-нибудь кончается, и, отдохнув день, выросший отряд выехал за ворота дома Уты, сопровождаемый рыданиями служанок. Ута, одетая в мужской костюм для верховой езды, в фетровой шапочке с пером, ловко сидела в седле своей небольшой лошади. Она взяла с собой охотничий лук и колчан со стрелами, а на пояс повесила кинжал. Вольфгер опасался, что Ута, как любая уважающая себя женщина, потащит с собой кучу барахла, но дело ограничилось одним небольшим мешком, который Ута приторочила к седлу. Кот отправился вместе с ней. Часть пути он проводил, сидя на лошади перед хозяйкой, но часто спрыгивал и отправлялся исследовать придорожные заросли, умудряясь ни разу не отстать. Ута совершенно не беспокоилась по поводу того, что её Кот может потеряться или стать добычей хищных зверей. Наверное, это было невозможно.

Вообще, Ута оказалась очень приятной спутницей – спокойной, непугливой и на удивление выносливой. Она не боялась чёрной работы и сразу взяла на себя приготовление еды на всех. Посуду решили мыть всё-таки по очереди.

Первый день пути прошёл без приключений, погода была сумрачной, но сухой и тёплой, ехали не быстро, несколько раз делали привалы, но, учитывая, что теперь с ними едет дама, ночевать решили по возможности на постоялых дворах. Карл сообщил, что он как раз знает один такой по дороге, и к концу дня они до этого постоялого двора доберутся, если его ещё не сожгли благодарные селяне за пристрастие хозяина к торговле прокисшим пивом.

Постоялый двор стоял на старом месте, и с тех пор, как его в последний раз видел Карл, казалось, совершенно не изменился – был таким же убогим, низким и закопчённым.

– Комнат для проезжающих тут отродясь не было, – сообщил оборотень. – Будем спать на сеновале, да оно и лучше, там кусачих насекомых нет, а будет холодно – в сено зароемся.

Карл отправился устраивать на ночь лошадей, а Вольфгер, отец Иона и Ута вошли в общий зал, чтобы заказать ужин. Переступив порог, они увидели большое, скупо освещённое помещение с очень низким, провисшим в центре потолком, грязноватые столы с тяжёлыми лавками вокруг, и сложенный из камня очаг. В очаге на крючьях виднелись закопчённые,

покрытые застывшим жиром вертела. Пахло прокисшим пивом, подгоревшей едой, холодным дымом, затхлым тряпьем. В углу зала размещалась грубо сколоченная стойка. За ней угрюмый трактирщик, такой же грязный и запущенный, как и его заведение, протирал полотенцем шербабые глиняные кружки. За стойкой виднелась низкая дверь.

Ута сморщила нос, но промолчала. Путешественники выбрали стол в углу, так, чтобы видеть входную дверь и весь зал. Ута забралась в дальний угол, монах сел на лавку посередине, а Вольфгер пододвинул табурет и сел с краю. Подошёл трактирщик и что-то буркнул себе в бороду. Вольфгер заказал для всех большое блюдо тушёной баранины с капустой, жареную рыбу, хлеб и пиво. Поймав брошенную Вольфгером золотую монету, трактирщик пошаркал к стойке.

– Эй, – крикнул ему в спину барон, – пиво принеси сразу! Да смотри, чтобы не кислое было!

Трактирщик приволок три глиняных кружки с шапками желтоватой пены, плюхнул их на стол и ушёл. Ута выбрала кружку почище, незаметно вытерла её ободок платком и осторожно отпила. Вольфгер последовал её примеру. Пиво было жидковатым, но свежим, и пить его, в принципе, было можно, тем более что после долгой дороги желания привередничать не было.

Потягивая пиво, Вольфгер исподтишка разглядывал посетителей заведения, по виду крестьян и мелких торговцев. Они пили своё пиво, вели себя очень тихо и явно чего-то боялись. Вольфгеру это показалось подозрительным.

Внезапно бухнула входная дверь, и в трактир ввалились новые посетители. Это были здоровенные мужики, каждый как минимум на голову выше Вольфгера. Вели себя они нагло и по-хозяйски. Расталкивая посетителей, мужики прошли через зал и заняли лучший стол, вышвырнув из-за него компанию ремесленников. Они сразу стали орать на трактирщика, требуя мяса, брентена²⁶ и пива. Трактирщик, подобострастно кланяясь, бросился их обслуживать. В тот вечер он отпустил прислугу и вынужден был всё делать сам. Мужики были давно и тяжело пьяны. Они явно искали, на ком бы выместить злобу. Посетители это быстро поняли, связываться с опасной компанией не захотели, и трактир начал быстро пустеть. Люди поскорей допивали своё пиво и уходили, а самые робкие оставляли на столах недопитые кружки. Вскоре в трактире, кроме путешественников, пьяной компании и хозяина, не осталось ни души. Мужики бросали на Уту откровенные взгляды и зубоскалили. Вольфгер понял, что драки не избежать, но соотношение сил ему не нравилось: пятеро на одного в кабацкой драке, где меч, главное оружие рыцаря, ему не поможет – расклад явно неудачный. Он уже хотел сказать монаху, чтобы тот незаметно сходил за Карлом, но не успел.

Один из пьяных встал, отшвырнул лавку, и, пошатываясь, направился к столу Вольфгера. Барон упёрся носком сапога в ножку стола и вместе с табуретом отъехал в сторону, чтобы иметь возможность вскочить. Он проверил как ходит меч в ножнах и стал ждать. Мужик подошёл к Вольфгеру и тупо уставился на него. Пьянчуги были, видимо, здешними разбойниками или кем-то в этом роде, местные их знали и боялись до одури. Разбойник настолько привык к этому страху, что смотрел на спокойного Вольфгера с удивлением. Краем глаза барон заметил, что Ута разминает под столом пальцы.

– Ну ты, тощага, забирай с собой попа и проваливай отсюда! – наконец рявкнул мужик, и сплюнул на пол, – а бабу оставь! Ты с ней всё равно не сладишь!

Сидящие за столом дружно заржали.

– Эта женщина находится под моей защитой, – негромко сказал Вольфгер. – Лучше возвращайся к своему столу, целее будешь.

– Да ну? – глумливо переспросил мужик. – Это ты, что ли, сопля, со мной сладишь? Я щас обоссусь со страху!

---

²⁶ **Брентен** (нем. Brenten) – разговорная форма слова Brantewein, сорт старинной немецкой водки.

Вольфгер внимательно следил за руками разбойника, ожидая подлого удара, но всё-таки чуть не пропустил его. Мужик ударил почти без замаха, но не правой, как ожидал барон, а левой. Если бы Вольфгер не успел в последний миг отдернуть голову, он был бы убит на месте или безнадежно искалечен, потому что удар огромного кулака пришёлся бы прямо ему в лицо. Нападающий не успел остановить руку. Его кулак врезался в бревенчатую стену рядом с ухом барона, раздался неприятный треск. Левая рука повисла. Не чувствуя ещё боли, пьяный заревел от злобы и здоровой рукой выхватил длинный нож. Держал он его умело, по-мясницки. Вольфгер вскочил из-за стола и сделал шаг влево. Драться на ножах он почти не умел, его единственным шансом было вывести из игры нападавшего, а пока его дружки будут выбираться из-за стола, выхватить меч. Поэтому Вольфгер не стал обнажать свой кинжал, а просто выжидал удобный момент, уклоняясь от ударов ножом крест-накрест, которые под одобрительные вопли собутыльников наносил нападающий. Они ещё ничего не понимали, считая, что их приятель решил малость поразвлечься. Наконец, улучив момент, Вольфгер поймал правую руку разбойника в захват. Мужик был невероятно силен, но туп, и рукопашной борьбой не владел, предпочитая просто давить силой. Некоторое время они боролись, и Вольфгеру пришлось собрать все силы, чтобы удерживать руку противника с ножом, потом он сделал подсечку. Мужик с тяжким грохотом рухнул на пол, из щелей между досками взлетели фонтанчики пыли. Внезапно он взвизгнул как боров, которого забойщик ударил спицей в сердце, и засучил ногами, подтягивая их к животу. Из-под тела показался ручеек крови. В тусклом, мерцающем свете сальных свечей кровь выглядела чёрной. Всё произошло так, как и рассчитывал Вольфгер – его противник напоролся на собственный нож. Оставались ещё трое.

Собутыльники разбойника наконец поняли, что потеха пошла как-то не так, и вскочили на ноги. Вольфгер уже ждал их с обнажённым мечом. Двое бросились на него, а один решил поймать Уту, но просчитался. Увидев приближающегося разбойника, девушка вынула руки из-под стола, сделал жест, как будто что-то стряхивает с пальцев, и прошептала заклятие. С ладоней, сложенных ковшиком, сорвался шипящий огненный шарик и ударил разбойника в грудь. Тот без единого звука рухнул на пол рядом со своим товарищем, мёртвый, как дубовая колода. Он умер мгновенно. В зале отвратительно завоняло горелым человеческим мясом.

Трактирщик тоже решил принять участие в драке, выволок из-под стойки дубинку и бросился на Вольфгера. Теперь против него сражались трое. Мечей у нападавших не было, поэтому близко к Вольфгеру они подойти не могли, но надолго его всё равно не хватило бы. Если у кого-то из нападающих окажется пистолет или они начнут швырять табуретами и лавками, то быстро сумеют сломать меч барона, и вот тогда...

Но тут ситуация стремительно изменилась. Открылась дверь за стойкой, которая, вероятно, вела не в кухню, а на конюшню, и в зал вошёл Карл. Годы, проведённые в разбойничьей шайке, не прошли для оборотня даром. В кабацкой драке он чувствовал себя легко и уверенно. Мгновенно оценив ситуацию, Карл сзади охватил левой рукой шею трактирщика, нажал правой и сломал ему шею. Бросив дёргающийся труп, он лёгким скользящим шагом метнулся на помощь своему хозяину. Два оставшихся в живых разбойника поняли, что их шансы стремительно тают: теперь против них был опытный мечник, его здоровенный слуга и магичка.

– Карл, твой правый! – крикнул Вольфгер, отгоняя широкими ударами меча своего противника от входной двери.

Карл молча кивнул. Через пару минут болезненный стон оповестил, что его нож нашёл дорожку к телу разбойника. Противник Вольфгера вздрогнул и повернул голову в сторону своего приятеля. Это его и сгубило: Вольфгер правой рукой вогнал ему в грудь пол-локтя стали, а левой ударил в бок кинжалом, ухитрившись попасть между рёбрами. Кинжал вошёл по самую гарду. Разбойник глубоко вздохнул и конвульсивно дёрнулся. На пол он упал уже мёртвым.

– Ну, вроде, всё... – сказал Вольфгер, выдёргивая оружие из тела мертвеца. – Отец Иона, никто не сбежал?

– По-моему, когда началась драка, один выскочил за дверь, – неуверенно пробормотал монах.

– А вот это очень плохо! Тогда нам нужно уходить отсюда, потому что беглец пригонит полдеревни с косами и вилами. Крестьяне не станут с нами сражаться, а просто обложат постоянный двор соломой и подожгут!

– Один ещё жив, – сказал Карл, осматривавший разбойников. – Тот, первый, которого вы накололи на его собственный нож, господин барон.

– Ну-ка, переверни его, – приказал Вольфгер, – попробуем допросить.

Но из допроса ничего не вышло. Раненый был при смерти, ничего не понимал и не мог сказать ни слова, на его губах пузырилась розовая пена.

– Добей! – приказал Вольфгер и отвернулся.

Карл одним стремительным движением перерезал раненому горло от уха до уха. Потом вытащил из-под стойки кусок дерюги и набросил на оскаленное лицо мертвеца.

– Плохо, что наши лошади не успели поесть и отдохнуть, – сказал он, – а других в конюшне нет.

– Что ж, значит, придётся им бежать натошак. Даже если их придётся загнать, другого выхода всё равно нет. Седлай лошадей, Карл, мы уезжаем сейчас же.

Оборотень кивнул и вышел.

– Надо бы поискать здесь чего-нибудь съестного, – практично сказала Ута. – Поужинать-то мы не успели, хоть что-нибудь возьмём с собой.

– Посмотри, – кивнул Вольфгер.

Ута, не обращая внимания на мертвецов, стала обходить трактир и, наконец, пригнувшись, шагнула в дверь за стойкой, откуда вскоре раздался её удивлённый крик:

– Вольфгер, иди сюда, по-моему, здесь кто-то живой!

– Кто там ещё? – недовольно спросил Вольфгер. – У нас нет времени!

– Не знаю, тут каморка вроде кладовой, а в ней человек лежит, он связан по рукам и ногам.

Вольфгер подошёл к Уте, нагнулся к дверце кладовки и выволок связанного за ноги. Судя по комплекции, это был подросток.

– Ребёнка связали! – ахнула Ута.

– Вот только ребёнка нам и не хватало! – сумрачно сказал Вольфгер. – Куда прикажешь его девать? Не бросать же здесь? А с собой этакую обузу тоже не потащишь. Кстати, а почему ребёнок с бородой?

– Развяжи его, – попросила Ута.

Вольфгер достал кинжал и срезал верёвки, кольцами упавшие на пол. Ута склонилась над пленником.

– Это не ребёнок! – удивлённо сказала она.

– А кто? – поднял брови Вольфгер. – Уродец что ли из балагана?

– Да нет, по-моему, это гном.

– Кто-о?!!

Ута нагнулась над лежащим и легонько похлопала его по щекам. Гном, находившийся до этого без сознания, открыл глаза и посмотрел на Уту. Станный у него был взгляд, нечеловеческий. Да и какой ещё может быть взгляд у существа, у которого глаза с вертикальными кошачьими зрачками? Гном был не очень похож на классического подземного жителя из сказок. Настоящему гному положено иметь чёрную густую бороду, а у этого бородка была жиденькой, да ещё русой, дважды пропущенной через золотое кольцо с выгравированными на нём рунами. Длинный, извилистый нос, маленькие, глубоко сидящие глазки, личико, похожее на луковицу... Крыса, а не гном. Правда, плечи широченные, а пальцы цепкие, ими он, наверное, мог бы вытаскивать забитые гвозди, но вот верёвки разорвать не сумел.

Человечек упёрся руками в пол, с кряхтением встал и, безошибочно признав в Вольфгере главного, почтительно поклонился ему:

– Гном Рупрехт из колена Серебряной наковальни к вашим услугам, благородный рыцарь. Я перед вами в неоплатном долгу. А также и перед вами, прекрасная фройляйн, – гном повернулся к Уте.

– Меня зовут Ута, – сказала ведьма.

– К вашим услугам, фройляйн Ута, – ещё раз поклонился гном.

Они вышли в зал и Рупрехт увидел трупы разбойников в лужах крови.

– Ого! – сказал он, – кажется, кто-то, наконец, получил по заслугам. О-о-о, и славный трактирщик, упокой господь его нечистую душу, тоже здесь. Это ваших рук дело, благородные господа? Но что я вижу? Вот этот бедняга получил в грудь удар файерболлом! Стало быть, здесь владеют магией?

– Послушай, гном, – сказал Вольфгер, – хватит болтать. Один из разбойников улизнул, и скоро здесь будет полно народу, вооружённого острыми железками. Мы уходим немедленно. Ты свободен, можешь идти, куда хочешь, но оставаться здесь не советую.

– Куда хочешь... – неожиданно помрачнел гном. – А могу я узнать, куда держат путь благородные господа?

– Вообще-то в Дрезден, – сказал Вольфгер. – Но это конечный пункт, а сейчас нам надо оказаться как можно дальше от милейших поселян. Направление особого значения не имеет.

– Если господа позволят, – нерешительно сказал гном, – я мог бы показать дорогу. Тут недалеко есть речка, через неё переброшен мост. Если бы мы смогли перебраться на другой берег, у нас бы появился неплохой шанс, знаю я там одно местечко...

– Тогда веди! – сразу же принял решение Вольфгер. – Только вот на чём ты поедешь? Лошади для тебя у нас нет, да и мал ты ростом для лошади, а пони в этих краях не найти. Осёл не может быстро бежать, что же нам с тобой делать? Отец Иона, возьмишь почтенного гнома к себе на лошадь? Он вроде не особенно тяжёлый.

– Ох, грехи наши, – закричал монах, – гореть мне в аду за это, ну, что же делать, не бросать же его?

– Спасибо, ваша святость, – вежливо поклонился гном.

Отец Иона только отмахнулся.

Из задней двери вышла Ута, волоча за собой большой мешок:

– Вот, я кое-что собрала в дорогу.

Гном хлопнул себя по лбу:

– А вещи, мои вещи! Как же это я забыл?! Ведь где-то здесь должен быть мой мешок! – и он заметался по залу, заглядывая в тёмные углы. Наконец, гном обнаружил его под стойкой и с радостным воплем вытащил на середину зала.

– Цел! Цел мой мешочек-то, даже не порывлся в нём боров-трактирщик, вот повезло! Сейчас, сейчас, ещё минутку, с позволения вашей милости!

Он развязал свой мешок, извлёк связку позвякивающих железок и опять полез под стойку. Повозился там, царапая железом по железу, и вскоре раздался щелчок и звон монет.

– Эй, почтенный, ты что там делаешь? – спросил Вольфгер.

– Ну должен же я получить хоть какую-то компенсацию за то, что почти сутки валялся связанным, как окорок, в пыльной кладовке?! – возопил гном.

– Так ты что, денежный ящик трактирщика вскрыл? – с неудовольствием спросил Вольфгер.

Гном промолчал. Он вылез из-под стойки, ссыпая монеты в кошель.

– Где-то тут у хозяина должно быть пиво для своих. Маленький такой бочоночек... О! Вот и он! Заберём?

– Сам понесёшь, – сказал Вольфгер. Вороватый гном нравился ему всё меньше и меньше.

– Кстати, а зачем это тебя связали? – поинтересовался барон.

– Ну, они думали получить за меня выкуп, – поморщился гном, – только просчитались.

Никто за меня не дал бы и пфеннига, поэтому я бы так и помер у трактирщика в кладовке.

– Но ведь гномы, как говорят, своих никогда не бросают, не так ли? – удивилась Ута.

– Своих точно не бросают, – подтвердил гном, – но я-то не свой. Меня... изгнали.

– Как изгнали? За что? – неожиданно вмешался в разговор отец Иона, у которого проснулся интерес к судьбе гнома, но тот не успел ответить, потому что в зал ввалился Карл и заявил:

– Лошади осёдланы. Если ехать, то прямо сейчас, пока совсем не стемнело.

На этом разговоры и кончились. Вскоре кавалькада выехала за ворота постоялого двора и, руководствуясь указаниями гнома, который трясся на лошади монаха, свернула налево к реке. Отряд двигался рысью, Вольфгер всё время оглядывался, опасаясь увидеть преследователей, но дорога была пуста. Впереди показалась неширокая, но быстрая река. Чёрную в сумерках воду закручивали водовороты у опор каменного моста, построенного в незапамятные времена. Перед въездом на мост стояло высокое вкопанное в землю каменное распятие, почти до перекладыны поросшее мхом.

– Сейчас из-под моста вылезет тролль и потребует плату за проезд! – заявил гном.

– Не вылезет: нечисть не может жить рядом со святым распятием, – возразил монах.

– На мост по одному! – крикнул Вольфгер, пропуская перед собой всадников маленького отряда. Когда ехавший последним Карл достиг другого берега, Вольфгер въехал на мост и оглянулся. Всё-таки их преследовали.

Из окружавших дорогу кустов вывалилось человек тридцать мужиков, вооружённых пиками, косами, вилами и прочей крестьянской утварью. Они бежали к мосту, размахивая импровизированным оружием. Вольфгер быстро переехал на другую сторону.

– На рысях от преследователей сможем уйти? – спросил он у гнома.

– Нет, – помотал тот головой, – поздно. Дальше тропинка узкая и извилистая, лошади по ней смогут пройти только гуськом и шагом, да и темнеет уже.

– Ну что ж, нет, так нет, – вздохнул Вольфгер, – тогда так. Ты, почтенный гном, показывай дорогу Уте и монаху, а мы с Карлом постараемся их задержать. Убьём на мосту двоих-троих, может, крестьяне и разбегутся. Лишь бы только у них не было аркебузов или пистолетов.

– Да какие из мужичья стрелки, ваша милость, да ещё после бега, – презрительно сказал Карл, отвязывая от седла секиру и занимая привычное место сзади-слева от хозяйского коня.

– Стойте! – хрипло крикнул отец Иона, – похоже, никому никуда идти не придётся, смотрите, что это?!!

Вольфгер, возившийся с ремешками лат, поднял голову, взглянул на другой берег и окаменел. Под древним распятием за клубился туман, и из земли стала подниматься невыразимо жуткая фигура, закутанная в серый саван. Вольфгер поблагодарил провидение, что фигура стоит к ним спиной, и он не видит её лица. Достигнув высоты десяти локтей, фигура протянула руку из-под савана, которая состояла из невесть как скреплённых костей. В руке скелета возникла коса на длинной рукояти.

– Смерть, это сама смерть... Боже, спаси и сохрани нас, грешных! – прохрипел монах, опускаясь на колени. Гном упал ничком, а Ута закрыла лицо руками. Кот, который крутился под ногами путников, раздулся как шар и злобно зашипел. Только Вольфгер и Карл остались на ногах.

Чудовищное порождение небытия неожиданно и резко взмахнуло косой. Воздух взвыл, а трава по ходу косы покрылась инеем. Преследователи увидели, что неожиданно столкнулись с новым, куда более страшным противником, чем беглецы. Раздался вой ужаса, люди, с трудом остановившись, топтались на месте и отталкивали друг друга, пытаясь развернуться и броситься наутёк.

Смерть выплыла из-под креста и, мерно взмахивая косой, поплыла им навстречу, оставляя за собой полосу вымороженной земли.

– Что же это такое, помилуй нас господи?! – взвизгнул монах.

– Какая разница?! – заорал Вольфгер. – Пока оно на нашей стороне, бежим! Вдруг оно передумает и решит погоняться за нами! Гном, скорее показывай дорогу!

– Оно не вернётся, – тихо сказал монах. – Неужели ты не понял? Это сатана помогает нам, и вот, мы приняли его помощь...

– Да ну тебя! – отмахнулся Вольфгер. – Каркаешь, как не знаю кто!

Монах вздохнул и промолчал.

Поминутно оглядываясь, они въехали в лес, начинавшийся прямо за рекой, и примерно через полколокола блужданий по запутанным тропинкам выехали на поляну. На поляне стоял дом, пятно мрака на фоне серого неба. Вольфгер остановили коня.

– Этот дом у местных крестьян считается ну... как бы проклятым, – пояснил Рупрехт. – Они его боятся и стараются не походить близко.

– А кто и почему проклял дом? – спросил монах.

– Не знаю, – пожал плечами гном. – Да и какая нам разница? Главное, что в нём нас никто не потревожит. Небо хмурится, ночью будет дождь, не мокнуть же нам в лесу!

– Я чувствую, что поблизости нет никого живого, – вмешался Карл, – ну, кроме нас, разумеется.

– И неживого тоже, – добавила Ута.

Гном внимательно посмотрел на девушку, но промолчал. Они спешили и подошли к распахнутым дверям. Одна створка была сорвана с петель и валялась на земле, вокруг неё выросла трава, а вторая болталась под вечерним ветром, издавая резкий и противный скрип.

Вольфгер поёжился.

– А куда мы денем лошадей? – спросил он.

– Двери широкие, загоним их в одно крыло дома, а сами займём другое, – ответил гном, оставаясь, однако, перед входом.

Об ноги Вольфгера толкнулось что-то мягкое. Он посмотрел вниз и увидел, что Кот, задрав хвост, вошёл в страшный, пустой дом.

– Пошли, – сказал барон. – Лошади направо, люди налево, найдём комнату, которая лучше сохранилась, в ней и заночуем.

– Постойте, – остановил его Карл. – Там же темно, не стоит тыкаться на ощупь, давайте, господин барон, я сделаю пару факелов.

– Я могу зажечь магический фонарик, – тихо сказала Ута. – Только ненадолго, это колдовство быстро высасывает силы.

Они вошли в дом и двинулись по анфиладе комнат на первом этаже. Как ни странно, дом не разграбили, видно, крестьяне действительно боялись к нему приближаться. Сгнившая мебель, истлевшие занавеси и ковры, писк потревоженных крыс, запах тлена, пыли и сырости... Лучшее всего сохранилась кухня с каменным полом и громадным очагом в углу. Гном, заявив, что ему чужды людские страхи, ушёл обратно в комнаты, приволок груды мебели и разломал, вздымая облака пыли. Вскоре в очаге запылал огонь. Труба сначала сильно дымила, видно, дымоход был забит мусором, но вскоре её протянуло, на дрова упала пара обугленных птичьих гнёзд, и огонь набрал силу.

Пришёл Карл, устроивший лошадей на ночлег. Ута сразу же дала ему котелок и отправила за водой для ужина. Рупрехт заявил, что поскольку прекрасно видит в темноте, должен обследовать дом, и ушёл.

«Вор есть вор, – неприязненно подумал Вольфгер. – Обязательно ему нужно дом обшарить, вдруг найдёт что-нибудь ценное? Интересно, за что его из гномьих поселений выгнали?» Он знал, что гномы, как пчёлы или муравьи, живут только колониями. Смертной казни у гно-

мов не существовало, преступника просто изгоняли из сообщества, обрекая, тем самым на смерть.

«Потом расспрошу гнома как следует, – сонно подумал Вольфгер, сидя в углу кухни и глядя, как Ута хлопочет у очага. – Нехорошо так сидеть, надо бы ей помочь», подумал он и тут же задремал. Разбудил его пришедший на кухню Карл.

Сидеть на полу никому не хотелось, поэтому гном натаскал стульев, которые ещё могли выдержать вес людей. Стол выдвинули на середину кухни, и гном торжественно водрузил на него бочонок из трактира. Пиво действительно оказалось отменным, и бочонок вскоре изрядно полегчал. Неожиданно на стол вспрыгнул Кот и, глядя на Уту, требовательно мяукнул. Ута протянула ему кусочек бекона. Кот обнюхал его, поскрёб лапой по столешнице, как бы закапывая невкусное, и опять мяукнул.

– Да твой зверь пива хочет! – засмеялся Рупрехт. Он нашёл подходящую плошку, ополоснул её, плеснул пива из бочонка и поставил перед Котом. Тот лёг, обернув лапы хвостом, и начал шумно лакать.

– Вот! – горько сказала Ута. – Свяжешься с мужчинами, так даже кота споят!

Все засмеялись.

– Интересно, – сказал отец Иона, – а всё-таки, что такого могло случиться в этом доме, что крестьяне его стараются обходить стороной?

Ута прислушалась к себе, помолчала. Потом, переглянувшись с котом, ответила:

– В этом доме был убит человек. Нет... Даже двое. Мужчина убил женщину, а потом покончил с собой. Очень давно. И их тела долго оставались не погребёнными, а в таких случаях бывает всякое. Вот что. В эту ночь кто-то обязательно должен не спать. И в полночь дежурить будем мы с Котом.

– А лошади? – спросил Карл. – Может, мне пойти спать к лошадям?

– Лошади в безопасности, – ответила Ута. – Нечисть боится лошадиного духа, а людей я постараюсь защитить. Когда вы уляжетесь, я нанесу под окном и дверью защитные руны. Но до восхода солнца никто не должен выходить из комнаты, так что если кому надо во двор, идите сейчас!

Огонь в очаге способен сделать уютным даже самое неприглядное помещение, вот и здесь ободранные стены с пятнами плесени скрыла тень, а в круге света остался стол и лица сидящих за ним людей. Кот забрался на колени к Уте, потоптался, свернулся клубком и сонно замурлыкал.

– Скажи, почтенный гном, а как всё-таки получилось, что ты оказался связанным в кладовке придорожного трактира? – просил Вольфгер.

– Это долгая и не очень-то весёлая история, – проворчал гном. – Но поскольку я обязан вам жизнью, и нам предстоит ещё долго путешествовать вместе, мне, наверное, стоит всё рассказать.

– Если не хочешь, – возразил Вольфгер, – тебя никто не заставляет. Молчать твоё право.

– Да нет, – отмахнулся гном, – ничего недостойного или постыдного в моём рассказе нет, мне скрывать нечего, хотя, конечно, радости эти воспоминания не доставляют.

Он помолчал, водя пальцем по лужице пива, натёкшей из-под крана бочонка, потом вздохнул и сказал:

– Дело в том, судари мои, что я философ.

– Вот как, – поразился Вольфгер, – философ?! И какой же, позволь узнать, философской школы ты придерживаешься? Аристотеля? А может, киников?

– Ты не понял, – мягко прервала барона Ута. – Почтенный гном имел в виду, что он занимался поисками философского камня. Не так ли? – спросила она, повернувшись к гному.

– Ты совершенно права, госпожа! – надулся гном. – И я не какой-нибудь там суфлёр²⁷! Я философ!

– А-а-а, – протянул Вольфгер, – так ты искал способ получить искусственное золото... Понятно.

– Ну да, благородный господин, и золото, – сварливо сказал Рупрехт. – Потому что без золота ещё никто жить не научился. Но золото не главное, золото можно заработать по-разному. А вот философский камень совсем другое дело!

Маленькие глазки гнома разгорелись, он говорил во весь голос, ёрзая на своём месте.

– Великий Творец создал мир из чистых первоначальных элементов, но потом дьявол отравил их. Благородные металлы превратились в обычные, неблагородные, то же произошло и с другими элементами. В мир пришли болезни и смерть. Если бы удалось найти философский камень, можно было бы попробовать провести великое делание, выполнить обратную трансмутацию, получить из отравленного свинца чистое золото. Это свидетельствовало бы о том, что найден истинный философский камень, понимаете? И тогда из мира удалось бы изгнать болезни и смерть, вот моя истинная цель! Не для себя, для всего живущего!

– Вот оно что... Желая изгнать из мира смерть, ты, гном, взялся спорить с самим господом, – задумчиво сказал отец Иона. – Но ведь смерть есть неотъемлемая часть жизни.

– Это почему?! – взвился гном.

– А потому. Подумай сам. Сила жизни в обновлении. Никто из живущих не жаждет смерти, это так. Смерть – зло для человека, но добро для универсума, хотя церковь и учит нас иначе. Вот ты бы хотел жить вечно, скажи, Рупрехт?

– Да, хотел бы! – с вызовом ответил гном.

– А зачем? – печально спросил монах. – Ты знаком с нашим Священным писанием? Легенду о вечном жиде слышал? Для него вечная жизнь стала наказанием, а не благом.

– Знаешь, Рупрехт, а ведь монах прав! – сказал Вольфгер. – Я помню своего деда, он доживал свой век, забытый и никому не нужный. Дед говорил мне, что не понимает и не принимает мир, окружавший его в последние годы. Тогда я не понимал его, я был глупым мальчишкой, а вот сейчас... Сейчас – другое дело. Но не будем на ночь глядя устраивать философский диспут о природе жизни и смерти. Итак, значит, ты искал философский камень?

– Ну да, искал, – кивнул Рупрехт, при этом его длинный нос печально качнулся, а вместе с ним по стене метнулась карикатурно длинная тень. – Но вы же понимаете, что алхимические опыты очень трудны, их нужно проводить в строго определённое время, сверяясь с положением звёзд, Луны и других планет, а под землёй это сделать затруднительно. Кроме того, гномы живут по строго установленному распорядку, от которого не отступают веками, и мой образ жизни был им хм... непонятен. Мне приходилось участвовать в общих работах и как-то оправдывать недостаточное усердие всякими улучшениями и изобретениями. Скажу, не хвастаясь, кое-чего мне удалось добиться. Старейшие разрешили мне даже оборудовать лабораторию и работать в ней, а не в шахтах и плавильнях, как все.

Однажды мне удалось открыть субстанцию, способную взрывать скалы. Это сильно облегчало работу рудокопов, ведь теперь им не нужно было долбить скалы, достаточно было только бурить шурфы, крепить своды и оттаскивать взорванную породу. Всё шло хорошо, но однажды я ошибся в расчётах и изготовил слишком сильную взрывчатку. Шахту завалило, погибло несколько гномов. И вот, меня обвинили в их смерти и изгнали навечно. Они думали, что я умру под запертыми каменными дверями твердыни гномов! А я выжил! Правда, чего это мне стоило...

---

²⁷ Суфлёр (от фр. «Souffle» – дуть, раздувать). Так называли подмастерьев алхимиков, раздувавших меха алхимических горнов, не понимая сути опытов своих хозяев, в переносном смысле – шарлатан.

Сначала я пошёл к людям и попробовал устроиться кузнецом. Но в каждой деревне был свой кузнец, глупый, неумелый, но был! И меня прогоняли! Батрак из меня тоже никакой, так что пришлось выучиться играть в кости, которые я сделал на потеху, и зарабатывать по придорожным кабакам. Однажды я заметил, что кости в трактире, шулерские. Я вытащил свои и предложил сыграть ими. Тогда трактирщик закричал, что я вор, и своими бесовскими костями обманываю честных людей. Ну, меня и схватили...

– А твои кости и вправду были честными? – усмехнулся Карл.

– Конечно, нет! – обиделся гном. – Должен же я был как-то зарабатывать себе на жизнь! Но мои были сделаны куда лучше!

– В общем, вор у вора дубинку украл, – засмеялся Вольфгер.

Гном потупился.

– И что ты собираешься делать дальше? – спросил барон.

– Не знаю, – печально вздохнул Рупрехт. – Я так обрадовался, встретив вас... Но если я лишний...

– Да нет, ты не лишний, можешь путешествовать с нами, если хочешь, – ответил Вольфгер, – но мы едем в Дрезден, а туда, сам понимаешь, гномам хода нет. Тебя схватят прямо у ворот и прямым ходом отправят на костёр. Мы же не можем спрятать тебя в мешок и отнести на постоялый двор!

– Если дело только в этом, – повеселел Рупрехт, – то я найду, где спрятаться и дождаться вас. Не навсегда же вы едете в Дрезден?

– Не навсегда, – подтвердил Вольфгер. – Но сколько мы пробудем в городе, не знаю.

– А потом? – спросил гном.

– А потом я собираюсь вернуться в свой замок, и ты можешь поехать со мной, считай, что получил официальное приглашение от барона Вольфгера фон Экк.

Гном встал и церемонно раскланялся.

– Я принимаю ваше милостивое предложение, фрайхерр Вольфгер, клянусь, вы не пожалеете о нём.

– Ну что ж, одной проблемой меньше, – сказал Вольфгер. – Время уже позднее, давайте спать. Я дежурю первым, ты, Ута, второй, а Карл, получается, будет сторожить под утро. Согласны?

Все выразили согласие и стали устраивать себе места для сна, только Ута достала из своего мешка уголёк и кусочек мела и стала рисовать руны под окном, тихонько приговаривая и напевая. Окончив работу, она перешла к двери, затем вышла на середину комнаты, негромко хлопнула в ладоши и прочитала заклятье. Под окном и на дверном пороге высветились и погасли синие линии.

– Всё, комната запечатана, – сказала она. – Заклятье должно защитить нас, если, конечно, тут не обитает что-то очень уж сильное и злое. Но я бы почувствовала...

– Спи, – сказал Вольфгер, – до полуночи не так уж далеко, я посторожу пока.

Глава 5

19 октября 1524 г.

День св. Альтина, св. Аквилина, св. Бероника, св. Вара, св. Верана Кавальонского, св. Десидерия, св. Иднота, св. Иоанна Рильского, св. Итбина, св. Истерия, св. Клеопатры, св. Лауры, св. Люпуса Суассонского, св. Теофрида, св. Фрайдесвайды.

На рассвете Вольфгера разбудил слитный шорох осеннего дождя. Струйки воды, падающие с крыши, разбивались о карнизы окон с давным-давно выбитыми стёклами и затекали на пол. Лужа потихоньку расползлась по кухне. По-детски оттягивая миг, когда нужно было выбираться из-под нагретого за ночь плаща, он огляделся. На первый взгляд, всё было в порядке. Ута спала, на груди у неё лежал Кот. Увидев, что Вольфгер проснулся, он потянулся, задрав хвост, и беззвучно мяукнув, мол, «пост сдал», отправился в коридор ловить себе завтрак. Монах и гном тоже спали. Карл сидел, привалившись спиной к остывшему очагу. Увидев, что барон проснулся, он поднял руку, приветствуя его. На немой вопрос Вольфгера Карл знаком показал, что ночь прошла спокойно.

Барон, стараясь не шуметь, встал и вышел из комнаты. Он подошёл к входной двери и выглянул наружу. За ночь дождь превратился в самый настоящий осенний ливень – холодный, нудный и долгий, как сама осень. Серые, как мокрое бельё, облака повисли на верхушках елей и отжимались водяной пылью. По желтеющей траве бежали мутные ручейки, кругом стояли лужи, глинистая тропинка, ведущая к дому, совсем раскисла. Ехать в такую погоду было совершенно невозможно, тогда как старый дом давал хоть какое-то укрытие. Вольфгер вздохнул. Путешествие, которое поначалу казалось короткой прогулкой, затягивалось.

«Где бы дров для очага набрать? – подумал барон. – Мебель, наверное, уже вчера всю сожгли, а лес настолько вымок, что дрова не просушишь».

Он вернулся в комнату и увидел, что Ута проснулась. Выглядела она неважно: казалась постаревшей и подурневшей, под глазами залегли тени.

– Как прошла ночь, фройляйн? – с улыбкой спросил он.

– Плохо, – не приняв его тон, ответила Ута. – Хорошо, что я поставила защиту. Ночью *оно* приходило, но не смогло преодолеть магическую черту.

– Как приходило? Когда приходило? Что приходило? – вскинулся Карл. – Я ничего не видел!

– Ты и не мог видеть, и господин барон – тоже. Разве что монах... Но он спал сном младенца. Это было м-м-м... астральное существо. Очень недоброе. Но, к счастью, не очень сильное. Надо бы нам осмотреть дом, может, найдём его укryвище и попробуем уничтожить.

– Обязательно сходим, – ответил Вольфгер, – но сначала надо позавтракать. Только ума не приложу, где бы взять дрова для очага, не на чем еду приготовить.

– Дрова обычно добывают в лесу, – непочтительно подсказал гном.

– Ты в окно посмотри, философ, глянь, как льёт, – усмехнулся Карл. – Всё настолько мокрое, что гореть не будет, только от дыма угорим.

– Не забывайте, что с вами гном! – хвастливо сказал Рупрехт. – Не может такого быть, чтобы гном не смог добыть огонь! Ну, а в крайнем случае, несколько крупинок моего взрывательного порошка...

– И дом взлетит на воздух, как гномья шахта! – серьёзно закончила Ута.

Гном надулся, но спорить с девушкой не стал. Выпросив у Карла секиру, Рупрехт накинул на голову плащ и отправился за дровами. Вольфгер и Ута пошли осматривать дом. При свете дня он выглядел не таким мрачным и оказался не очень большим. В левом крыле первого этажа, которое заканчивалось кухней, ничего интересного не обнаружилось. Анфилада

грязных, пустых комнат с осыпавшейся штукатуркой привела их к главному входу. В первой комнате правого крыла стояли лошади, а дальше хода не было – рухнул потолок второго этажа.

На второй этаж вела широкая кирпичная лестница. Деревянные перила давно исчезли, остались только каменные столбики. Осторожно, пробуя ногой ступеньки и ожидая каждую минуту, что старый кирпич начнёт осыпаться под ногами, Вольфгер стал подниматься. Ута шла за ним, отстав на несколько шагов.

– Посмотри, на стене герб, интересно, кому он принадлежал? – спросила девушка.

Вольфгер поднял над головой факел и долго рассматривал лепнину.

– Ничего не могу разобрать, слишком всё старое, большая часть рисунка осыпалась, – с сожалением сказал он. – Начнём осмотр с левого крыла?

– Ну да, в правом пол провалился, ты же видел, – ответила Ута. – Там всё равно не пройти, пойдём налево, только осторожно, не хватало ещё провалиться на первый этаж.

– Пожалуй, я пойду первым, – сказал Вольфгер, – я тяжелее тебя, ну, и вообще... Кстати, что будем искать?

– Не знаю, просто иди и внимательно смотри по сторонам, – ответила Ута. – Если я что-то почувствую, скажу.

Комнаты на втором этаже сохранились куда хуже, чем на первом. Крыша во многих местах протекла, а кое-где обвалилась, на полу стояли лужи, всё заросло мхом и плесенью, из занесённых ветром семян выросли целые кусты. Когда-то, много лет назад, дом был богатым и нарядным, в его убранстве чувствовалась женская рука, но сейчас сгнившие вещи вызвали мысли о заброшенном кладбище.

Мужская гостиная, библиотека, женская гостиная, спальня, комнатка для прислуги...

Они прошли почти всё крыло и оказались над кухней. Вдруг Ута остановилась и негромко сказала:

– Кажется, это здесь.

Вольфгер машинально положил руку на эфес меча и осмотрелся. В небольшом зале не было ничего особенного, разве что он был не проходной. Единственное окно закрывали чудом уцелевшие ставни, отчего в зале царил полумрак. Вольфгер подошёл к окну, толкнул ставень, и он с треском отвалился, упав наружу.

– Эй, что у вас там? – крикнул снизу Карл.

– Да всё в порядке, – откликнулся Вольфгер, – ставень оторвался.

– Не надо здесь шуметь, прошу тебя – поморщилась Ута, – *это* живёт здесь. Днём у него совсем нет силы, но лучше всё-таки его не тревожить, кто знает, что может случиться?

– А всё-таки, что здесь произошло, как ты думаешь? – с любопытством спросил Вольфгер.

При свете пусть тусклого, серого и дождливого, но всё-таки дня, страхи Уты казались ему надуманными.

– Это было слишком давно, – ответила ведьма, прикрыв глаза и приложив указательные пальцы к вискам, – я мало что могу сказать. Кажется, именно здесь мужчина убил женщину, а потом, спустя какое-то время, на этом же месте покончил с собой, повесился. Вон, видишь обрывок верёвки на крюке?

– Может быть, когда будем уходить, правильно будет сжечь этот дом, и тогда зло рассеется? – спросил Вольфгер.

– Оно не рассеется, – отрицательно покачала головой девушка. – Да и вообще, в таких случаях лучше не трогать обиталище зла, сейчас оно, по крайней мере, привязано к дому и не блуждает по миру, неприкаянное и озлобленное. Я думала, что смогу покончить с ним, но...

– Что там такое? – спросил Вольфгер, указывая на маленькое цветное пятно в углу.

Ута подошла и взгляделась, не дотрагиваясь ни до чего руками.

– Икона, – сказала она, – Святое семейство. Ты можешь взять её, если хочешь, иконы неподвластны тому злу, что поселилось здесь. Странно, взгляни: Святой младенец как будто плачет кровью... Никогда такой иконы не видела. Что бы она могла означать? Впрочем, я не сильна в иконописи.

– Не надо иконе здесь оставаться, – решил Вольфгер, – я возьму её и отдам монаху. Он наверняка знает, как с ней поступить.

Вольфгер неумело перекрестился, снял со стены образок и положил в сумку.

Под иконой висели парные портреты – мужчина и молодая женщина. Оба были в богатой и старинной одежде, в завитых париках. Вольфгеру показалось, что курносая, голубоглазая женщина смотрит с холста чопорно и презрительно, а мужчина выглядит грустным и усталым.

– Это они? – тихо спросил Вольфгер.

– Да, – ответила Ута.

– Странно, всё вокруг сгнило, а портреты как будто вчера вышли из-под кисти художника, – удивлённо сказал Вольфгер, разглядывая картины.

– Не трогай их! – поспешно сказала Ута. – Их неестественная сохранность не к добру.

– Не буду, не волнуйся, но посмотреть-то ведь можно? Какие странные и неприятные лица, взгляни.

– Не хочу, – отказалась Ута, – тем более что хозяйку дома я уже видела ночью. Ну, точнее, её призрак. Что-то больше не хочется.

– Вот как? – нахмурился Вольфгер. – Тогда это воистину злое место, пойдём отсюда.

Кроме иконы и портретов, больше ничего примечательного в зале не было.

– Плохо, что эта комната расположена над кухней, – сказала Ута. – Ночью *оно* придёт к нам снова.

– Может быть, дождь прекратится, и тогда мы сможем уехать, – с надеждой предположил Вольфгер.

– Хорошо бы, – кивнула Ута, – вторая ночь в этом доме может оказаться похуже первой. Теперь *оно* знает нашу защиту и постарается её обойти.

Они спустились вниз, и Вольфгер, подойдя к монаху, протянул ему икону:

– Вот, нашли наверху, я решил забрать, не висеть же ей в пустом доме.

Монах перекрестился, взял икону, всмотрелся в неё и побледнел.

– И здесь... – сказал он.

– Что – «и здесь»? – спросила Ута.

– Ничего, фройляйн, ничего... – ответил отец Иона, убирая икону в свой мешок. – Так...

Ута недовольно посмотрела на Вольфгера, но тот промолчал. Раз монах не хочет объяснять смысл кровавых слез на иконе, пусть так и будет.

Неожиданно на кухню ввалился гном. С его плаща лило, никаких дров при нём не наблюдалось.

– Ну, и где же дрова, ваше гномство? – насмешливо спросил Карл.

– В лесу кто-то кричал! – невпопад ответил гном. – Надо сходить, посмотреть!

– Кто кричал? – спросил Вольфгер.

– Откуда я знаю? Голос вроде женский или детский, – ответил гном. – В лесу вообще нелегко понять, кто кричит и откуда. Сначала что-то затрещало, как будто дерево рухнуло, а потом я услышал крик. Кажется, человека придавило.

– Может, это морок? – не обращая ни к кому конкретно, спросила Ута. – Место здесь нехорошее, всякое может быть.

– Надо взять лошадей и посмотреть! – настаивал гном. – Мало ли...

– Промокнем ведь до костей, – с неудовольствием сказал Вольфгер. – Да и как мы будем искать это упавшее дерево? Ты хоть направление запомнил, Рупрехт?

– Вроде запомнил! – неуверенно ответил гном.

– В лесу звуки коварны, – покачал головой Карл. – Они могут отражаться от деревьев, и тогда вообще не поймёшь, где кричали.

– Если никто не хочет идти со мной, я пойду один! – упрямо сказал гном.

Вольфгер вздохнул.

– Видно, делать нечего, придётся ехать, да и лошади, наверное, застоялись. Вперёд, господа мои, нас ждёт приятная прогулка! Ута, останься с монахом, тебе-то зачем мокнуть?

Когда они вывели лошадей из дома, дождь немного утих. Лошади прядали ушами и недобровольно фыркали. Вольфгер и Карл сели в седла, оборотень посадил перед собой гнома.

– Ну, куда ехать? – спросил барон.

– Я шёл по тропинке, – пояснил гном, – вон туда, отошёл недалеко, а кричали, по-моему, вон оттуда.

Ехать было трудно, густой подлесок и бурелом мешали свернуть с тропы. Несколько раз Карлу приходилось прорубать дорогу секирой.

Мокрое и скользкое дерево рубилось плохо, секира отскакивала, один раз гном чуть не получил обухом по лбу, после чего предпочёл слезть с лошади и идти пешком.

С полчаса они блуждали по лесу, гном иногда кричал, но крик вяз в сыром воздухе и оставался без ответа. Всадники насквозь промокли, проголодались и уже собирались прекратить поиски и возвращаться в дом, как вдруг Карл сказал:

– Вон там, в кроне деревьев, как бы просека, видите? Дерево упало и переломало ветки вокруг, наверное, это там.

– Едем! – решил Вольфгер. – Если и там никого не найдём, возвращаемся.

Но они нашли того, кто кричал, сразу, как только подъехали к рухнувшему дереву. Человек лежал лицом вниз, придавленный к земле.

– Да он хоть жив? – спросил оборотень, спрыгивая с лошади.

– Карл, давай попробуем приподнять ствол, а ты, Рупрехт, вытаскивай человека. Сможешь?

– Пойдите, пойдите, вовсе не надо поднимать ствол, да это вам и не по силам, – сказал гном. – Смотрите, кому-то здорово повезло: его не придавило стволом, а только прижало толстыми ветками. Если ты, Карл, обрубешь их секирой, мы сумеем освободить пленника и так.

Карл кивнул, отстегнул от седла секиру и несколькими сильными ударами обрубил ветки, прижимающие человека к земле. Вольфгер и гном наклонились над пленником дерева и за ноги вытянули его из-под ствола. Тот не шевелился, видимо был без сознания. Спасённый был невысокого роста и хрупкого телосложения, одет в совсем новую, добротную и дорогую одежду – кафтан, штаны в обтяжку и сафьяновые сапоги. Вольфгер осторожно взял его за плечи и, придерживая голову, перевернул на спину. Из-под упавшей шапочки хлынула волна длинных, блестящих, иссиня-чёрных волос. Это была девушка! Барон долго молча смотрел ей в лицо. Матовая кожа, нос с высокой переносицей, странный разрез закрытых глаз, чувственные губы. Сердце тяжело стукнуло. Перед ним лежал овеществлённый плод его детских грёз, ундина из озера.

– Клянусь бородой первого гнома, да ведь это эльфийка! – удивлённо сказал гном. – Странно, откуда она здесь? Господин барон, гляньте, а она жива?

Вольфгер нагнулся и положил руку на шею незнакомки. Кожа была тёплой, под пальцами билась жилка.

– Жива... – выдохнул он. – Надо перенести её в дом.

Карл бродил вокруг дерева, пытаясь разобрать следы.

– Странно, – сказал он, – не могу понять, как она сюда попала. Вокруг упавшего дерева следы есть, а следов, ведущих к дереву, нет. Не с неба же она свалилась!

– Может, следы смыло дождём? – предположил Вольфгер.

– Одни смыло, а другие нет? Так не бывает, – возразил Карл. – И вещей с ней никаких нет, только мешочек у пояса. И потом, где её лошадь? Не пешком же она пришла в эту глухомань? Ничего не понимаю.

– Ладно, потом разберёмся, – махнул рукой Вольфгер. – Понесём её на руках или положим на лошадь?

– Я на руках донесу, – ответил Карл. – Здесь недалеко, а девчонка, видно, не из тяжёлых. Позвольте, ваша милость, – и Карл взял девушку на руки.

Вольфгер с удивлением ощутил укол ревности. Ему было неприятно, что чьи-то руки дотрагивались до тела незнакомки.

* * *

Когда они, промокшие до нитки, вернулись в дом, на кухне уже было тепло и уютно – за дровами ходил отец Иона, а кресало, чтобы разжечь огонь, он позаимствовал в мешке гнома. Сырые дрова шипели и дымили, но всё равно, заброшенная кухня чужого дома уже казалась обжитой и родной. Такова магия огня.

– Кого это вы принесли? – спросил монах, с любопытством заглядывая в лицо девушки.

– Да вот, в лесу нашли, её деревом придавило, – объяснил Вольфгер. – Ран вроде нет, а в себя она почему-то не приходит. Ута, посмотри, а?

Ута подошла, заглянула девушке в лицо и поджала губы:

– Вы нашли и принесли в дом эльфийку, – неприязненно сказала она.

– Да, Рупрехт тоже сразу сказал, что она принадлежит к народу эльфов, – удивился враждебности Уты Вольфгер, – ну и что?

– Ровным счётом ничего, – сухо ответила Ута. – Кладите её на мою постель и подождите в соседней комнате, я её раздену и осмотрю.

Мужчины вышли.

– И всё-таки интересно, откуда здесь появилась эльфийка? – задумчиво сказал Рупрехт. – Я слышал, что эльфы давно уже ушли из этого плана бытия, гномы не встречались с ними давным-давно, я, например, читал про эльфов только в старых летописях.

– Знаешь, я про гномов тоже только в сказках слышал, – усмехнулся Вольфгер, – а ты вот он. Что-то в мире происходит, что-то сдвинулось. С начала путешествия мы уже встретили лесного гоблина, ведьму, гнома, теперь вот эльфийку.

– А кто ведьма? – немедленно заинтересовался Рупрехт.

– Ута, – коротко ответил Вольфгер.

– А гoblin где? – не отставал гном.

– Ты что, думаешь, я его в мешок посадил и с собой взял? – начал сердиться Вольфгер. – Поговорили и разошлись.

– А какой он, лесной гoblin?

– На тебя похож, такое же маленькое чудовище, – не удержался и съязвил монах.

– Ну, люди по гномьим меркам тоже не красавцы, – необидчиво ответил Рупрехт. – Но господин барон совершенно прав. Что-то в этом мире серьёзно меняется, если нечеловеческие существа полезли из своих тайных убежищ...

Гном схватился за бороду и в задумчивости довольно сильно дёрнул себя за волосы.

– Смотри, оторвёшь, потом не вырастет, – предупредил Карл.

– А у тебя дёргай не дёргай – и так ничего не растёт! – окрысился гном.

– Да перестаньте вы! – прикрикнул Вольфгер. – Дела-то серьёзные... – Скажи, Рупрехт, а вот вы, гномы, в последнее время не ощущали ничего странного?

– Да вроде нет... – пожал плечами гном, – всё как прежде. В большом мире ведь постоянно что-то происходит, но истолковать это по звёздам затруднительно. Собственно говоря, что вы понимаете под странным, ваша милость?

– Да как бы сказать... – замялся Вольфгер. – Ну... Некоторые религиозные вопросы стали решаться несколько иначе.

– Тут я ничего сказать не могу! – развёл руками гном. – Человеческая религия гномам непонятна и чужда.

– Мужчины, можете заходить! – позвала Ута.

Эльфийка лежала на постели Уты, укрытая плащом. Её собственная одежда сушилась у очага, исходя паром. Девушка то ли спала, то ли была без сознания. Дышала она спокойно и глубоко. В её ногах развалился Кот и, жмурясь, поглядывал на Вольфгера.

– Что с ней? – спросил Вольфгер. – В себя она так и не пришла?

– Нет, не пришла, – ответила Ута. – Не знаю я, что с ней. Я её осмотрела, видимых повреждений нет, то есть буквально ни царапины. Насколько могу судить, кости тоже целы, что, между прочим, воистину удивительно, если, как вы говорите, её придавило деревом. Не представляю, как её лечить, потому что это вообще первая эльфийка, которую я вижу в своей жизни. Нам остаётся только ждать, пусть спит. Кто их, эльфов, знает?

– Ну что ж, делать нечего, видно, придётся ещё одну ночь здесь провести, – развёл руками Вольфгер, направляясь к своему импровизированному ложу.

Ута устроилась у изголовья спящей девушки, взяв на колени Кота, а Рупрехт и Карл затеяли игру в кости. Гном было достал стаканчик, но Карл улыбнулся, порылся в своём мешке и достал ещё один.

– Так, пожалуй, будет вернее, – сказал он.

Вскоре игроки яростно гремели костями и азартно переругивались. Выяснилось, что Рупрехт считал честную игру глупостью и пытался плутовать, но неизменно попадался. Карл превзошёл все хитрости профессиональных игроков и каждый раз прихватывал гнома на горячем. Рупрехт не знал, то ли смеяться, то ли злиться, но выиграть ему удалось всего несколько пфеннигов.

Отец Иона подошёл к окну, из которого тянуло лесной сыростью:

– Как льёт, как льёт... Как будто всемирный потоп начался. И ни единого просвета в небе!

– Да, не везёт нам, – сказал Карл. – Здесь и так полно болот, а если речки выйдут из берегов, вообще не проедем, пока землю заморозками не прихватит. Эй, эй, приятель, ты что делаешь? Я всё вижу! Так не пойдёт, бросай по новой!

Рупрехт радостно захихикал:

– Я выиграл!

Карл только собрался отвесить жуликоватому гному затрещину, как вдруг рука его повисла в воздухе: эльфийка очнулась и певучим контральто, очень чётко и правильно выговаривая слова, произнесла:

– Кто вы? Где я?

– Как ты себя чувствуешь, госпожа? – вскочил Вольфгер. – Ты так долго была без сознания, что мы волновались за тебя.

– Мы! – фыркнула Ута.

– Без сознания? – удивилась эльфийка. – Нет, так не бывает, я спала. Эльфы э-э-э... располагают умением врачевать свои раны во сне, поэтому я ввела себя в сон.

Она говорила по-немецки правильно и чётко, но иногда странно строила фразы.

– Ввела себя в сон? – удивился гном. – Прямо под дождём?

– Ну да, – кивнула та. – Когда я увидела, что на меня валится дерево, я успела использовать заклятие, поэтому ветки изогнулись и не попали в меня. Но я всё же попала в их плен,

а когда падала, сильно ушиблась. Пришлось излечиваться. Это не странно или необычно. Но кто есть вы? И мне не было отвечено, где я?

– Я барон Вольфгер фон Экк, – представился Вольфгер, – а это мои спутники: госпожа Ута, святой отец Иона, мой слуга Карл и гном Рупрехт из колена Серебряного горна.

– Серебряной наковальни! – сварливо поправил Рупрехт.

– Извини, почтенный, я ошибся. Рупрехт из колена Серебряной наковальни.

– Так вы... не эльфы? – спросила девушка, и глаза её расширились. – Впрочем, я должна была сама понять этот факт. Ваша одежда...

– Да, мы, кроме почтенного гнома, – люди, – ответил Вольфгер. – Скажи, госпожа, как ты себя чувствуешь? На тебя упало такое большое дерево...

– Меня зовут Алаэтэль, – представилась девушка, – а чувствую я себя хорошо. Я хотела бы вернуть свою одежду.

– Твоя одежда ещё не просохла, – сказала Ута. – Полежи ещё немного, мокрую одежду всё равно не отчистишь.

– Пусть так, – вздохнула эльфийка и натянула плащ до самого подбородка. – Но я всё равно не понимаю, где я, и как сюда попала...

– Как ты сюда попала, госпожа Алаэтэль, мы тоже не знаем, – сказал Вольфгер, – а вот на вопрос «где» я ответить могу. Мы находимся в лесу, в заброшенном доме, примерно в трёх днях пути до Дрездена.

– Дрезден? Что это? – спросила эльфийка.

«Головой она ударилась, что ли?» – удивлённо подумал Вольфгер и объяснил:

– Дрезден – это город, столица Саксонского курфюршества.

Эльфийка выпростала голые руки из-под плаща и жалобно приложила их к вискам:

– Курфюршества... Вот есть ещё одно незнакомое слово.

– Госпожа, скажи, ты жила в мире э-э-э... людей до того, как попала под упавшее дерево?

– Великий Творец, конечно, нет! – воскликнула эльфийка, – я жила в стране эльфов!

Так я попала в мир людей?.. – Алаэтэль закрыла лицо руками. – Вот, значит, я где... Как же я сразу не сообразила?

– Ты сможешь вернуться в свой мир? – спросил Вольфгер.

– Нет... Врата миров умеют открывать только маги высших ступеней посвящения, не мне чета. Это очень сложно и требует огромных сил и долгой подготовки.

– Но, может быть, тебя будут искать, и ваши маги придут в наш мир за тобой?

– Нет... – с отчаянием в голосе сказала эльфийка. – Мы, эльфы, превыше всего ценим единение, и часто месяцами не встречаемся друг с другом, меня просто не будут искать, да и некому. Ведь семей в людском понимании у эльфов нет. Иногда мы объединяемся на время, чтобы зачать и воспитать ребёнка, а потом опять каждый живёт своей собственной жизнью.

– Может быть, всё-таки стоит отвезти к тому дереву записку с указанием, где тебя искать, госпожа? – спросил монах.

– Зачем? Следы двух лошадей проследить несложно, – возразил Карл. – Пока мы здесь, нас легко найти, а когда кончится дождь, мы всё равно уедем отсюда.

– Скажи, госпожа Алаэтэль, а что всё-таки привело тебя в наш мир? – осторожно спросил Вольфгер, присаживаясь у постели эльфийки и втайне любуясь её совершенным профилем.

– Сама не понимаю, – пожала плечами девушка. – Мы давно уже перестали бывать в мире людей, наши планы бытия постепенно расходятся, барьер между ними ещё проходим, но он становится всё шире, и вскоре станет совсем непроницаемым.

– Что же ты собираешься делать? – спросил Вольфгер.

– Я не знаю... – подавленно ответила Алаэтэль.

– Мне тоже ничего умного не приходит в голову, – сказал Вольфгер. – Единственное, что я могу предложить тебе, госпожа: поедем с нами в Дрезден, а там что-нибудь придумаем, поищем опытного и знающего мага, может, он сумеет переправить тебя обратно?

– Спасибо... – сказала Алаэтэль и закрыла глаза. Вольфгер вздохнул. Ута отвернулась.

– Мы пробудем в этом доме до тех пор, пока не кончится дождь, а потом уедем. Наверное, ночевать придётся здесь. Но это небезопасно: на втором этаже живёт что-то вроде неуспокоенной души, а может, их там две. Прошлой ночью они пытались добраться до нас. Госпожа Ута сумела поставить магический заслон, но этой ночью, возможно, он не выдержит.

– Не беспокойтесь, – небрежно сказала Алаэтэль. – Моя магия защитит вас, таким простым заклятиям эльфов учат ещё в детстве. Меня беспокоит другое: где в лесу взять лошадь для меня?

– У нас есть вьючная лошадь, – сказал Карл, – но для неё нет ни седла, ни другой сбруи.

– Седло не нужно, – сказала эльфийка, – мы умеем ездить на неосёдланных лошадях.

– Ну что ж, – сказал Вольфгер, – вот всё и решилось!

Глава 6

22 октября 1524 г.

День св. Аберция Марцелла, св. Александра, св. Гераклина и его сотоварищей, св. Алодии, св. Бенедикта Мазерацкого, св. Бертарда, св. Верекунда, св. Доната Фьесольского, св. Марка, св. Марии Саломеи, св. Меллона, св. Модерана, св. Нанкта, св. Непотиана, св. Филиппа, св. Филиппа из Гераклеи.

Ночь прошла спокойно. Вероятно, магия Алаэтэли была настолько сильной, что непокоенные души не решились не только приблизиться к живым людям, но и хоть как-то обозначить своё присутствие. А может, в ту ночь их не было в доме. Во всяком случае, об отсутствии призраков никто не переживал.

На рассвете дождь наконец-то прекратился, и после завтрака решено было ехать.

Алаэтэль выбрала для себя одну из вьючных лошадей, остаток вещей нагрузили на вторую и распределили между верховыми лошадьми.

Необычно ранняя в этом году зима уже стояла у порога Саксонии. Погода была сырой и холодной, временами задувал промозглый ветер, и путешественники ёжились под плащами. Глинистая дорога раскисла и стала похожей на кусок мыла, забытой прачкой в кадке с бельём. Лошади шлёпали по лужам, временами оскальзываясь. Приходилось ехать по обочинам, где кое-где торчали пучки бурой травы.

Отряд возглавлял по-прежнему Вольфгер, за ним ехали женщины, потом монах с гномом, а тыл прикрывал Карл.

Алаэтэль по большей части грустно молчала, сторбившись на своей лошади и скрыв голову под капюшоном запасного плаща Вольфгера, а вот Рупрехт пребывал в отличном настроении, он вертелся и непрерывно болтал, вызывая неудовольствие отца Ионы. Один раз не в меру развеселившийся гном не удержался и шлёпнулся прямо в грязную лужу. С несчастного, враз погрузневшего Рупрехта так текло, что монах не хотел пускать его обратно на лошадь. Пришлось делать привал, разводить костёр и сушить одежду гнома, который немедленно простудился и начал неудержимо чихать. Ута сварила ему целебный отвар, но Рупрехт заявил, что к жизни его способна вернуть только добрая кружка глювайна²⁸, а, может быть, даже и пара кружек.

Других происшествий за три дня пути не случилось, ночевали в придорожных постоянных дворах, таких маленьких и убогих, что спать приходилось на сеновале. Еду удавалось достать не всегда, даже золотые монеты не оказывали желанного действия – народ жил воистину бедно. Казалось, трактирщики были не рады проезжающим, хотя те готовы были заплатить за ночлег и ужин звонкой монетой. Но золото есть не будешь...

Вольфгер удивлялся такому внезапному и непонятному обнищанию народа. В годы его военной службы ничего подобного не было: деревни выглядели зажиточными, а люди сытыми и благополучными.

– Чума, чтоб её..., – объяснил барону причину нищеты лысый, сморщенный трактирщик. – В прошлом году, почитай, половину деревни на погост вывезли. А тут ещё и неурожай как назло, скотину кормить нечем, значит, под нож её! А дальше-то что? Сами видите, ваша милость, пусто у меня в трактире, голо... Жену и детишек моровое поветрие скосило, я вот выжил, а зачем – не знаю. Тошно мне, пусто. Временами так и подмывает уйти в конюшню, закинуть вожжи на балку и... Знаю, всё знаю – грех смертный, только верой и держусь. Пока

---

²⁸ **Глювайн** (нем. Glühwein от Glühender Wein – пылающее вино) – традиционный немецкий спиртной напиток, подогретое красное вино с добавлением корицы, гвоздики, аниса, мёда и имбиря.

держусь... Тут вот недавно монах-доминиканец приходил, индульгенции продавал. «Купи, – говорит, – трактирщик, разве ты не хочешь выволить свою жену и детей из чистилища»? А я ему: «По тем мукам, что моя Марта и детишки приняли, они давно уже в раю должны быть, а если господь их мук не увидел и не принял, что мне в нём?» Сам-то я уже ничего не боюсь, ни смерти, ни чистилища, ни ада. Всё равно мне, господин хороший, что жить, что умереть... И золото ваше мне не нужно. Накормить мне вас всё равно нечем, а за ночёвку на сеновале деньги брать совесть не позволяет. Вот так-то...

– Позволь, почтенный, воспользоваться твоим очагом, чтобы приготовить ужин, – попросил Карл, – и садись с нами, еда у нас пока есть и своя. Хотя ты и хозяин, будь нашим гостем!

– Готовьте, если хотите, мне-то что? – равнодушно махнул рукой трактирщик, – дрова вон там. Пусть хоть ещё раз в моём старом трактире едой запахнет...

Утром, собираясь в дорогу, Вольфгер отправился на поиски хозяина, чтобы попробовать всучить ему монету-другую. Трактирщика он нашёл в дровяном сарае, висящим в петле. Бедняга, наверное, не выдержал весёлых голосов неожиданных и нежеланных постояльцев и всё-таки совершил грех самоубийства.

Пришлось задержаться, чтобы выкопать для старика могилу. Искать кладбище не стали, сделать гроб было не из чего, поэтому просто завернули тело в чистую скатерть, найденную в полупустом сундуке. Отец Иона прочитал заупокойную молитву, молча забросали могилу землёй и поехали дальше в подавленном настроении. Монах что-то шептал себе под нос.

Отряд въехал в лес.

«Леса, леса, сплошные леса и болота, – думал Вольфгер, покачиваясь в седле. – Сколько едем, а вокруг одно и то же: заваленный валежником лес, гниющие деревья, болота, унылые, бедные деревеньки, больной, нищий народ. И в этой глуши рождаются, живут, и умирают люди – без всякого смысла и цели, без надежды на лучшую жизнь, без смеха, песен, без проблеска счастья. Всё вокруг серое, волглое, больное, вымороченное».

От этой мысли ему стало тошно, он зачем-то прищипорил коня и, опередив других, выехал на маленькую поляну. Впереди тропинка уходила в кусты.

И из этих кустов неожиданно прогремел выстрел. Левое плечо Вольфгера рвануло болью, рука повисла.

– Назад, здесь засада! – закричал он. – «Не дай бог, у них окажется ещё одна заряженная аркебуза или пистолеты, тогда конец!»

Не давая времени противнику перезарядить своё оружие, Вольфгер выхватил меч и направил коня прямо на куст, над которым расплывалось облако порохового дыма. Он увидел человека в бригантине²⁹ и ржавом шлеме-морионе³⁰. Разбойник судорожно возился со стоявшей на упоре аркебузой, пытаясь её перезарядить. Вольфгер с размаху рубанул стрелка мечом по шее, и видимо, попал удачно: тот заорал, выпустил оружие и грохнулся под ноги лошади. Шлем соскочил с его головы и выкатился на поляну.

Вольфгеру потребовалось некоторое время, чтобы развернуть лошадь и выпутаться из кустов. На поляне уже кипел бой. Двое оборванцев набросились на Карла. Оборотень отбивался спокойно и умело, за него Вольфгер не беспокоился. Ещё один разбойник напал на монаха, неумело пытавшегося защитить женщин. Ему-то на помощь и бросился барон, однако на полпути увидел, что гному приходится ещё хуже. Посчитав малыша лёгкой добычей, на него набросились, размахивая саблями, сразу двое. Вдруг Рупрехт вытянул перед собой руку. Грохнул выстрел, и первый разбойник упал на спину, отброшенный тяжёлой пистолетной пулей. Второй разбойник, разъярённый ранением товарища, и видя, что пистолет гнома уже разряжен, набросился на него с удвоенной силой и тут же поплатился за свою неосторожность – неожи-

---

²⁹ **Бригантина** (нем. Brigantine) – кожаная куртка с наклепанными на неё железными пластинами.

³⁰ **Морион** (фр. Morion от исп. Morrión) – железный шлем с высоким гребнем и сильно загнутыми спереди и сзади полями.

данно раздался ещё один выстрел. Вторая пуля угодила нападающему в живот, он выронил саблю, завыл, упал на колени, а потом, зажимая рану, перекатился на бок. Вольфгер вытаращил глаза: он ясно видел, что гном не доставал второй пистолет! Между тем, Рупрехт повернулся и хладнокровно всадил третью пулю в спину кнехта, напавшего на отца Иону. Тот споткнулся и полетел вперёд, сбив с ног монаха.

Увидев, что бой складывается неудачно, два оставшихся в живых разбойника, которые с величайшим трудом отбивались от Карла, бросились бежать. Одному сразу же не повезло: Карл размахнулся и метнул свою секиру ему в спину. Человек рухнул на землю, как сломанная кукла, вероятно, отточенная сталь перерубила ему позвоночник. Последний сбежал, с треском вломившись в кусты. Его никто не преследовал.

Вольфгер спрыгнул с лошади, по привычке попытавшись опереться на левую руку, и чуть не потерял сознание от боли. Бросив меч, он нагнулся над отцом Ионой и за шиворот стащил с него мёртвого разбойника. Монах, крихтя, поднялся на ноги.

– Вольфгер, мальчик мой, ты ранен?! – с тревогой спросил он, взглянув на барона. – Ты весь в крови! Надеюсь, это кровь разбойников?

– Нет, – прохрипел Вольфгер, – кровь моя. Получил в плечо пулю из аркебузы. Помогите снять доспехи...

Все бросились к нему. Вольфгер почувствовал, что ноги плохо его держат, и сел прямо на землю, опершись спиной о дерево. В багровом мареве, на границе беспамятства он чувствовал, как с него снимают нагрудник и кольчугу.

– Брентен у кого-нибудь есть? – донёсся до него тревожный голос Уты.

– Есть, – ответил Карл.

– Дай ему хлебнуть и держи покрепче, рану надо обработать! Вольфгер, потерпи...

Барон заорал от неожиданной сумасшедшей боли в плече и чуть не потерял сознание.

– Всё-всё, уже всё, – ворковала над ним Ута, – повезло тебе, Вольфгер. Пуля прошла насквозь и застряла в наплечнике, вот она, гляди... – ведьма поднесла к глазам барона сплющенный, окровавленный кусочек свинца, – кости целы, через пару седмиц всё заживёт, а сейчас я забинтую как следует, наложу заклятия, и можешь отдыхать.

Вольфгер скосил глаза и увидел как Ута ловко бинтует его плечо белым полотном, на котором сразу же начало проступать красное пятно.

– Вот горе-то... – тихонько пробормотала она. – Что же делать? Кровь никак не останавливается...

– Позволь мне, – спокойно сказала Алаэтэль, отодвигая Уту в сторону. – Я кое-что понимаю во врачевании ран.

Ведьма отошла, не сводя недоверчивых глаз с эльфийки.

Алаэтэль нагнулась над Вольфгером, волна чёрных волос обрушилась ему на лицо, и барон вновь чуть не потерял сознание – запах мёда, луговых трав и цветов, омытых ночным дождём, сводил с ума. Он скосил глаза и увидел в ворота камзольчика эльфийки золотую цепочку с подвеской, лежащую в ложбинке между небольших грудей.

Алаэтэль поймала его взгляд и улыбнулась кончиками губ:

– Потерпи немного, господин мой, сейчас боль уйдёт. Я заберу её...

И правда, Вольфгер почувствовал, как боль утекает из раненой руки, растворяется, вымывается волной свежей крови, пробежавшей по телу. Ему сразу стало легче. А Алаэтэль слегка побледнела.

– Боль ещё вернётся, но я буду рядом и помогу, – сказала она. – Ты должен пока побереечь руку. У тебя хорошие витальные³¹ силы, ты скоро поправишься, но некоторое время всё-таки будь осторожен.

---

³¹ Витальные силы (от лат. Vitalis) – жизненные.

Вольфгер здоровой рукой обхватил эльфийку за шею и хотел привлечь к себе, чтобы поцеловать, но она легко отстранилась.

– Раненый воин не должен думать о женщинах, – усмехнулась она, – это мешает выздоровлению.

– Карл, помоги встать, – попросил слегка разочарованный Вольфгер. Обаяние лукавой эльфийки никак не хотело отпускать его.

Карл легко поднял своего хозяина на ноги, тот, пошатываясь, огляделся:

– Всё кончилось?

– Да, господин барон, уже давно, – невозмутимо ответил Карл.

– Сколько их было?

– А сколько человек убили вы?

– Я – одного, аркебузира, он там, в кустах. Может, ещё жив.

– Убит, я проверил, – ответил Карл. – Вы ему мало что голову не снесли. Шея почти перерублена, на лоскутах кожи держится.

– Так... Я – одного, ты – тоже одного, получается, гном убил троих?! Как ему это удалось?

– У него какой-то чудной пистолет, – пожал плечами Карл.

– Рупрехт, подойди сюда, – позвал Вольфгер. – Объясни, чем это ты так ловко расправился с разбойниками?

– А это ещё одно моё усовершенствование, – пояснил гном и чихнул, – ручное оружие на четыре выстрела! – Он протянул Вольфгеру пистолет с четырьмя непривычно короткими и толстыми стволами. – Можно стрелять четыре раза подряд! Только вот заряжать долго и неудобно, это я ещё не додумал.

– Но ты же вроде стрелял трижды?

– Нет, – шмыгнул носом гном, – я стрелял четыре раза, но один раз была осечка.

– Сегодня ты спас нам всем жизнь, – сказал Вольфгер, – спасибо тебе, Рупрехт из колена Серебряной наковальни. Отец Иона, поблагодари гнома. Если бы не он, разбойники изрубили бы тебя в капусту, мы с Карлом никак бы не успели на помощь.

– Спасибо, мастер гном, – монах прижал руку к сердцу и поклонился. Губы его дрожали.

– Не стоит благодарности! Я всего лишь вернул часть долга за моё спасение в трактире, – в ответ поклонился гном, надувшись от гордости.

– Меня умиляет ваш обмен любезностями, но, может, стоит помочь раненому? – сухо зато спросила Ута.

– А кто ещё ранен? – Вольфгер резко повернулся и застонал от острой боли в плече.

– Осторожно! – воскликнула Ута, – разбредишь рану – опять кровь пойдёт, ведь еле еле остановили! А раненый вон, за твоей спиной. Гном всадил ему пулю в живот.

Вольфгер подошёл к раненому и осторожно присел рядом. Перед ним лежал человек лет сорока-сорока пяти, бедно одетый, давно небритый, с ключьями седеющих волос на затылке и на висках. Раненый тяжело дышал, переводя затравленный взгляд с барона на Карла. На губах у него надувались и лопались розовые пузырьки, из угла рта сочилась кровь.

– Пощадите, господин, не убивайте, – пробормотал он.

– А ты знаешь, как поступает с разбойниками городская стража? – спросил Вольфгер.

Раненый прикрыл глаза.

– Ну а если знаешь, то не будешь просить пощады. Всё, что я могу обещать тебе, это лёгкая смерть.

– Тогда будь ты про... – начал раненый, но Вольфгер легонько ударил его по губам, и он замолчал.

– Не богохульствуй, – сказал барон, вытирая окровавленную перчатку о траву, – тем более что ты вот-вот предстанешь пред господом. Сам знаешь, рана твоя смертельна. Я могу подарить

тебе лёгкую смерть, а могу оставить здесь живым. До ночи-то ты дотянешь, а вот как стемнеет, на запах крови придут волки и лисы.

– Прости, господин, – прохрипел разбойник. – Добей меня, прошу...

– Хорошо, но если будешь говорить правду. Кто вы такие?

– Мы-то? Мы люди Стрелка...

– Какого ещё Стрелка?

– Того, кто стрелял из аркебузы... Ты убил его, господин.

– А, теперь понятно. Следующий вопрос. Сколько вас всего было?

– Восемь... Сколько убитых?

– Пятеро. Ты – шестой.

– Один не пошёл с нами, остался в деревне, сказал, что животом недужит, а один убежал.

– Значит, банды больше нет, – сказал Вольфгер, поднимаясь, – ведь главарь убит.

– Господин, ты обещал... Легко... – прошептал раненый.

– Хорошо, – ответил Вольфгер, – молись тогда.

Раненый ненадолго замолчал, потом разлепил окровавленные губы и выдавил:

– Я... готов...

Вольфгер неловко потянул из ножен кинжал, но Карл опередил его. Короткий крик – и с раненым было покончено.

– Трупы будем убирать, ваша милость? – спросил Карл.

– Вот ещё, – откликнулся Рупрехт, которого не спрашивали, и который под шумок общаривал убитых, – пусть валяются!

– Но они христиане! – несмело возразил отец Иона.

– Откуда ты это знаешь, отче? – возразил Карл. – По делам так самые настоящие безбожники, сейчас по лесам много всяких бродит. Прочти какую-нибудь заупокойную молитву, и будет с них. Его милости нужно побыстрее в город, для него сырость сейчас опаснее яда.

Карл забрался в кусты, нашёл там аркебузу Стрелка, засунул её между двух деревьев, согнул ствол и выбросил.

– Так-то оно лучше будет, – пробормотал оборотень.

* * *

Вскоре лес стал редеть, появились выжженные просеки и крохотные поля, отвоёванные у леса. Впереди лежал Дрезден.

– Рупрехт, тебе в город нельзя, – сказал Вольфгер. – Схватят и сожгут без разговоров. Алаэтьель накинёт капюшон, и, думаю, её никто разглядывать не будет, а тебя мы спрятать не сможем. Что будем делать?

– Сколько вы собираетесь пробыть в городе? – спросил Рупрехт.

– Трудно сказать, – задумался Вольфгер, – нам надо получить аудиенцию у архиепископа Майнцского, я подам прошение, но сколько придётся ждать, не знаю.

– Где вы будете жить?

– Ну, наверное, остановимся на постоялом дворе «Золотой лев». Насколько я помню, это было лучшее заведение в городе.

– Хорошо, – сказал Рупрехт, кряхтя, сползая с лошади монаха, – тогда здесь мы и расстанемся. Вы делайте своё дело, а я буду вас ждать в одном укромном местечке. Когда всё закончите, дайте мне знать, и я сам найду вас.

– А как подать тебе весточку, и где ты будешь нас ждать? – спросил Вольфгер.

– В Дрездене, где же ещё? – удивился гном.

– Но...

– Во всех крупных человеческих городах империи есть колонии гномов, – объяснил Рупрехт, – иначе, откуда бы люди брали лучшие украшения и драгоценное оружие? Эти колонии существуют втайне, но они есть и они процветают. Чтобы подать мне знак, господин барон, просто придите к Фуггерам и назовите моё имя. Они знают, как связаться с гномами.

– Вот как? – удивился Вольфгер, – Фуггеры знают про гномов?

– Фуггеры не упускают ничего, что приносит прибыль, – наставительно сказал Рупрехт.

– Постой, но ты ведь изгнанник, пустят ли тебя к себе местные гномы?

Рупрехт зло скривился.

– Здесь живут гномы другого колена, и они... ну, они любят гильдены. Очень любят. И вообще, не беспокойтесь за меня, ваша милость, – сказал гном, помахал на прощание рукой и юркнул в кусты. Вольфгер тяжело вздохнул. Он стал привыкать к весёлому, вздорному и вороватому гному. Ему было жаль расставаться с ним, и тревожно на душе.

– Не беспокойтесь за Рупрехта, господин барон, – уловил его настроение Карл. – Этот маленький пройдоха нигде не пропадёт. Поехали! Уже темнеет, а Дрездена ещё не видно, и я не хочу провести ещё одну ночь в сыром и холодном лесу!

* * *

О том, что город уже близко, недвусмысленно свидетельствовали кучи мусора по краям дороги, падаль и раздутые трупы домашних животных. На дорогу вытекали зловонные жёлто-коричневые ручьи, через которые лошади старались переступить, не запачкавшись. Ута крепко, не по-женски ругнулась, а эльфийка завязала нижнюю часть лица платком.

У бревна, лежащего на заставе поперёк дороги, маялся тяжким похмельем кнехт с алебардой не по росту. Путешественники не вызвали у него ни малейшего интереса. Прислонив своё устрашающее оружие к караульной будке, он пересчитал людей и лошадей, загибая пальцы и натужно шевеля губами. Вольфгер не стал ждать окончания сложных подсчётов и бросил ему гильден.

– Сдачу пропейте, – приказал он.

Стражник радостно осклабился.

– А где десятник? – спросил барон.

– Дык... В караулке оне, ваше баронство, – ответил стражник, стараясь упрятать монету в дырявый кошель так, чтобы она не вывалилась.

Вольфгер слез с коня, бросил поводья Карлу и вошёл в караулку. Десятник и солдаты, свободные от караула, занимались обычным военным делом – резались в кости. Оружие и снаряжение – алебарды, мечи, шлемы – было свалено в углу одной кучей. Игроки не обратили на вошедшего ни малейшего внимания. Вольфгера так и подмывало рубануть мечом по залитому вином столу, но он с трудом сдержался и позвал:

– Десятник!

Тот с трудом оторвал взгляд от стола, по которому катались игральные кости:

– Чего надо?

– А вот сейчас узнаешь, чего! – начал терять терпение Вольфгер.

Десятник услышал в голосе вошедшего что-то нехорошее, взгляделся в фигуру человека, стоявшего в двери против света, и вскочил, как будто его в обширный зад ужалела гадюка.

– Ваша милость... Чего изволите?

– Изволю, чтобы городская стража службу несла, а не пьянствовала и в кости резалась! На меня напали разбойники чуть ли не у самого въезда в город!

– Где напали? Кто напал? – тупо переспросил не вполне трезвый десятник.

– Откуда я знаю кто, придурок! – гаркнул Вольфгер. – Банда какого-то Стрелка! Не видишь что ли, я ранен?

– А-а-а, да. Стрелка... Мы сейчас... Вставайте, парни, а ну, оружайсь!

– И куда же это вы собрались? – ехидно спросил Вольфгер, опершись о дверной косяк. – Там теперь воевать придётся разве что с покойниками. Вся грязную работу мы уже сделали за вас, банды больше нет. Отправь только пару кнехтов, чтобы трупы зарыли, найдёте их на дороге.

– Сию минуту! – засуетился наконец-то пришедший в себя десятник. Гордясь своей грамотностью, он полез на полку и начал там рыться, приговаривая: «Да где же он? Был же здесь... Это не то, и это... А, вот он!» Десятник развернул свиток и начал читать по складам, шевеля губами:

– «За голову Стрелка бургомистр славного града Дрездена объявляет награду в двести гульденов, каковую голову можно доставить в магистрат вместе с самим Стрелком, а также отдельную от тела»... Так что вы, ваше баронство, значить, того, можете награду получить. Деньги немалые, – завистливо вздохнул он.

– Моя кровь, любезный, тоже не пфенниг стоит, – надменно сказал Вольфгер. – К бургомистру я съезжу. А теперь, ну-ка скажи, как проехать к постоялому двору «Золотой лев»?

– Значить, так, ваша милость, – начал объяснять десятник, – поедете до развилки, там ещё, изволите ли видеть, дом с флюгерком в виде эдакого петуха на крыше, потом свернёте налево, проедете один квартал, потом...

– Стой! – оборвал его Вольфгер, – дашь мне человека, пусть проведёт, – и кинул десятнику гульдинер³².

– Брунс!!! – заорал десятник, поймав монету на лету, – проведёшь господ! Эй, придурок, а ну, оставь алебарду и шлем, зачем они тебе в городе? Да шевелись, скотина безрогая!

Дрезден был сравнительно небольшим городом, расположение домов и улиц Вольфгер помнил хорошо, но ему хотелось обставить своё прибытие как можно более пышно. Бежавший впереди всадников кнехт, пыhtящий и погромыхивающий кирасой, привлекал внимание охочих до зрелищ горожан. У ворот постоялого двора Вольфгер одарил истекающего потом солдата ещё одной серебряной монетой, чем вызвал водопад хриплых и несуразных благословлений, отпустил проводника и въехал во двор.

Фахверковое³³ здание постоялого двора было совершенно таким, каким его запомнил Вольфгер в свой последний приезд в Дрезден. Первый этаж был сложен из грубо отёсанных каменных глыб, а второй и третий этажи были глинобитными с деревянными балками. Над входом красовалась вывеска, изображавшая по замыслу хозяев заведение золотого льва. Но, поскольку художник настоящего льва представлял себе весьма приблизительно, животное на вывеске было похоже на крупного кота, который, похоже и послужил натурщиком. Вольфгер усмехнулся. Навстречу ему уже бежал хозяин, на ходу стаскивая с головы поварской колпак.

Вскоре все были устроены. Вольфгер, Алаэтэль, отец Иона и Ута получили по отдельной комнате, заняв половину второго этажа, а Карл, как обычно, отказался от комнаты в господской части дома и ушёл к слугам.

Разобрав вещи и кое-как умывшись одной рукой, он спустился в общий зал, чтобы поужинать. Вскоре к нему присоединились Ута, потом пришли эльфийка и монах.

– Это заведение раньше славилось своей кухней, – сказал Вольфгер, когда все расселись, – тут можно было славно пообедать или поужинать. Вон бежит хозяин, решайте, кто и что будет заказывать. Я предлагаю молочного поросёнка.

Тут до Вольфгера дошло, что эльфийка, возможно, соскучилась по своей еде – овощам или фруктам.

³² Гульдинер – серебряная монета, имевшая хождение в Саксонии.

³³ Фахверковый дом – (нем. Fachwerk – каркас) строился из деревянных, видимых снаружи балок, пространство между которыми заполнялось глинобитным материалом, кирпичом или деревом.

– Госпожа Алаэтэль, – спросил он, – а чего бы хотела ты?

– Это есть безразлично, – пожалала плечами девушка. – Ты думаешь, эльфы питаются одними фруктами и пьют цветочный нектар? – Она засмеялась. – Мы едим, в общем, то же, что и вы, люди, ты же мог видеть это по пути. Домашних животных мы не разводим, но эльфы любят охоту, так же как и ваши мужчины, поэтому на наших столах не переводится дичь.

– Тогда, значит, молочный поросёнок, – сказал Вольфгер хозяину, – свежий хлеб, тушёные овощи. Насчёт вина и пива решай сам, выбери, что получше. Потом подашь сладости.

Хозяин подобострастно кивнул и убежал на кухню отдавать распоряжения.

Дождавшись, пока он отойдёт подальше, отец Иона сказал:

– Ну вот, мы и достигли цели нашего путешествия, что будем делать дальше?

Монах выглядел неважно – вид усталый, под глазами набрякли мешки, руки, лежавшие на натёртой воском столешнице, мелко дрожали.

– Завтра я подам в канцелярию архиепископа прошение об аудиенции, и будем сидеть, ждать ответа, – сказал Вольфгер. – Церковная машина работает небыстро, так что тебе, святой отец, придётся запастись терпением.

– Сколько же придётся ждать?

– Если архиепископ в Дрездене, пару седмиц, не меньше, а если он в отъезде, и не знаю, сколько. В любом случае быстро к нему мы не попадём, желающих увидеть представителя римской курии в Саксонии хоть отбавляй, а принимает он в день человека по два-три, – ответил Вольфгер. – У меня в Дрездене есть ещё кое-какие дела, а вы можете заниматься, чем хотите. Ута, Алаэтэль, у вас какие планы?

– Здесь есть хорошие купальни? – спросила Ута.

– Есть, но по городу без охраны не ходите, всякое может случиться. Завтра я найму вам паланкин, и берите с собой для охраны Карла. Или окажите мне честь и позвольте сопроводить вас.

Эльфийка улыбнулась и кивнула.

– У нас есть ещё одно дело, – сказал ей Вольфгер. – Надо найти знающего мага, который смог бы вернуть тебя в страну эльфов. Но это непросто, потому что в нашем мире за чародейство можно угодить на костёр.

– Вряд ли у вас найдётся такой маг, – покачала головой Алаэтэль. – В наших хрониках не сохранилось сведений о том, что хотя бы один человек проник из вашего мира в наш.

– А какой он, ваш мир? – спросила Ута.

– Наш мир? – мечтательно переспросила эльфийка. – Наш мир есть очень похож на ваш: такие же леса, реки, горы. Однако мы не строим городов, не сбрасываем нечистоты в реки и не устраиваем свалок в лесах. И воздух у нас гораздо чище, а птицы поют красивее...

– Скажи, госпожа, – обратился к эльфийке монах, – а... а вы смертны?

– Да, – ответила Алаэтэль, – всё живое смертно, и мы тоже уходим в небытие, но наш век куда дольше человеческого. И мы не убиваем друг друга.

– А кто же правит страной эльфов? – спросил Вольфгер.

– Совет мудрейших. В него входят самые сильные чародеи. Нашим миром правит магия, магией пропитано всё. Мы мало работаем руками, потому что привыкли создавать с помощью волшебства, но, увы, в вашем мире оно не работает. Попав к вам, я потеряла большую часть своих сил, остались... крошки.

– Крохи... – тихо поправила эльфийку Ута.

– Да, крохи, благодарю, фройляйн, мой немецкий язык не есть совершенен, – кивнула Алаэтэль. – Не знаю, вернутся ли мои силы ко мне, когда я вернусь домой, если, конечно, вернусь. Ваш мир потихоньку отравливает меня, я чувствую это...

За столом повисло неловкое молчание, которое прервал Вольфгер:

– А вот и хозяин, он несёт нам хлеб, вино и мясо. Давайте на время забудем о заботах и поедим так, как не ели уже много дней – за чистым столом, на тарелках, никуда не торопясь и не опасаясь, что в тарелку нальётся дождевая вода или упадёт гусеница.

Хозяин вместе с двумя служанками расставили на столе тарелки, кубки, миски с подливкой, хлеб и блюда с овощами. Посредине торжественно водрузили жареного поросёнка, покрытого румяной корочкой.

Трактирщик хлопнул пробкой и налил в кубки тёмно-бордовое пенящееся вино.

– Я предлагаю тост за удачу, – сказал Вольфгер, поднимая свой кубок, – удача нам ой как понадобится!

Все сдвинули кубки, выпили и Вольфгер начал кинжалом разделять поросёнка, придерживая его специальной двузубой вилкой.

Ужин в «Золотом льве» начался.

* * *

Уже ночью, довольный, сытый и слегка отяжелевший Вольфгер поднялся к себе в комнату. Она была небольшой, уютной и очень нравилась барону. Низкий, потемневший от времени деревянный потолок из-за странной причуды архитектора понижался к окну. В дальней стене комнаты было прорезано небольшое окно с лунными стёклами³⁴. Убранство комнаты составляли кровать в алькове за пёстрой занавеской, кресло с резной спинкой и жёстким сиденьем и небольшой сундук, покрытый ковром. На сундуке стоял кувшин с вином, кубки и тарелка с поздними сморщенными яблоками.

Вольфгер неторопливо разделся, оставшись в одних шоссах³⁵ и нательной рубахе, повесил меч и кинжал на вбитый у двери крюк, налил себе вина и с блаженным стоном плюхнулся в кресло. Натруженные мышцы спины и ног ныли.

Барон прихлёбывал вино, наслаждаясь покоем, тишиной и одиночеством. Впервые с начала путешествия никуда не нужно было торопиться, думать о ночлеге, пропитании, заботиться о безопасности отряда. За годы, проведённые в своём замке, он успел отвыкнуть от неудобств путешествия, на которые лет двадцать назад просто не обратил бы внимания.

«Да-а... – невесело подумал он, – похоже, это и есть начало старости, когда через неделю в пути с тоской вспоминаешь свой дом и его размеренный уклад. Приключения, драки, колдовство – это уже не для тебя, барон Вольфгер фон Эрк. Вот и пулю схлопотал. Раньше бы и не обратил внимания на такой пустяк, а теперь от каждого неловкого движения кривишься. Поди каждый раз перед сменой погоды плечо ныть будет». Вольфгер осторожно спустил с плеча рубаху и осмотрел повязку. Полотно было чистым, рана закрылась.

«Ну, хоть это хорошо, – подумал он, – а вот я сейчас сделаю глоток-другой – и в постель, на чистое бельё, спа-а-ать...» – барон сладко зевнул и направился к алькову, неся в здоровой руке кубок.

И тут в дверь негромко постучали. Вольфгер досадливо поморщился. «Наверное, служанка решила пожелать господину барону спокойной ночи, узнать, не надо ли ему чего и, самое главное, получить монетку. Ну её к дьяволу, не буду открывать!» – решил он.

Стук повторился. Вольфгер упрямо не откликнулся, разбирая постель.

– Вольфгер, ты здесь? Открой, это я, Ута... – раздалось из-за двери.

«Сладчайший Иисусе, – мысленно простонал Вольфгер, – ну за что мне это?! Опять у девчонки какие-то неприятности или страхи, мышшь, что ли, увидела? Но делать нечего, надо открывать...»

---

³⁴ Лунное стекло – средневековое мутное оконное стекло. Использовалось до появления листового стекла.

³⁵ Шоссы – средневековые нательные мужские штаны в обтяжку.

Он отодвинул засов, открыл дверь, и в комнату вошла Ута. Она переоделась в то платье, которое барон видел на ней в её доме. Девушка молча заперла дверь и повернулась к Вольфгеру.

– Что слу... – начал Вольфгер и осёкся.

– Барон Вольфгер фон Экк, я пришла, чтобы заявить на тебя свои права, – сказала Ута явно заготовленные слова.

Вольфгер так удивился, что сделал шаг назад, споткнулся и плюхнулся на кровать, чуть не расплескав вино. Теперь он смотрел на Уту снизу вверх.

– Той ночью в моём доме ты повёл себя как настоящий рыцарь, – сказала она, – хотя я, честно сказать, и ждала, что ты будешь чуточку менее благородным... – С её губ сорвался смешок. – Подождём, – решила я тогда, – пока ты обратишь на меня своё благосклонное внимание. И я стала ждать, и терпеливо ждала до тех пор, пока в отряде не появилась эльфийка. Теперь всё изменилось, и я больше ждать не могу. Всем известно, что ни один мужчина не устоит против чар эльфийской девушки, не устоишь и ты. Собственно, ты уже не устоял, я не слепая, и вижу, как ты раздеваешь её взглядом. Но предупреждаю: эта девица принесёт тебе несчастье. У эльфов нет души, они не знают, что такое любовь и семья. Ты будешь сгорать от любви и желания, а она будет ослепительно и холодно улыбаться. И всё. Я знаю, что эти слова не способны отвратить мужчину от страсти к эльфийке, поэтому-то я и пришла к тебе в надежде, что Алаэтэль ещё не полностью завладела твоей душой.

Барон, растерянный до немоты, сидел на кровати, не зная, что сказать.

– Похоже, я всё-таки опоздала, – с горькой обидой и слезами в голосе сказала Ута. – Если ты будешь и дальше молчать, я немедленно уйду, а завтра меня в Дрездене не будет!

– Нет, по... пожалуйста, Ута, останься, прошу тебя, – пробормотал Вольфгер, пытаясь подняться, но проклятая мягкая кровать мешала ему это сделать, и он чувствовал себя дурак дураком. Взявшись левой рукой за спинку кровати, барон попытался встать, сморщился от неожиданной боли и чуть не упал. Ута подхватила его. Вольфгер воспользовался этим и обнял девушку за талию. Сложена Ута была на диво хорошо.

Ута прижалась к барону, схватившись руками за ворот его рубахи и заглядывая ему в глаза.

– Вольфгер, скажи, почему ты так холоден ко мне?

– Ута, я... Не мог же я... Это выглядело бы как насилие...

– Но теперь *это* не будет выглядеть как насилие, – прошептала девушка, прижимаясь к нему щекой.

Вольфгер осторожно распустил шнуровку её лифа и спустил платье с плеч. Она сделала шаг, переступила через платье и теперь стояла перед ним в одной рубашке. Потом закинула руки ему за шею, обняла, нежно поцеловала и снова прижалась всем телом.

– Вольфгер, – промурлыкала она, – я всё ещё в долгу перед тобой за своё спасение, и теперь самое время его отдать.

Барон хотел поднять девушку на руки, но она запротестовала:

– Нет-нет, тебе пока нельзя поднимать тяжести! Я знаю, как обращаться с ранеными! Ложись, я всё сделаю сама... – и Ута дунула на свечу.

Теперь в комнате было почти темно, выделялся только серый прямоугольник окна.

Вольфгер лёг на спину, и Ута пришла к нему. Она оказалась страстной, нежной и чуткой. Время в маленькой комнате на втором этаже гостиницы «Золотой лев» потекло густым мёдом.

* * *

Они лежали в постели, узковатой для двоих, пили вино, заедая его яблоками, и смеялись.

– Ну вот, – заметил Вольфгер, – вино кончилось, давай позовём служанку, пусть принесёт ещё кувшин из погреба, да холодненького! И ветчины с хлебом, а?

– Что ты, Вольфгер, разве можно? – притворно ужаснулась Ута, – служанка же увидит меня в твоей постели, что будет с моим добрым именем, с моей репутацией?

– Завтра всё равно все будут всё знать, – отмахнулся Вольфгер.

– Это же постоянный двор, от прислуги не укроешься. Так я позову?..

– Не смей! – Ута шутливо закрыла ему рот ладошкой. – Все спят, ночь на дворе, перебудешь всю гостиницу...

– Но я хочу вина!

– Потерпишь! Впрочем, в моей комнате стоит такой же кувшин. Я сейчас принесу.

– Оденься хоть!

– Я – ведьма, мне положено ночью голышом скакать!

Она встала, не стыдясь своей наготы, и вышла из комнаты. Вольфгер крикнул и почесал в затылке совершенно мужицким жестом.

Вскоре Ута вернулась с кувшином и, поставив его на пол у кровати, забралась под одеяло. Вольфгер обнял её здоровой рукой.

– Ну как, фройляйн, установила на меня свои права? – усмехнулся Вольфгер.

– Не совсем! – в тон ему ответила Ута, – надо бы для надёжности ещё разок...

– Так-то ты относишься к раненому! Ну давай попробуем...

* * *

– А где Кот? – поинтересовался Вольфгер. – Что-то его давно не видно.

– Не знаю, гуляет, наверное, где-нибудь, – ответила Ута. – Посмотри, сколько в городе замечательных крыш и помоек, раздолье настоящему коту! Ты за него не беспокойся, он не пропадёт. Всё-таки это не совсем кот, он вполне способен постоять за себя. Лучше скажи, а ты не боишься... ну, быть с ведьмой?

– Не знаю, – удивился Вольфгер, – а что, разве мне это чем-нибудь грозит?

– Тебе, наверное, нет, – ответила Ута, – но, всё-таки... Истинные христиане ведьм не любят и боятся. Общение с ними – грех.

– А я не могу назвать себя истинным христианином, – ответил Вольфгер, – хотя, естественно, крещён по христианскому обряду. Только нет во мне истинной веры... Но постой, ты как-то странно сказала: «тебе – нет», а тебе, выходит, да?

Ута замялась.

– Ну, понимаешь... Об этом сейчас не стоит говорить.

– Ну а всё-таки? – не отставал Вольфгер. Он повернулся на бок и смотрел на девушку, ласково глядя её грудь.

Ута вздохнула и нехотя заговорила, стараясь не смотреть на возлюбленного.

– Понимаешь... Ведьме положено... Ну, как это принято говорить... Удовлетворять похоть с подобными себе, словом, с колдунами. Их соития всегда бесплодны. Но если ведьма проведёт ночь с обычным мужчиной, понесёт и родит ребёнка, то на свет может появиться просто урод. Он сразу умрёт, так чаще всего и бывает. Это ничего. Но может случиться, что родится с виду обычный ребёнок, а вырастет из него страшный чёрный колдун, некромант, изувер... И загнать его обратно в небытие будет стоить большой крови. Нормальных детей у ведьм почти никогда не бывает, ну и... ведьмы редко переживают рождение своего ребёнка. Роды у них почти всегда оканчиваются смертью, но ведьма не может умереть просто так, как обычная женщина. Она должна передать... нечто... девочке, которая станет ведьмой вместо неё. А это непросто, ведь годится далеко не всякая, поэтому ведьмы, бывает, годами влачат

жуткое состояние – ни жизнь, ни смерть. Они не живут, но и умереть не могут, – Ута вздрогнула.

Вольфгер обнял её:

– Прости за дурацкий вопрос, расстроил я тебя, да и сам расстроился.

– Нет, ты всё равно должен был узнать, – серьёзно ответила Ута. – Ведьме нельзя делить ложе с обычными мужчинами. А вот я не удержалась, барон Вольфгер фон Экк, и не жалею! Налей-ка мне ещё вина!

Они допили вино, Ута вздохнула, повозилась, устраиваясь под боком у Вольфгера и сонно шепнула:

– Давай-ка спать, твоя милость, полночь давно отзвонили. Знаешь, как у нас в деревне говорили?

На новом месте
Приснись жених невесте!

Завтра расскажешь, кто тебе приснился.

* * *

...Была ночь. Вольфгер стоял на неестественно прямой и широкой улице незнакомого города. Он знал, что это Дрезден, но не узнавал его. В Дрездене не было огромных домов-ящиков, тянущих к небу тошнотворно однообразные, голые стены с бельмами слепых окон. Ни в одном окне не горел свет, но Вольфгер почему-то знал, что там, в этих мёртвых домах, прячутся сотни, тысячи, десятки тысяч людей – взрослых, детей, стариков и старух – и все они, прильнув к окнам, молча в предсмертной муке смотрят на него и что-то беззвучно повторяют. Все одно и то же. Вольфгеру казалось, что его уши залиты воском, до него не доносилось ни единого звука, он ощущал только тяжесть в голове.

Внезапно тишина рухнула, и барона продрал мороз по коже, он услышал раздражающий, скрежещущий, леденящий душу вой. Вой то поднимался до визга, то падал до басовитого рычания, повторяясь с неестественным, мёртвым однообразием. Потом вой пришёл с другой стороны, с третьей, и вскоре вокруг него не было ничего, кроме этого жуткого воя. Мир был полон воя. Вольфгер не знал, что это означает. Он повернулся и побежал вдоль улицы, причём казалось, что его тело потеряло вес. Он совершал огромные прыжки в вязком, душном воздухе, мягко касаясь мостовой, одетой плавленным камнем, и боялся, что после очередного прыжка больше не сможет оттолкнуться от земли.

Он выбежал на площадь, обсаженную чёрными в ночи деревьями. Их голые ветви вцеплялись в серое небо подобно пальцам мертвеца, выбравшегося из могилы.

В небе вспыхнул бело-голубой конус света и начал шарить по низким облакам. Навстречу ему с земли поднялись ещё несколько лучей. Вдруг два луча, словно нащупав что-то, остановились в небе, навстречу им метнулся третий луч, и Вольфгер увидел в их скрещенье огромную птицу, которая парила, не шевеля крыльями. Потом от тела птицы отделились чёрные точки и понеслись к земле, стремительно увеличиваясь в размере.

Мостовую страшно трянуло, она ударила Вольфгера по пяткам. Он увидел, как огромный дом в глубине улицы окутался пылью, его стены тошнотворно и медленно изогнулись, пошли волнами, треснули и обвалились внутрь, погребая в каменной могиле своих обитателей. За первым домом рухнул второй, за ним третий. Внезапно возник странный, багровый свет. В центре города встал огромный смерч из бешено вращающегося столба пламени и дыма. Тишина окончательно рухнула, и Вольфгер услышал рёв смерча, втягивающего в себя кровлю с крыш, балки, деревья, изломанные человеческие фигурки... Он явственно ощутил умирание

множества людей, бессмысленно запертых в каменных ящиках, подвалах, бесполезных укрытиях. И это чувство было настолько страшным, что его вышвырнуло из сна.

Вольфгер проснулся, лёжа на спине. Сердце несло бешеным галопом, он с трудом переводил дыхание, рубаха была насквозь мокрой. На столе тускло светила лампа, освещая стену и потолочные балки. Вольфгер до рези в глазах смотрел на эти деревянные балки из реального мира, боясь, что если он закроет глаза, его опять выбросит в мир странного кошмара.

Барон вытер мокрую ладонь об одеяло и осторожно обнял Уту. Она тут же открыла глаза.

– Что с тобой, милый? – тихонько спросила она. – Увидел плохой сон?

– Плохой не то слово... – пробормотал Вольфгер. – В жизни ничего страшнее не видел.

– Расскажи, облегчи душу, – шепнула Ута, – и тебе сразу станет легче.

– Нет, любовь моя, – покачал головой Вольфгер, – не стану я рассказывать, не надо приносить в наш мир даже образ того, что я видел.

– Всё-таки, что тебе приснилось? Хотя бы намекни.

– Да я и сам не понял, – задумчиво сказал Вольфгер. – Злое волшебство в одно мгновение унесло жизни множества людей. У нас вина не осталось? Нет? Жаль... А воды?

Ута встала, наполнила кубок и подала барону. Он залпом выпил, пролив часть на грудь. От ледяной воды ему стало легче. Барон выплеснул остатки себе на лицо и растёр ладонями.

– Смерть я видел, Ута, – через силу сказал он. – Может быть, это и есть страшный суд. Трубный глас... Не знаю...

– Не думай об этом, любимый, – сказала Ута и погладила Вольфгера по щеке. – Человеку не дано предвидеть страшный суд даже во сне. Ты видел что-то другое, ты ранен, твой разум утомлён, и твоя боль породила чудовищ. Завтра при свете солнца ты и не вспомнишь про этот кошмар. Обними меня. Крепче... Вот так. А теперь спи!

Вольфгер быстро заснул, а Ута долго лежала с открытыми глазами.

«Злая судьба у Дрездена, – думала она, – я тоже это чувствую. Правда, она свершится ещё очень нескоро, но тень смерти уже лежит на нём, так предопределено. Нельзя нам здесь задерживаться».

Глава 7

23 октября 1524 г.

День св. Аллучио, св. Амо, св. Бенедикта Себастьянского, св. Вера, св. Иоанна Сиракузского, св. Клеодия, св. Леотада, св. Меровея, св. Оды, св. Романа Руанского, св. Серванда и Германика, св. Северина, другого св. Северина, св. Северина Боеция, св. Теодора Антиохийского, св. Эльфриды.

На следующее утро Вольфгер проснулся поздно. Не открывая глаз, он блаженно потянулся и попытался обнять Уту, но её место на кровати пустовало. С Вольфгера сразу слетел сон. А вдруг всё то, что случилось ночью, ему приснилось и было следствием непривычно обильной еды и выпитого вина? Пожалуй, нет, не сон... На полу возле кровати стояли *два* кубка. Вольфгер перекатился на половину Уты лицом вниз, и почувствовал тонкий, едва ощутимый, но знакомый запах волос девушки. Значит, Ута ушла, пока он спал, не желая его будить.

Вольфгер оделся и спустился вниз. В общем зале его поджидал Карл, попивая пиво. Он сообщил, что девушки рано утром наняли паланкин и отправились в общественные купальни, куда Карл их и проводил. В этих купальнях они намерены оставаться не менее чем до двух часов пополудни. К этому времени ему велено за ними прийти. Отец Иона, отказавшись от завтрака, отправился в Кройцкирхе – церковь Святого Креста.

– Ты сам-то завтракал? – спросил Вольфгер.

– Да, господин барон, благодарю вас, – ответил Карл. – Какие будут приказания?

– Седлай лошадей, сейчас я тоже что-нибудь съем, и мы с тобой сначала съездим к бургомистру, а потом навестим торговый дом Фуггеров. А там, глядишь, и наши дамы освободятся, поедем за ними.

– Эй, хозяин! – позвал Вольфгер, – яичницу с ветчиной и горячего вина, да поживей!

* * *

Вольфгер не любил городов, и Дрезден не был исключением. Даже в центральной, самой богатой части столицы курфюршества дома жались друг к другу как инвалиды, не способные стоять на своих ногах, а улицы с красивыми и нарядными домами неожиданно заканчивались зловонными мусорными кучами, из подворотен несло мочой, по мостовой текли ручейки подозрительного происхождения. Все время нужно было быть начеку, потому что из окна верхнего этажа легко могли выплеснуть на головы прохожих помои. Попрошаек, нищих и другого подлого народа не было видно – городская стража сгоняла их на окраины, чтобы они не оскорбляли взоров благородного сословия.

– Скажи, Карл, как можно по своей воле жить в этой смердящей тюрьме? – спросил Вольфгер, придерживая лошадь.

– Не представляю, господин барон, – пожал плечами оборотень. – В первые годы, когда я переселился из деревни, мне было страшно трудно, я боялся, что камни раздавят меня, как орех. Потом, конечно, по привычке, но всё равно, мне кажется, что в городе я теряю половину сил. Моя человеческая ипостась научилась мириться с городами, а вот медвежья бунтует... Очень хорошо понимаю эльфийку, она говорит, что в городе болеет. Вот это здание и есть магистрат, господин барон. Давайте поводья, я постерегу лошадей, а то знаете, народ здесь ушлый...

Вольфгер спрыгнул с коня, бросил поводья Карлу и, гремя оковкой ножен по каменным ступеням, вошёл в здание магистратуры.

В магистратуре, как и в любой канцелярии Священной Римской империи, было пыльно, неуютно и уныло. По тускло освещённым коридорам без видимой цели бродили чиновники, подметая мантиями грязные полы. Вольфгер придержал первого попавшегося за плечо:

– Э-э-э, любезный, укажи, как пройти к бургомистру?

Человечек, от которого нестерпимо разлило прокисшим пивом, вскинулся на наглеца, посмеявшегося дотронуться до имперского чиновника, но разглядев меч и золотую цепь Вольфгера, увял и съёжился.

– Что угодно господину барону?

– Ты что, глухой?! Я спрашиваю, где тут у вас сидит бургомистр?

– Если вашей милости будет благоугодно пройти вон по тому коридору, то в конце будет лестница, извольте подняться на третий этаж, а там...

– А ну, проводи!

Чиновник жалобно вздохнул, наполнив коридор волной пивного перегара, и двинулся по указанному маршруту. Вольфгер, сдерживая дыхание, шёл за ним. У дверей кабинета бургомистра стоял обширный стол, заваленный бумагами. В них самозабвенно рылся замученный секретарь, который, казалось, не мыл голову с Пасхи.

– Доложи: барон Вольфгер фон Экк к бургомистру! Живо!

На стол перед секретарём упала и покатилась монета. Тот ловко прихлопнул её ладонью и вскочил:

– Сию минуту, ваше сиятельство!

Видимо, беднягу не баловали подношениями, поскольку одной серебряной монетки хватило, чтобы он присвоил барону графское титулование. С трудом приоткрыв высокую дверь, секретарь юркнул внутрь и через минуту высунул голову:

– Пожалуйста, господин бургомистр ждёт.

Бургомистр оказался низеньким пожилым толстячком с блестящей лысиной и таким красным лицом, что Вольфгер подумал: «Не надо быть медикусом, чтобы понять: любовь к пиву ведёт старика прямой дорожкой к мозговому удару, похоже, скоро Дрездену понадобится новый бургомистр».

– Господин барон! – воскликнул бургомистр, выбираясь из-за стола, – в нашем городе! Какая честь! Чем могу быть полезен? Какая забота привела столь блестящего вельможу в наше скромное учреждение?

– На меня и на моих людей вчера напали, – не здороваясь, скучным голосом сказал Вольфгер и без приглашения уселся в кресло.

– Напали?! Кто? Где?! Разбойники? Какая дерзость! Надеюсь, господин барон не пострадал? Я сейчас же отдам распоряжение, и...

– Напротив, как раз пострадал, – перебил его Вольфгер, – получил аркебузную пулю в плечо.

– Примите мои самые искренние сочувствия, – залебезил бургомистр. – Как видно, дела зашли чрезмерно далеко! Да куда же это мы катимся, если уже господа из благородных сословий не чувствуют себя в безопасности?! Я сей же момент отправлю отряд городской стражи, чтобы она...

– Да подождите вы, любезный, – поморщился Вольфгер, – не трещите так и возьмите на себя труд не перебивать меня. Никуда стражников посылать не надо, потому что разбойников больше нет. Я и мои люди перебили их без вашей помощи.

– А что это были за разбойники? – наивно спросил бургомистр.

– Вы что же, полагаете, что я знаю в лицо всех оборванцев, которые промышляют разбоем в окрестностях Дрездена? Главара звали Стрелком, это всё, что я смог узнать от раненого разбойника, прежде чем мой слуга перерезал ему горло.

Бургомистра заметно передёрнуло.

– Значит, Стрелок... – задумчиво сказал он, – а мы-то охотились за его бандой полгода...
– Плохо охотились, впрочем, нас он нашёл сам на свою глупую голову и погибель.
– Господин барон, о вашем исключительном героизме я немедленно донесу курфюрсту Саксонскому!

– А вот это как раз и не обязательно, – отмахнулся Вольфгер. – Я к вам по другому поводу.
– Всепочтеннейше внимаю, – согнулся в поклоне бургомистр.
– Десятник стражи сказал, что за банду Стрелка назначено вознаграждение, это правда?
– Н-ну... Да.
– Тогда я хочу получить его!

Выражение лица бургомистра немедленно стало задумчивым и весьма хитрым:

– Но... Господин барон, вы же понимаете... Чтобы выплатить деньги, и деньги немалые, нужны доказательства убиения разбойников!

– Вы что же, не верите слову дворянина? – высокомерно удивился Вольфгер.

– Что вы, что вы, ваша милость, как можно подумать такое... Но...

– Вчера я послал ваших кнехтов зарыть мертвецов. Можете допросить их. Кнехтов, конечно, а не мертвецов, – неприятно ухмыльнулся Вольфгер. – И ещё там должна валяться аркебуза с погнутым стволом. Эта та самая, из которой я получил пулю в плечо, она принадлежала как раз покойному Стрелку. Надеюсь, этого достаточно?

Бургомистр увял. Его румяные щёчки побледнели. Перспектива расставания с деньгами огорчала чиновника до крайности, но деваться было некуда: надменный барон глыбой восседал в кресле, решительно не желая покидать его без денег. Издав серию траурных вздохов, один глубже и печальнее другого, бургомистр снял с пояса ключ с причудливой бородкой, открыл денежный ящик, извлёк из него кошель и с поклоном передал Вольфгеру. Барон тут же встал.

– Моё почтение, господин бургомистр. На прощание примите совет: чтобы не тратить деньги на выплаты за убиенных разбойников, прикажите нанять приличную городскую стражу. Начните с десятника. Ваш нынешний – игрок и пьяница, гоните его.

* * *

У дверей магистратуры Вольфгер увидел Карла. Оборотень привязал лошадей к чугунной ограде, а сам присел поодаль в тени, впрочем, не спуская с них глаз.

– Вставай, здесь нам больше делать нечего! – весело сказал барон, отвязывая поводья своего коня. – Вот, возьми! – он кинул увесистый кошелек Карлу. – Я облегчил бургомистра на кучу гульденов, отдашь гному, заслужил. Это был его бой, и награда по праву принадлежит ему!

Карл улыбнулся и опустил кошель в спорран³⁶, который он, в отличие от шотландцев, носил на боку.

* * *

Из-за массивных каменных стен и узких окон, забранных коваными решётками, здание торгового дома Фугтеров напоминало крепость.

Вольфгер миновал привратника, с поклоном распахнувшего перед ним дверь, и вошёл в общую приёмную. За деревянным барьером сидели конторщики и сосредоточенно скрипели перьями, вполголоса обмениваясь с соседями замечаниями, отчего в помещении стоял непрерывный гул, напоминающий жужжание пчёл на пасеке.

---

³⁶ Спорран (англ. Sporan) – шотландская кожаная поясная сумка-кошелек.

Вольфгер недоумённо огляделся, не зная к кому обратиться, но из глубины зала к нему тут же подскочил ещё один служащий, видимо, старший над конторщиками, поскольку одет он был заметно богаче.

– Что угодно господину э-э-э... – служащий метнул быстрый и намётанный взгляд на цепь Вольфгера, – барону?

Вольфгер обвёл зал глазами, давая понять, что не желает говорить при всех. Служащий его мгновенно понял.

– Покорнейше прошу вашу милость следовать за мной, – с поклоном произнёс он, указывая на дверь в дальней стене.

Они вышли из общего зала и двинулись по слабо освещённому коридору, причём служащий отпёр перед Вольфгером и запер за ними несколько дверей – коридор делился на секции, в которые выходили плотно закрытые двери. Что или кто был за ними, Вольфгер не имел понятия. Архитектура торгового дома Фуггеров сильно напоминала крепостную тюрьму, и это было неприятно барону. Он понимал, что компания вынуждена защищаться от воров, но ощущение все равно было нехорошим.

Наконец служащий толкнул одну из дверей, и они вошли в бедно обставленную комнату. Из мебели в ней был только стол и два стула с плетёными из камыша сидениями. Комната, как и следовало ожидать, напоминала тюремную камеру. Каменный пол, белёные стены, маленькое окно в глубокой амбразуре. «Локтя три, не меньше, – прикинул Вольфгер, – такую стену и ядром бомбарды³⁷ не прошибёшь, крепко построено...»

Служащий указал Вольфгеру на стул и, дождавшись пока он усядется, представился:

– Моё имя – Михаэль Циммерман. Что будет благоугодно вашей милости?

– Я – Вольфгер фон Экк, – кратко представился барон, которому начинала надоедать приторная вежливость служащего.

Словно не замечая этого, конторщик опять поклонился:

– К вашим услугам.

– Прежде всего, я хотел бы узнать, каковы размеры моего кредита в вашем доме? – сухо спросил Вольфгер.

– Неограниченные, – лаконично ответил Михаэль.

– То есть? Что это означает?

– Это означает, что вы можете получить у нас любую разумную сумму, какую пожелаете, – пояснил служащий.

– Вот как? Хм... Это приятно, черт побери... Тогда вот что: мне нужны наличные.

– Сколько и в какой монете желаете получить, господин барон?

– Ну, мне предстоят некоторые траты... Для начала, скажем, сто золотых гульденов.

– Сию минуту, я отдам распоряжения. Позвольте оставить вас ненадолго.

Михаэль вышел и действительно вернулся очень быстро. Он присел на стул и спросил:

– Могу я осведомиться, какого рода траты вам предстоят?

– Траты? – удивился Вольфгер. – Да разные... Например, надо будет оплатить счёт на постоялом дворе.

– Зачем же платить наличными? – удивился служащий, – просто подпишите счёт, трактирщик принесёт его к нам, а мы учтём его.

– Да? А я и не знал, что так можно. Хорошо. Кроме того, мне понадобятся лошади и кое-какое снаряжение, я, видите ли, путешествую.

– Пусть ваш слуга занесёт нам список, и мы подготовим всё необходимое, – сказал Михаэль. – Кроме того, раз вы делаете покупки у Фуггеров, мы предоставим вам хорошую скидку.

---

³⁷ **Бомбарда** – одно из первых в истории артиллерийских орудий. Бомбарды имели очень короткий ствол, стреляли каменными или железными ядрами, использовались при осаде крепостей.

Торговый дом заинтересован, чтобы деньги не уходили за его пределы. Вообще, если в каком-либо городе империи вам понадобятся деньги, покупки или услуги, обращайтесь в любое из наших отделений, и вы получите всё желаемое.

– Надо же! – удивился Вольфгер.

– Это наша работа, – в очередной раз поклонился Михаэль.

В комнату проскользнул служащий и передал Михаэлю опечатанный кожаный кошель.

– Ровно сто гульденов, господин барон, – сказал он, – благоволите получить.

– Благодарю, – кивнул Вольфгер, пододвигая кошель к себе. – Осталось последнее.

– Слушаю вас.

– Меня интересуют новости. Я несколько лет провёл практически безвылазно в своём замке, поэтому несколько э-э-э... отстал от жизни.

– Хм... Новости – тоже товар. Что угодно знать господину барону? Рискну предположить, что цены на кожи и на железную руду его не интересуют?

– Не интересуют, – кивнул Вольфгер. – Я хотел бы знать... Как бы это сказать? Как обстоят в империи дела римской курии? Каково вообще положение церкви в стране?

Услышав слово «церковь», Михаэль заметно насторожился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.